

ИСЧИСЛЕНИЕ

**ВЛАДИМИР
БУТРОМЕЕВ**

ВРЕМЕНИ

В призраках утраченных зеркал

Владимир Бутромеев

Исчисление времени

«Бутромеев В.В.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Бутромеев В. П.

Исчисление времени / В. П. Бутромеев — «Бутромеев В.В.»,
2020 — (В призраках утраченных зеркал)

ISBN 978-5-4444-4246-3

Владимир Бутромеев – современный прозаик. Родился в 1953 году, в 1986 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник рассказов «Любить и верить», удостоенный литературной премии имени М. Горького. Пьеса «Страсти по Авдею», написанная по одной из глав романа «Земля и люди», в постановке Белорусского Академического театра вошла в число классических произведений белорусской драматургии, в 1991 году была выдвинута на Государственную премию СССР. В Белорусском Академическом театре была поставлена и часть трилогии Владимира Бутромеева «Театр Достоевского». («Один судный день из жизни братьев Карамазовых», «Преступления бесов и наказание идиотов» и «Вечный Фома»). Роман-мистификация «Корона Великого княжества» в 1999 году получил премию журнала «Дружба народов» как лучшая публикация года и вошел в шорт-лист премии «Русский Букер». Бутромеев живет и работает в Москве, он создатель многих известных издательских проектов, таких как «Детский плутарх», «Древо жизни Омара Хайяма», «Памятники мировой культуры», «Большая иллюстрированная библиотека классики», отмеченных международными и российскими премиями. Во втором романе цикла «В призраках утраченных зеркал» – «Исчисление времени» автор, продолжая традиции прозы Гоголя и Андрея Платонова, переосмысляя пророчества и предвидения Толстого и Достоевского, создает эпическое произведение, в котором, как в фантастическом зеркале, отразилась судьба России XX века.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-4246-3

© Бутромеев В. П., 2020

© Бутромеев В.В., 2020

Содержание

I. Кто я, где я?	8
II. Я, хата и земля, прирезанная нам по приказанию Сталина	10
III. О том, как отец Сталина проклял сына	12
IV. Как Сталин стал абреком вместо того, чтобы пойти в священники	14
V. Сталин и Ленин	16
VI. Чему Ленин научил Сталина	18
VII. О надеждах на всемирный грабеж	20
VIII. Сталин и Троцкий	22
IX. Первая мировая война	23
X. Ленин в Петрограде	25
XI. Что произошло в зимнем	27
XII. Как разграбили Россию	29
XIII. Особняк балерины Кшесинской	31
XIV. О послаблении нравов	33
XV. Бегство Кшесинской	35
XVI. Поэт Блок и Валькирии революции	37
XVII. История студента, помощника профессора	40
XVIII. Коварная экономка и потайная комната	43
XIX. Клятва и мандат	47
XX. История землячка	50
XXI. Замысел Землячка	54
XXII. В Kisлoвoдcкe	55
XXIII. Oшибкa эkoнoмки	57
XXIV. Бeсcтpaшнaя Рeвeккa	59
XXV. Кaк Зeмлячoк избaвилcя oт coлдaтa	61
XXVI. Apecт вeликoгo князя	64
XXVII. Хитрoсть Зeмлячкa	65
XXVIII. Судьбa кoмиссaрa Лeщинcкoгo	67
XXIX. Судьбa рyccкoгo цaря	69
XXX. Судьбa рyccкoгo цaря (прoдoлжeниe)	71
XXXI. Судьбa рyccкoгo цaря (прoдoлжeниe)	72
XXXII. Кaк Лeнин дoдyмaлcя рacстрeлять рyccкoгo цaря	74
XXXIII. Aнглийcкaя кoрoлeвa и Чepчилль	76
XXXIV. Зa гpaницeй	79
XXXV. Шкoлa Кшeсинcкoй	81
XXXVI. Бpиллиaнты и зoлoтo	83
XXXVII. Сoлoмoн и Виктoр Хaнeвcкий	84
XXXVIII. Пoлнoлyниe	87
XXXIX. O coвeтcкиx писaтeлeяx	90
XL. Рecтoрaн «Пpaгa»	94
XLI. O нeвeceлoй жизни Стaлинa	98
XLII. O рyccкoм кpeстьянcтвe	100
XLIII. Пpo Тyргeнeвa	106
XLIV. И oпять o кpeстьянax, Лeнинe и Тpoцкoм	108
XLV. O тoм, кaк Стaлин нe пoлaдил c Лeниным	110
XLVI. Кaк Стaлин вдpyг oкaзaлcя вceч рeчистeй	114

XLVII. О писателе Салтыкове-Щедрине	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

В. П. Бутромеев

Исчисление времени

© Бутромеев В. П., текст, 2020

© ТГВБ, издание, 2020

І. Кто я, где я?

Я родился. А до того, как я родился, меня, такого, как я есть, не было. Но я родился и оказался в этом мире и стал таким, как я есть.

Я родился на хуторе, и жизнь моя, по неизвестным мне причинам и с непонятной мне целью, начала вплетаться в последовательность событий, от меня никак не зависящих, до моего появления начавшихся и продолжавшихся своей чередой, со мной, таким, как я был, поначалу никак не связанных, но потом и меня втянувших в свое течение, сплетение, во вращение своих шестеренок, кривошипов и анкерных механизмов, и я, такой, как я был, сначала «маленький», потом «взрослый», следовал за этими событиями; они и сейчас уносят меня за собой, невзирая на то, противлюсь ли я им или покорно слеую за ними, радуюсь или проклинаю их, и эти события, все, что происходит со мной и так или иначе касается меня, я, по непонятной мне причине, пытался осмыслить и понять с самого раннего детства и продолжаю эти попытки и, наверное, не оставлю их в последний миг своего бытия, который тоже настоятельно требует осмысления или, точнее, предосмысления, то есть осмысления до того, как он, этот последний миг, наступит, потому что, когда он наступит, осмысливать и осознавать его уже будет поздно, да и невозможно, да и не нужно.

До своего рождения, до появления на свет и до своего зачатия я тоже был в этом мире, в этой Вселенной, но в таком виде и состоянии, что не мог осмысливать ни себя, ни мир вокруг меня, ни то, что со мной происходит. В таком же виде и состоянии я останусь и после окончания своего земного бытия, я останусь, буду, но не смогу этого осмысливать и осознавать.

Осознание собственного бытия зарождается медленно. Первые неяркие вспышки мягкого, теплого света отрывочны, они как большие, выплывающие из темноты искры, постепенно гаснущие, но потом все же сливающиеся в один световой след, уже как будто непрерывный.

В самых первых этих вспышках я явственно ощущал желание знать, кто я и где я, поэтому я и предполагаю, что именно для этого, то есть для того, чтобы осознавать и понимать себя и все, что вокруг меня, я и появился в этом зримом, ощущаемом и осознаваемом мире.

Собственные мои детские воспоминания первых попыток осознания самого себя и всего, меня окружающего, видимо, смешаны с чуть более поздним знанием, невольно почерпнутым из рассказов тех, среди кого я жил, незаметно для себя совмещаемых мною с представлениями, которые я подсознательно составил для себя значительно позже и которые я все еще продолжаю составлять, вступая в последний период моей жизни, и даже в самом первом моем воспоминании, в первой оставшейся в моей памяти картинке-воспоминании себя – то ли однолетнего, то ли двухлетнего – есть и я сегодняшний – шестидесятилетний.

Вопросы: кто я и где я, откуда я «взялся» и как возник этот мир были одними из главных на протяжении всей моей жизни и остаются таковыми и сейчас.

Позже к ним прибавились вопросы: зачем я и зачем все это: я и этот мир, и что будет потом, после смерти, и со мной, и со всем миром; но эти вопросы возникли позже, я хорошо помню, когда это произошло, как появились эти следующие вопросы, не имеющие ответа – мне тогда было года двадцать два-двадцать три, может, двадцать пять (но не больше), я даже помню день (точнее, вечер), когда это случилось.

Ведь не может так быть, чтобы я, мое существование не имело никакого смысла, как не имеет никакого смысла и значения существование и несуществование пчелы, сбитой в полете дождем, упавшей в густую траву и на земле, со сломанными крыльями, изъеденной и растащенной муравьями на невидимые уже глазом кусочки, и даже следы этих кусочков исчезают в кипящем другой жизнью муравейнике на поляне леса, к которому движется огромная стена вспыхнувшего от случайной искры пожара, разгоревшегося неведь как далеко, но приближа-

ющегося с огромной скоростью и вот-вот, через несколько дней, сожрущего и этот муравейник, и этот лес.

Ведь пчела эта должна вернуться в свой рой, где она рождена и где у нее было свое место и значение, заменявшие ей смысл существования, но все-таки заменявшие. И в чем же смысл или хотя бы кажущаяся замена этого смысла, если пчела, преодолев и капли дождя, и выбравшись из густой травы, и вернувшись к дуплу, в котором каждодневно пульсировала движением и звучанием жизнь роя, частью которого она была, видит и понимает, что жизнь роя замирает и подножие дерева уже усыпано шелухой, когда-то бывшей живыми пчелами, наполнявшими своим движением и звучанием множась и удерживаемый исполнением всеми некогда уставившихся порядков рой?

И когда в двадцать два-двадцать три года, или уж точно в двадцать пять лет, вопросы: кто я, где я, зачем я, и зачем то, что вокруг меня, зачем весь этот мир, зачем я и Вселенная, зачем, для чего я в этой Вселенной из подсознательного тумана облекаются в слова и даже записываются на бумаге, то с очевидной ясностью возникает и вопрос: почему с Россией, с русским народом сегодня происходит то, что с ним происходит и почему с ним произошло то, что с ним произошло в последние сто лет?

Я ли являюсь частью этого народа или он, этот народ, часть меня, для того и существовавший, чтобы мог существовать я и оправдывать его, этого народа, существованием бессмысленную смерть – и мою собственную, и любого человека, этому народу принадлежащего? Можно ли примириться с мыслью о возможности своей, собственно своей, но только своей смерти, особенно прожив долгую жизнь, исчерпав ее до старости? Может быть, и можно. Но невозможно примириться, невозможно понять, согласиться с тем, что умрет, умирает твой народ, который часть тебя – большая часть тебя, большая, чем ты сам, большая, потому что его неисчезновение и бессмертие – единственно доступное тебе оправдание ничем неистребимого понимания того, что ты умрешь, и единственная, чуть брезжущая, призрачная и тоже подвергаемая сомнениям, но все же надежда на какой-то неуловимый смысл бытия в этом мире.

И потому так пугают признаки, приметы того, что уже началось умирание твоего народа. Как же так происходит, что не только я умру рано или поздно – сегодня, завтра или спустя годы, но и народ, часть которого я, и без которого я – не я – исчезнет?

Почему это происходит? В чем причина? Когда это началось и почему? Как так случилось и почему случилось, произошло, что народ, огромный многочисленный народ, живший тысячу, более тысячи лет и всегда сохранявший себя, сегодня подвержен разложению, и, истязаемый извне и изнутри, оказался под гнетом почти всеобщего умопомрачения, и неужели то, что произошло – необратимо и безнадежно или все же возможно восстановление естественного бытия, или то, что происходит, это уже агония, последнее содрогание жизни и нет спасения, или спасение возможно и что нужно сделать для спасения, и кто сделает то, что необходимо сделать для спасения, или все совершится само, как это уже происходило однажды в Смутное и ему подобное время?

А до появления этих все более и более настойчивых, иной раз мучительно-неотступных, пугающих вопросов тогда, в детстве, главными вопросами были – кто я, где я – и ответы на них я знал.

Сами же вопросы – кто я, где я – доставляли какое-то непонятное, но приятное удовольствие. Это словно пробуждение. Вот ты проснулся и впереди целый день и что-то интересное, влекущее, ожидаемое еще со вчерашнего вечера. Это пробуждение похоже на разглядывание своего лица в большом зеркале: это ведь я, да, это я, так вот какой он – я, неужели это и есть я, именно я, и ничто другое и никто другой, а я.

II. Я, хата и земля, прирезанная нам по приказанию сталина

С самого первого мгновения осознания себя я знал, что я – это я. Маленький, худенький и быстрый, без какого бы то ни было страха, наполненный желанием узнать, заглянуть – что там дальше, впереди – там, куда очень хочется заглянуть.

Я знал, кто я, потому что у меня были мои дедушка и бабушка и такие же, как я, чуть старше меня, двоюродные брат и сестра. И мать и отец – они приходили каждую неделю, в воскресенье. Я был такой, как они, часть их, – все остальные были не «мы», чужие.

Я знал и где я. В хате с большим залом; с печью, в которой по утрам горит огонь, а потом лежит испускающий красный жар слой углей, а потом из-за черной заслонки идет запах хлеба, каши, щей с бараниной или крупени – густого супа с крупой и картошкой, и «бабки» – тертого картофеля, запеченного в глиняном горшочке; с прихожей, где стоит обеденный стол, а у стены – лавка с двумя ведрами воды, часто замерзшей тонкой стеклянно-прозрачной коркой льда; чтобы зачерпнуть воду, этот лед нужно пробить металлической кружкой.

Тяжелая дверь с «кляжкой» – железной щеколдой, вторая дверь в «сенцах» – сенях, с железным засовом, отделяла хату от улицы. Бревенчатые стены хаты ограждали от любой опасности и угрозы, были надежной защитой, нарушить которую не могло ничто и никто.

То, что находилось за этими стенами и окружало хату, не пугало, но – сначала – и не влекло, а просто было, было в окнах: клубы цветущей сирени и черемухи – фиолетовые и ослепительно ярко-белые, тягучая синь ночного неба, пересыпанная блестками сверкающих короткими лучиками звезд, завораживающая белая луна, огромное солнце с желтыми лучами и маленькое красное солнце, без лучей; на большое солнце невозможно смотреть, оно как слепящая дыра, а на лучи – можно, когда они косо падают под большую кровать, стоящую в зале, то кажется, что там, в тени, их можно даже потрогать рукой, а маленькое красное солнце похоже на жар в печи; и еще снежная мгла – окна по краям намерзали льдом, стекло покрывалось морозными резными по серебру узорами, но в середине стекла оставалось небольшое «окошечко» – в нем и крутилась, вертелась, бушевала далекая снежная мгла.

Окон в зале несколько: в прихожей – одно, сдвоенное, и по одному на кухне и в спальне.

К хате относились и двор, огород, сарай, погреб – все это отделялось плетнем от улицы и изгородью со всех остальных сторон. Плетень и изгородь очерчивали границу того, что «наше», при хате, но не защищали так надежно, как стены. Через плетень и изгородь можно перелезть. Воры могли раздвинуть толстые еловые ветви плетня или выломать несколько ровных кольшиков изгороди и залезть в наш огород, во двор, в сарай и на «погребню» – крышу, прикрывавшую погреб, да и в сам погреб. Поэтому во дворе у нас жила собака, она сидела на цепи в деревянной будке и громко лаяла, если «чужа» какую-нибудь опасность.

В хату воры не залезут, потому что сенцы с вечера запирались на крепкий, надежный засов. Сарай (его называли и «сарай» и «пуня») стоит с другой стороны подворья, он большой, но не такой, как хата, а длинный, невысокий. В сарае корова. Я помню и черную, огромную корову, и светло-коричневую в белых пятнах, тоже очень большую. У коровы рога, она может «боднуть» и затоптать маленького, такого, как я, «дитенка», когда идет по двору, если вовремя не залезть на крыльцо. При корове ходила и другая корова – поменьше, без рогов – подтелок.

Корову доила бабушка, моя старшая сестра помогала ей – держала кружку с водой, пока бабушка мыла вымя, потом они приносили в дом полное ведро молока и, разливая по глиняным горлачам, процеживали молоко через «цедилку» – белую марлю, сложенную в несколько слоев, и мы с братом пили теплое молоко, «сыродой», столько, сколько могли выпить – стакан,

два и даже три; первый стакан выпивали «одним духом», «набгом», не отрываясь, и потом хлопали себя ладошками по раздувшимся животам.

Кроме коровы в сарае за загородкой робко теснились десятка два пугливых, глупых, бестолковых овец. И в особом отделении – поросята, их я не видел, а только слышал, как они визжат и «чавкают» у корыта с едой. В другом конце сарая были куры, гуси и утки. Утки и гуси в сарай ходили только осенью. Летом они и на ночь оставались «на воде».

За сараем и за погребней, за подворьем – наша картошка и наше жито (рожь) на неогороженной земле, которую «прирезали» нам по приказанию Сталина¹, чтобы те, кто живет в деревне, не умерли бы от голода. А сразу за этой неогороженной землей с нашей картошкой – наш «оборок» – озерцо, часто высыхавшее летом. Чтобы в нем сохранялась вода, дедушка выкопал в середине оборка глубокую яму и даже в самую сушь из нее можно брать воду для поросят, коровы и овец. Рядом с ямой дедушка насыпал что-то вроде маленького островка, потом поросшего осокой и камышом.

Наши утки и гуси ночевали на берегу оборка, и из леса к нам «повадилась» лиса (а может волк) и «задрала» одну нашу утку. А может не лиса, а бродячая или чужая собака. Но скорее всего все-таки не собака, а «гость» из леса. Это случилось ранней весной, в лесу было «голодно», лиса (или волк) даже не утащили утку в лес, а «распотрошили» ее тут же, на берегу оборка. Утки, гуси подняли шум. Услышав шум, залаяла наша собака. Проснулся дедушка, он вышел к оборку, но было поздно, от утки остались только окровавленные перья. После этого бабушка каждый вечер ходила к оборку за утками и гусями и пригоняла их на ночь в сарай. Но когда дедушка насыпал островок, ни чужие собаки, ни лиса уже не могли достать наших уток и гусей, потому что они ночевали у этого островка, и спокойно спали, спрятав голову под крыло.

Больше за пределами хаты и того, что огорожено рядом с ней, ничего нашего нет.

То, что настоящая наша земля, доставшаяся моему дедушке, Владимиру Ивановичу Волкову (Волк-Карачевскому), от его прапрадеда Данилы, находится не здесь, а за старыми хуторами, я узнал много лет спустя, года в двадцать два-двадцать три, может, в двадцать пять (но не позже).

Той, собственно нашей, земли было пятнадцать гектаров, не так уж и много, но она была очень урожайной, плодородной – такие земли называли «белым черноземом». Эту землю у дедушки отобрал тот самый Сталин, который потом приказал дать моему дедушке и другим крестьянам, не умершим от голода, по полгектара земли, чтобы они пока не умирали от голода, по крайней мере до того, как начнется всемирный грабеж и крестьяне уже будут не нужны.

О Сталине я знал с самых первых лет моей жизни, потому что этот Сталин приказал дать те полгектара земли, на которых семья моего дедушки сажала картошку, и потому все – и моя мать (дочь моего дедушки и моей бабушки), и ее сестры и братья не умерли от голода. А кроме этого этот Сталин победил немцев, один из этих немцев чуть не застрелил бабушку, а если бы Сталин не победил немцев, то немцы могли бы убить всех – и дедушку, и бабушку и мою мать, и ее сестер и братьев, и я бы уже никогда не родился.

Поэтому я слышал об этом Сталине с самого раннего детства. А о его поделниках – Ленине и Троцком я узнал позже, в школе. Хотя имя Ленин я слышал еще до школы, но редко, и только имя. Уже потом, в школе, я узнал всю ложь о них, а позже – года в двадцать два-двадцать три, может, в двадцать пять (но не позже) я уже сам разобрался, кто это такие – эти Ленин, Сталин и Троцкий. Самым отъявленным негодяем среди них был Ленин. Но Троцкий в пьяной драке заколол его сапожным шилом, во время дележки награбленного, и Сталин после этого уже делал все, что хотел.

¹ Сталин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

III. О том, как отец Сталина проклял сына

Что касается Сталина, то этот Сталин был кавказцем, горцем, осетином, и все считали его грузином, потому что попасть на Кавказ можно только по Военной Грузинской дороге, именно по этой дороге на Кавказ ездили великие русские поэты Пушкин, Грибоедов и Лермонтов. Пушкин от романтических настроений и сердечной тоски и по проискам шулеров, обыгрывавших его в карты, Грибоедов по делам службы, а Лермонтов, чтобы с глаз долой, подальше от немытой России.

Уже потом Сталин сам сказал, что он – русский человек грузинской национальности. Понять, как это можно быть русским человеком грузинской национальности нельзя, да и довольно опасно, попытки подобного рода лежат за границей здравого смысла, а переходя эту границу, иной раз трудно вернуться назад, туда, где какой-никакой здравый смысл еще остается.

Но когда Сталин определил, что он русский человек грузинской национальности, ему никто не осмелился возразить, потому что Сталин мог приказать расстрелять и тех, кто по слабости умственных способностей не уразумели того, что он сказал, и тех умников, которые по строптивости характера вздумали бы ему перечить, воображая, что понимают что-либо лучше, чем Сталин. Это сейчас об этом можно писать и рассуждать сколько хочешь.

А тогда и те, кто ничего не понимали, и те, которым казалось, что они понимают очень много, предпочитали помалкивать и оставаться живыми – и самые глупые, и самые умные соображали, что живым быть куда лучше, чем мертвым, хотя иногда живые и завидуют мертвым, а вот завидуют ли мертвые живым неизвестно, и многим, в том числе великому русскому писателю Л. Н. Толстому², очень хотелось бы это знать, и они строят разные глупокомысленные предположения на этот счет, всматриваясь в высокие небеса, но пока узнать что-нибудь по этому поводу ни у кого не получилось, и все надеются, что этот вопрос прояснится как-нибудь позже сам собою.

Сталин родился на Кавказе, в высокогорном диком ауле, среди вершин покрытых снегом и вечными, ослепительно сверкающими льдами, гордо сияющими под лучами солнца. В тех местах замечательный чистейший, хрустальный воздух и чистейшая, тоже хрустальная вода, струящаяся из-под ледников, прекрасные горянки носят эту воду в высоких кувшинах, кувшин они ставят себе на голову или на плечо, придерживая его одной рукой, и грациозно спускаются по узким, опасным горным тропам по краю бездонных ущелий, поэтому у них стройные фигуры, на что обратил внимание еще А. С. Пушкин.

Живительный хрустальный воздух и прозрачная хрустальная вода способствуют долголетию, поэтому горцы и живут самое малое по сто лет, а то и по сто двадцать, если по каким-либо причинам не умрут раньше или не зарежут друг друга острым кинжалом, который они всегда носят на поясе, на тот случай, если вдруг потребуется кого-либо зарезать.

Но и в кавказских горах есть одно серьезное неудобство. Там очень мало, а порой и совсем нет пахотных земель, где можно сеять рожь и пшеницу.

Воздух, да, хорош – дыши во всю грудь, и вода отменная – пей вволю. А вместо пахотной земли скалы и утесы, ущелья, обрывы да бездны – сеять пшеницу и рожь негде, вот и сиди без хлеба. На Кавказе не покрестьянствуешь. Поэтому многие горцы подаются в абреки. Абрек – это отчаянный удалец, давший обет не щадить головы своей ни по какому случаю, неистово и храбро драться и грабить с шайкой таких же сорвиголов в прямом смысле этого слова,

² Л. Н. Толстой. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

соединившихся для грабежа и дерзких набегов на земли всех, кто живет на равнине у гор и пасет стада скота или пашет землю и растит на ней хлеб.

Ну а тому, кого не взяли в абреки, приходилось заниматься сапожным ремеслом. Вот отец этого Сталина и был сапожником по фамилии Джугашвили³. Он научился шить обувь, но людей-то в ауле немного, он сшил всем по две, а кому и по три пары хороших, носких сапог, куда уж большие, и без работы запьянствовал и, чтобы не дать этой порочной слабости погубить себя, решил уехать в Тифлис, в столицу Грузии, когда она в древности еще была славной державой и ею правила красавица царица Тамара, а поэт Шота Руставели писал поэмы о смелых грузинских витязях, не боявшихся даже тигров, давно уже не обитавших в горах Кавказа.

В Тифлисе отец Сталина надеялся найти работу – людей там много, не босьми же им ходить по городу, сапоги всем нужны, а когда ты занят шитьем сапог, ни виноградного, ни хлебного вина пить не станешь, а то сошьешь два левых сапога в одну пару или пришьешь голенища вместо подметок – сраму не оберешься, да и тачая сапоги, некогда пить, поэтому уважающий себя сапожник – даже немец, которого судьба забросила в Россию – пьет только после рабочего дня от тоски по родному «Фатерляндю», а когда заказов невпроворот, так и совсем не пьет, или пьет, но уже без удержу, до полного бесчувствия только по воскресным дням, а в понедельник с утра он трезв как стеклышко, чтобы с пьяных глаз не воткнуть шило себе в руку.

Отправляясь в Тифлис, Джугашвили-старший хотел взять с собой и сына. Тот давно уже вышел из младенчества и мог бы помогать отцу. Если не шить сапоги, то хотя бы готовить дратву, а со временем и ставить набойки на стоптанные башмаки, ведь если умело сделать набойки, старые башмаки можно носить как новые и не тратить деньги на покупку обуви.

Но сын вдруг не согласился ехать в Тифлис и открыто пошел против воли отца. Во-первых, отец под пьяную руку часто бил его по голове сапожной колодкой, а сыну это не нравилось – и больно, и голова потом гудит полдня. А во-вторых, у Сталина не было склонности к сапожному ремеслу, он однажды тайком попробовал сшить сапоги, уколол палец и решил больше никогда не брать в руки ни сапожной иглы, ни дратвы – пропади они пропадом.

Видя дерзкую непокорность сына, Джугашвили, как всякий вспыльчивый горец, проклял его и, не меняя своего решения, уехал в Тифлис, где впоследствии все-таки спился, несмотря на то, что приходилось много работать.

³ Джугашвили. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

IV. Как Сталин стал абреком вместо того, чтобы пойти в священники

Мать Сталина⁴ не вмешивалась в ссору сына с отцом, но в душе поддерживала сына. Она родилась в небольшом грузинском городке, в русском квартале. После ранней смерти родителей ей пришлось переехать к родственникам в горный аул, где она и вышла замуж за Джугаивили, потому что никого другого не нашлось, аул-то маленький, мужчин, тем более неженатых, в нем взять негде. Мать Сталина хорошо говорила по-русски, отличалась набожностью, характер имела твердый и суровый – в девичестве это не бросалось в глаза, а после неудачного замужества стало очень даже заметно.

Когда сын вырос, видя, что у него хороший голос и слух, она часто возила его в городок, где родилась и водила в церковь. Сталин пел в церковном хоре, это приводило мать в умиление и она мечтала, чтобы ее сын, на зависть соседям, стал священником или хотя бы дьяконом. Но дьяконы все огромного роста и поют басом, так что голос переполняет всю церковь, как рев горного потока заполняет тесное ущелье. А священники – разные: и солидные, и благообразные, и маленькие, даже тщедушные и поют, кто тенорком, кто дисконтом.

Чтобы стать священником, нужно учиться в семинарии. Обучение (да еще одежда) стоят дорого: все вместе больше двухсот рублей – матери Сталина не по карману. Тогда она пошла работать прачкой и мыть полы в богатых домах. Денег все равно не хватило. Но хозяйка, узнав, что работавшая у них прачка и поломойка собирает деньги не для того, чтобы купить нарядное платье или дорогие бусы, а для учебы сына на священника, а этот сын уже научился у матери русскому языку, умеет читать и писать и отказался обучаться сапожному ремеслу, чтобы потом рано или поздно пристраститься к спиртному, а вместо этого станет священнослужителем и будет рассказывать малограмотным крестьянам, как им сделается хорошо сразу после смерти, если они при жизни будут послушны, как овцы, дали кто пять рублей, а кто десять, а один торговец мелким товаром, крещеный еврей, так даже пятьдесят рублей, и требуемая сумма вскоре собралась.

Когда мать показала Сталину эти деньги, он вдруг сказал ей:

– О моя мать! Если у нас есть такие деньги, зачем же мне учиться на священника? Лучшие я куплю себе горячего коня, кинжал и такую бурку, что, завернувшись в нее, можно спать под скалой в любую непогоду и метель. Я стану абреком и пойду грабить всех прохожих и проезжих, и жители нашего аула будут бояться и уважать нас.

– О сын мой! – ответила Сталину его мать. – Абрек должен быть высок, силен и красив лицом, он как горный орел хватает свою добычу, поэты слагают о нем песни и называют его гордым именем. Ты же у меня невзрачный, кривобокий и рябой, ведь так тебя называют. И ростом ты совсем не удался.

– О моя мать, – сказал Сталин, – не тот абрек хорош, кто красив лицом, высок и строен, а тот, кто умеет взять добычу. Гордый орел парит высоко в небе, но он у всех на виду, и меткий стрелок сбивает его пулей. А рысь и лиса знают как подкрасться, выждать и нанести удар, и добыча не уйдет от них. Да, я мал ростом, меня называют Кривобокий и Рябым, но дух мой неукротим, терпение бесконечно, я хитер и коварен, и лучше я пойду в абреки, чем в священники.

– Хорошо, сын мой, – ответила Сталину мать, пораженная умом сына, – только помни, если ты станешь неприметным священником, ты проживешь тихо и всегда с кусочком хлеба,

⁴ Мать Сталина. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

и никто тебя не упрекнет. А если ошибешься или проспичь обедню – помолитесь, и Бог тебя простит. А если выберешь себе судьбу абрека, то тут уж нужно стать таким джигитом, чтобы о тебе песни пели.

– О моя мать! – воскликнул Сталин. – Я не пойду в священники. У меня совсем другие наклонности. Я буду грабить и убивать, как мой прадедушка Иосиф, ведь в его честь меня и нарекли.

Хотя отец Сталина был драчливый пьянчужка-сапожник, но зато его далекий прапрадед прославился строптивостью и разбойной жизнью. Он обирал людей на большой дороге по ночам, и именно от него Сталину достались врожденные наклонности убивать и грабить, а других наклонностей у него не обнаружилось.

Сталин взял деньги, собранные его матерью, поклялся отомстить всем, кто унизил ее своими подачками, купил горячего коня, непромокаемую, непробиваемую ни ветром, ни пулями бурку, острый безжалостный кинжал и подался в абреки.

Для начала он ограбил всех, у кого мать стирала одежду, мыла полы и собирала деньги на его учебу в семинарии, а еврея-торговца даже зарезал своим только что купленным кинжалом, потому что тот вздумал напоминать, что дал его матери денег больше, чем остальные – целых пятьдесят рублей.

Исполнив клятву, данную матери, Сталин принялся грабить всех, кто попадался ему под руку. И вскоре сакля, в которой жила его мать, наполнилась коврами ручной выделки, кувшинами с маслом, кругами сыра сулгуни, домашними лепешками и выделанными овечьими шкурами – всем, что, имея кинжал и твердую руку, можно добыть в селах предгорий Кавказа. И мать Сталина уже не ходила по чужим домам мыть полы и стирать белье, а соседи при встрече уважительно кланялись ей в пояс.

Сталин же тем временем добрался до города Баку, где на нефтепромыслах работало много людей. Нефтепромыслы принадлежали шведу по фамилии Нобель, он, по заведенной у всех немцев аккуратности, раз в неделю платил рабочим зарплату, и Сталин начал отнимать у них не только лепешки и кой-какой домашний скарб, но и деньги. Рабочие, оставшись без денег, не могли купить себе и своим детям хлеба. Они собрались вместе, вооружились кольями, подстерегли Сталина, явившегося накануне получки, и, не сдерживая злобы, прибили его до полусмерти и едва живого сдали в полицию. Сталин выжил, но одна рука (левая или правая) осталась поврежденной на всю жизнь, и чтобы это меньше бросалось в глаза, Сталин всегда держал в ней трубку, хотя курить никогда не курил и махорке всегда предпочитал стакан хорошего грузинского вина.

У. Сталин и Ленин

Когда Сталин слегка оправился от побоев, его в арестантском вагоне отправили в Москву, а потом, по старому русскому обычаю, заковали в железные кандалы и по знаменитой Владимирке – дороге, названной в честь крестившего Русь князя Владимира Красное Солнышко, погнали этапами в Сибирь.

На этих этапах Сталин и познакомился с Лениным⁵. Имя его неизвестно, а отчества у него не было, такие рождаются без отца и без матери, как пузыри земли в пьесах Шекспира. Этот Ленин был авторитетным вором, сидел не первый раз, поэтому его все уважали. Они со Сталиным брели по осенней грязи Владимирки, и Сталин, от рождения музыкальный, как все грузины, под мелодичный звон кандалов и свист ненастного ветра пел грузинские песни, эти песни очень понравились Ленину, потому что он терпеть не мог песни на русском языке. И Ленин сказал Сталину:

– Хорошо поешь, товарищ. И не по-русски, и складно, и напевно. Но ты еще молод и многого не понимаешь. Твоя ошибка в том, что ты вздумал грабить рабочих. Прочти как-нибудь на досуге сочинения Маркса⁶.

– А кто такой этот Маркс? – спросил Сталин.

– Вот видишь, ты даже не знаешь, кто такой Маркс. Это знаменитый немецкий грабитель.

– И что же этот Маркс, грабит немцев?

– Маркс давно уже умер. Он никого не грабил сам. Он всем разъяснил, как это нужно делать. Маркс – создатель теории.

Сталин не знал, что значит слово «теория», но из гордости, присущей многим горцам, часто совершенно ложной, вида не подал и не стал спрашивать, что это такое.

– Теория без практики – мертва, но и практика без теории слепа, – объяснил, правда не очень понятно, Ленин. – Вот, к примеру, ты грабил рабочих. А рабочие это по сути дела пролетарии. Грабить их нельзя. Во-первых, взять у них фактически нечего, кроме их очень маленькой зарплаты. А во-вторых, пролетарии сами с радостью готовы ограбить кого угодно, им только нужен предводитель. И если бы ты додумался стать их предводителем, вы бы могли вместе грабить нефтепромышленника Нобеля – у него-то денег пруд пруди. Грабить нужно не пролетариев, а помещиков, церковников, купцов – у них много денег. И царя – у него государственная казна, и в дворцах, если пошарить, тоже найдется что прибрать к рукам. Именно этому и учит Маркс и его теория. И запомни, тот, кто грабит на большой дороге – просто грабитель, а кто грабит согласно теории Маркса – марксист. Разницы, конечно, никакой, но звучит куда как приятнее, особенно для женщин, они от революционеров иной раз просто без ума. И в тюрьме политическим совсем другая пайка. Мой тебе совет – читай Маркса. Перед сном это не самое лучшее чтение, не какой-нибудь барон Брамбеус или Нат Пинкертон, но в тюрьме да на каторге – самый раз.

Сталин прислушался к советам Ленина, стал читать сочинения Маркса, ничего в них не понял, но из скрытности никому об этом не рассказывал, а всем говорил, что он марксист, и ему все поверили, потому что, пройдя этапами до самой Сибири, он оброс черной щетиной и выглядел как настоящий людоед или черт вечером накануне Рождества из повестей Н. В. Гоголя.

⁵ Ленин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

⁶ Маркс. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Ленин умел менять обличье. Он прикинулся дворянином, инспектором народных училищ и на казенные деньги в почтовой кибитке вернулся из Сибири, а потом под видом престарелого и нуждающегося в заграничном лечении царского генерала в мундире с золотыми эполетами удрал в Швейцарию, где выдавал себя за потомка народного героя Вильгельма Телля, меткого стрелка из лука.

А Сталин жил в Сибири и писал матери письма:

«Здравствуй, моя дорогая мать! Я теперь марксист, поэтому каторгу в рудниках мне заменили на ссылку и даже дают деньги на прокорм, потому что так положено по доброте русского царя, денег этих, правда, маловато, всего по пятнадцать рублей в месяц, но и они вылезут царю боком, я их ему никогда не забуду, как те пятьдесят рублей еврею-торгашу. Несмотря ни на что, питаюсь я хорошо, ловлю в реке осетров, черную икру ем ложкой, а жареной осетриной еще и местных жителей угощаю. Зимой скучновато, читаю длинными вечерами сочинения Маркса, и время проходит совсем незаметно. Не горюй, моя бедная мама, скоро мы пойдем другим путем».

Мать Сталина читала эти письма и не могла взять в толк, каким это другим путем они пойдут и куда, и поэтому тихо плакала, а по ночам не спала и думала: «О, мой мальчик Иосиф! Не получился из тебя абрек. Росточком не удался, что ж тут поделаешь. Хорошо, что хоть пятнадцать рублей дают тебе на прокорм, вот только никак не пойму, за что...»

VI. Чему Ленин научил Сталина

А тем временем Ленин в Швейцарии продал генеральский мундир с золотыми эполетами, пропил до копейки все деньги и сидел без гроша. Он пробовал одалживаться у писателя из нижегородских мещан Горького⁷. Тот уже давно жил в Европе, писал о своей горькой, беспутной жизни и, к своему удивлению, получал от издателей неплохие деньги. Горький был слезлив, как только встречал Ленина где-нибудь в пивной, сразу плакал и высказывал много сочувствия, но денег давал мало, потому что был прижимист, как и все обыватели мещанского сословия.

Тогда Ленин вспомнил про Сталина и велел ему бежать из ссылки, ехать прямо в Тифлис и грабить там банки. Письмо Сталину Ленин написал официально от Центрального Комитета еврейской партии РСДРП (аббревиатура РСДРП не расшифрована до сих пор, несмотря на усилия нескольких институтов марксизма-ленинизма, которые, потерпев фиаско с поиском в этой аббревиатуре буквы, соответствующей слову «еврейская», заявили о своем самороспуске в конце XX века). Письма из Швейцарии Ленин отправлял с почтовыми голубями, чтобы не перехватила полиция или провокаторы, они следили за каждым шагом, изнывавшего от безденежья изгнанника и вскрывали все его письма, которые он посылал во все концы света с яростными и очень жалостливыми просьбами прислать ему денег.

Несчастные голуби выбивались из сил, замерзали на лету и падали в таежные дебри, где их тут же разрывали на части голодные хищные куницы, вечные враги веселых и ловких белок, трудолюбиво запасавшихся кедровыми орехами и потому безбедно проводившими длинные сибирские зимы вместе со своим многочисленным проворным потомством.

Но один голубь все же пробился через пургу и метели.

Получив послание Ленина, Сталин очень удивился, как это он сам не додумался до того, чтобы бежать из Сибири и грабить в Тифлисе банки – ведь, казалось бы, это так просто – сообразить, что в банках много денег. Позже Сталину не однажды приходилось убеждаться в прозорливости Ленина и поражаться остроте беспокойной мысли своего сотоварища, доводившей его иногда до нервических припадков и болезненного иступления, обычно заканчивавшегося декламацией речей в полном одиночестве или тяжельми запоями, на корню сгубившими от природы крепкий организм Ленина, и только частые ссылки в село Шушенское и простая крестьянская пища как-то поддерживали его здоровье.

В ссылке за Сталиным присматривали местные разноплеменные обитатели, жившие по соседству. Сталин купил водки, наловил осетров, нажарил осетрины и напоил своих соседей до полусмерти под предлогом того, что у него день рождения. Сам же взял том сочинений Маркса (на обложке его было написано «Капитал», слово «капитал» латинское, в переводе значит «главный», но Маркс латинского языка не знал и думал, что оно означает «деньги», денег у Маркса никогда не водилось, и поэтому все свои сочинения он назвал этим словом), спрятал его на груди под рубаху и в простеньком демисезонном пальтишке через всю Сибирь, в сорокаградусный мороз, без шапки, не разбирая дороги, напрямик отправился в Тифлис.

Дорог в Сибири, особенно зимой, вообще не бывает. Это позже, уже во второй половине XX века, через всю тайгу – вдоль и поперек проложили дорогу два брата-кинематографиста. Они прорубили ее насквозь, прямую как стрела, потому что, работая топорами, ориентировались на звезду, наподобие Вифлиемской, и когда закончили «прорубаться», даже посочувствовали, что дремучие сибирские дебри и чащи вдруг закончились, и пробиваться больше некуда, а руки уже привыкли к топорам.

⁷ Горький. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Сталин же шел по дикому бездорожью, по тундре, шел через тайгу, по степям, том сочинений Маркса с названием «Капитал» согревал его, и он не замерз, хотя холодные северные ветры пронизывали его насквозь. Книга под рубахой согревала ему не только брненное тело, но и душу и придавала силы, Сталин не ощущал голода, а таежные кровожадные звери гнались следом и хотели загрызть или разорвать его на тысячу мелких кусочков, но Сталин доставал из-под рубахи «Капитал» и, увидев эту толстенную книгу, похожую на священное писание евреев «Библию», звери бежали прочь, сверкая горящими во тьме глазами и клацая острыми, как у крокодилов в Африке, зубами. А когда подули весенние ветры и вскрылись широкие сибирские реки, Сталин переходил их аки посуху, держа том сочинений Маркса над головой, погружаясь в воду не глубже щиколотки, и только рыба плескалась у его ног, радуясь окончанию ледового плена и надеждам на то, что рано или поздно наступит и нерест.

Описание перехода Сталина через невообразимо бескрайние пространства Сибири многие считают несколько приукрашенным, но это не так. Оно записано со слов нескольких товарищей Сталина, которые могли знать все подробности и детали от него самого.

Что же касается хождения по воде – именно оно более всего вызывает недоверие, – то описание подобных случаев встречалось и раньше, и сомнения возникали отнюдь не у всех читателей, знакомых с законами Архимеда о выталкивающей силе, действующей на тела, погружаемые в воду при разных обстоятельствах.

Добравшись до Тифлиса, Сталин собрал несколько отъявленных негодяев, забросал вместе с ними губернский банк бомбами, и когда охрана банка в ужасе разбежалась (те, кто остались живы после взрыва), налетчики похитили столько денег, сколько каждый из них смог унести на собственных плечах. Большую часть этих денег переправили в чемоданах с двойным дном в Швейцарию, Ленину. После этого Ленин мог позволить себе не дешевый обед с кружкой прокисшего пива в столовке для безработных, а самые необычные деликатесы от лягушек в сметанном соусе по-французски до диковинных фруктов с острова Новая Гвинея, доставляемых пароходами по предварительному заказу посетителя ресторана, и супа из плавников акул, бороздящих просторы Тихого океана, словно торпеды.

Все это так понравилось Ленину, что он, обычно крайне неблагодарный, пригласил Сталина в Лондон, где устроили большой «сходняк» марксистов. Он назывался «съезд», потому что на него не сходились, как обычно это делали воры и бандиты, когда нужно о чем-либо договориться, а именно съезжались, до Лондона из России пешком идти очень долго.

VII. О надеждах на всемирный грабеж

Собирались Ленин и его подельники в Лондоне, потому что в любом другом городе их бы арестовали и отправили в Россию, а уж в России они опять оказались бы в Сибири, где-нибудь в Туруханском крае или в селе Шушенском, на берегу великой реки Енисей (при впадении в него реки Большая Шушь), а то и в рудниках в Забайкалье. Англичане же никогда не выдают ни воров, ни пиратов, если тем удалось улизнуть от полиции и добраться до Лондона. А с воров, которые могли бы причинить какой-нибудь вред России, хотя бы самый маленький, англичане пылинки сдували, такой уж у этих жителей туманного острова Альбиона паскудный и сволочной характер.

Россию они ненавидят с пеленок, их хлебом не корми, они даже готовы отказаться от своего любимого пива, которое хлещут в пабах с утра до вечера – дай только напакостить России, если не в центре страны, то хотя бы на окраине, в Крыму или вообще у черта на куличках, в каком-нибудь забытом Богом Петропавловске-Камчатском, куда плыть да плыть по морям и океанам – для этого в Англии специально строили корабли – парусники, а позже пароходы.

В Лондоне Сталин узнал, что Ленин и его подельники-сотоварищи собираются ограбить не только всю Россию, но и весь мир.

Ведь земной шар круглый, как кочан капусты. И, ограбив Россию, двигайся на запад, в Европу, где тоже можно грабить, а потом дальше в Америку, и опять грабь, сколько душе угодно. Но самое главное, что ограбив Америку, двигаясь дальше, окажешься в России, и ее снова уже можно грабить, а потом Европу, а потом Америку, и так по кругу, пока не надоест. А грабить – это не пахать-сеять, это дело веселое, наскучит не скоро. Ленин объяснил Сталину, что в этом и заключается теория, придуманная Марксом.

Сталин до глубины души поразился гениальностью и простотой этой теории. Он раздобыл портрет Маркса, повесил в углу, как его набожная мать вешала икону с изображением соплеменника Маркса – Иисуса Христа⁸, две тысячи лет тому назад мирно распятого в Иерусалиме, и испуганно глядя на этот портрет, переосмыслил всю свою жизнь.

Грузинские разбойничьи песни, которые он пел Ленину, когда они вместе месили грязь Владимирки, показали Сталину детским лепетом. Теперь каждое утро, едва поднявшись с постели, он во весь голос пел три песни подряд: «Интернационал», «Марсельезу» и «Варшавянку». Эти же песни он повторял и перед сном. В душе его навсегда поселился трепетный восторг и надежда на светлое будущее человечества, когда его, это человечество, можно будет грабить не переставая, продвигаясь по земному шару следом за солнцем – с востока на запад.

Ленин к его восторгам отнесся снисходительно. Сам он давно уже смирился с тем, что всемирный грабеж – это всего лишь байка для наивных простаков, и кружку хорошего швейцарского пива ценил больше собрания сочинений Маркса на немецком языке и их перевода на русский. Поэтому он отправил Сталина в Россию грабить банки не только в Тифлисе, но везде, где они есть, а сам спокойно уехал в свою любимую Швейцарию, затерявшуюся в горах в самом центре Европы, и только изредка писал Сталину провидческие письма следующего содержания:

«Тов. Сталин! Продолжайте грабить банки. Деньги незамедлительно высылайте по старому адресу. До всемирного грабежа нам с вами, старым каторжникам, никак не дотянуть, но утешайтесь тем, что наши внуки доживут до этих радостных дней. Ваш покорный слуга, Ленин».

⁸ Иисус Христос. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Сталин письма эти получал, банки исправно грабил, деньги Ленину на старый адрес посылал. Но был озабочен тем, что внуков-то у него нет. Поэтому Сталин срочно женился и успокоился только после того, как жена родила ему сына. Известное дело, сын есть, авось будут и внуки.

VIII. Сталин и Троцкий

Однажды, совершенно случайно, Сталин поделился своими мыслями о надеждах на внуков с одним из своих подельников-сотоварищей. Этот подельник-сотоварищ имел кличку Троцкий⁹ и был довольно примечательной фигурой. Как и все подельники-сотоварищи, он приловчился воровать и грабить с молодых ногтей, сидел по тюрьмам, несколько раз бегал с каторги. У него в Америке завелись какие-то еврейские родственники, банкиры. Троцкий часто приезжал к ним, пугал рассказами о том, что, мол, скоро наступит всемирный грабеж и им несдобровать даже в Нью-Йорке, в высоченных небоскребах, с их стальными сейфами, до отказа набитыми долларами.

И пока банкиры-родственники сидели с раскрытыми от ужаса ртами, Троцкий таскал у них из-под носа доллары – он обладал феноменальной ловкостью рук и в молодости выступал в цирке в качестве подсадной утки у одного известного фокусника, а в свободное время подрабатывал «наперсточником». Доллары, добытые у банкиров таким хитрым способом, Троцкий менял на золотые царские рубли, ввозил их в Россию в подошвах старых стоптанных башмаков и прогуливал в московском ресторане «Яр», так как очень любил цыганское пение и старинные романсы. Он очень увлекался поэзией, но стихи сочинять не умел и часто говорил:

– Стихи писать не получается, ну так буду кутить там, где пили и гуляли великие русские поэты!

На этой почве Троцкий постоянно спорил с Лениным. Ленин ничего не понимал в поэзии, ругал всех русских «виришплетов», начиная с Ломоносова и Пушкина, и требовал, чтобы Троцкий часть денег, украденных у американских банкиров, пересылал в Швейцарию.

Неутомимый насмешник Троцкий в ответ наизусть читал Ленину «Евгения Онегина» и прямо заявлял, что в России рестораны не хуже швейцарских, а по части свежей севрюжины, так еще и лучшие, и он сам распорядится денежками своих заокеанских сородичей-ротозеев.

Сталин начал рассказывать Троцкому о предвидениях Ленина насчет сроков наступления всемирного грабежа, но тот бесцеремонно перебил его:

– Они там в своей Женеве совсем оторвались от реальной действительности и свихнулись с ума, которого у них-то и вовсе нет. А впрочем, из Ленина такой же провидец, как из мартышки слон.

Сравнение Ленина с мартышкой (на которую тот действительно был похож как две капли воды), а мартышки со слоном – она ведь на него не похожа нисколько – так поразило Сталина, что он умолк и не знал что ответить.

– Ваш Ленин, – задорно продолжал Троцкий, – это Кассандра наоборот. Та дура вещала правду, а ей никто не верил, этот болтун врет как сивый мерин, а ему все верят.

– А кто такая Кассандра? – растерянно спросил Сталин.

– Вы, Сталин, – серое, малограмотное ничтожество, – самодовольно заявил Троцкий, – сходите в библиотеку, наберите побольше книг и читайте в перерывах между грабежами, это пойдет вам на пользу. И поменьше слушайте Ленина. Имейте в виду: всемирный грабеж начнется очень даже скоро, можно сказать, со дня на день.

⁹ Троцкий. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

IX. Первая мировая война

Сталину очень не понравился тон Троцкого и все его замашки. Но оказалось, этот Троцкий как в воду смотрел. Разразилась Первая мировая война. Русско-германский фронт протянулся от Балтийского до Черного моря, почтовое сообщение со Швейцарией прервалось. Деньги, награбленные Сталиным, перестали доходить до Ленина. А цены на продукты и на пиво выросли в несколько раз.

Сталин, по совету Ленина, пробовал посылать деньги с голубями, так когда-то это делал банкир Ротшильд, чтобы поддержать войска англичан, воевавших в Испании против Наполеона. Но теперь из этого ничего не вышло. Фронт установился сплошной, война стала окопной, солдаты в окопах и траншеях голодали и сбивали голубей из винтовок и пулеметов.

Голубя бросали в суп, а деньги тратили – русские на водку, а немцы на проститутток, они, по душевному порыву, валом валили ближе к фронту, потому что в Германии уже начался голод. Немецкие солдаты тоже целыми днями не видели корки хлеба, но при случае предпочитали платить проституткам, а не покупать съестное, такой уж у немцев страстный характер и малообъяснимая душа, воспетая еще Шиллером и Гете. У русских с продуктами было более или менее терпимо и с душой все понятно, как божий день, вот только водки не хватало, потому что какой-то очередной большой умник придумал объявить сухой закон и водка сильно подорожала. А в окопах – грязь, сырость, вши, скука, без водки ну никак.

До Ленина в Швейцарию долетел только один голубь, и тот не с деньгами, а с письмом от Сталина. Сталин писал, что деньги он отправляет исправно, но они все уходят на проститутток для немецких солдат и на водку для русских. Ленин прочел это объяснение, в сердцах обозвал Сталина кавказским идиотом и поехал к немцам в генштаб.

Он рассказал одному немецкому генералу, что когда Россия воевала с Японией, японцы не поскупились заплатить, и Ленин с сотоварищами устроил в Москве баррикады (как это раньше делали в Париже), вывел на них рабочих, раздал им оружие, и они вместо того чтобы работать на заводах, отстреливались от солдат, казаков и полиции несколько дней, а боевиков, в отличие от рабочих хорошо владевших револьвером и бомбами, не могли переловить целый месяц. «Я вставил в задницу царизму такую занозу, что большая Россия проиграла войну маленькой Японии. За приличные деньги и кружку хорошего пива могу сделать то же самое и для вас, и царю уже будет не до того, чтобы воевать против Германии», – хвастливо заявил Ленин.

Но генерал отказался.

– Я не хочу, чтобы какой-то проходимец марал своими грязными плутнями победы грозного немецкого оружия, – сказал он и брезгливо приказал одному полковнику схватить Ленина за шиворот и вытолкать вон.

А этот полковник служил в контрразведке. Он для вида вышвырнул Ленина из кабинета генерала, но в коридоре помог ему подняться с пола, крепко взял под локоток и проводил в тайную комнату, где обычно ночевали шпионы, и на всякий случай дал Ленину немного денег и пообещал присылать каждый месяц. Денег этот полковник выделил Ленину мало, Ленин остался недоволен, но взял столько, сколько ему дали, потому что никогда не мог отказаться от денег, если уже видел их или хотя бы слышал хруст купюр или звон монет. А полковник всякий раз, когда отправлял Ленину денежки, записывал сумму в тетрадочку.

Война затянулась – и год, и два, и три. Немцам пришлось совсем туго – русский фронт с востока, французы и англичане с запада зажали их, как мышь под венком, хлеба нет, патроны заканчиваются, одним словом, хоть в голос кричи, никакого спасения. Тут-то генерал в генштабе и вспомнил про Ленина:

– Эх, – говорит, – дал я маху, сейчас бы и с этим подлецом, Лениным, готов поцеловаться, только бы он помог, а то ведь пропадем ни за понюшку табака.

А полковник тут как тут и рассказал ему, что за Лениным далеко ходить не нужно, и деньги он получает регулярно, хотя и понемногу, и коли он нужен, то отказаться никак не сможет. Генерал обрадовался и спросил, сколько, мол, этому Ленину уже выдали денег.

– Больше миллиона марок, и все золотом, – ответил полковник.

– Ну, деньги не маленькие, – сказал генерал, – пора и отрабатывать, хватит ему в Швейцарии прохлаждаться. Отправьте этого негодяя в Россию, пусть фронт разваливает, народ мутит. Заставим Россию подписать сепаратный мир, авось и французам и англичанам накостыляем как следует.

Полковник явился к Ленину и говорит ему: так, мол, и так, надо вам в Россию собираться. А Ленин, продувная bestия, ни в какую.

– Обстановка давно уже изменилась, в России тоже голод, а я привык к швейцарским ресторанам. Ко всему еще дезертиров и прочей швали везде полно, того и гляди зашибут и не заметят. А самое главное, денежки-то ваши я давно проел, нету их, и что ж получается, я задаром должен в Россию ехать? Нет уж, лучше я это беспокойное время в Швейцарии пересижусь.

А полковник ему под нос тетрадочку с записями выplat.

– Как задаром? А это что?

Ленин видит, дело плохо, против немецкой аккуратности не попрешь, это тебе не Сталин, тот деньгам, которые Ленину отсылал по своей кавказской гостеприимности никогда учета не вел. Тогда Ленин решил обдурить полковника.

– Я, конечно, поеду в Россию. Долг платежом красен, но чуть позже, потому что пишу очень важное сочинение о неисчерпаемости атома, сейчас никак не могу прервать работу. Вам, как всякому солдафону, наверно, и невдомек, что такое атом? – сказал Ленин и поднял вверх указательный палец.

Полковник посмотрел вверх и задумался, он в самом деле про атом раньше ничего не слышал. А Ленин тем временем прыг в окошко и бежать.

Полковник, хотя и не знал, что такое атом, но в контрразведке служил давно и оказался очень предусмотрительным. Под окнами он заранее расставил часовых, они схватили Ленина, связали по рукам и ногам, для острастки дали кулаком в морду, посадили в вагон и отправили в Россию. Ленина очень возмутило бесцеремонное обхождение немецкой военицины. Он так кричал, так ругался, визжал и плевался, что немцы испугались и не стали развязывать Ленина, опломбировали двери и окна вагона и подцепляли его не к пассажирским составам, как собирались делать это сразу, а только к товарнякам.

Х. Ленин в Петрограде

Когда вагон прибыл в Петроград, Сталин и Троцкий, встречавшие Ленина, с трудом проникли в вагон и развязали ему руки и ноги. Они вышли втроем на Финляндский вокзал и хотели скрыться не привлекая внимания полиции. Но Ленин вдруг заметил в толпе балерину Киесинскую¹⁰, приму императорского Мариинского театра. Ей не давали прохода и выкрикивали в ее адрес угрозы и грязные ругательства. Какие-то разнузданные мерзавцы требовали, чтобы Киесинская подняла юбки и показала им свои голые ноги, как это она делала во время балетных спектаклей. Они утверждали, что теперь все совершенно равны и имеют одинаковое право полюбоваться ее стройной фигурой.

Ленин тут же встрял в назревавший конфликт. Он был очень равнодушен к любым балеринам, их обнаженные ноги, когда они выдвигали разные танцевальные па, мгновенно возбуждали его, Ленин решил отвлечь недоброжелательно настроенную толпу от Киесинской и, увидев стоящий у перрона броневик, начал карабкаться на его баашню. Сталин и Троцкий, не поняв, что происходит, заподозрили, что Ленин повредился рассудком, и попытались удержать его. Несколько человек из толпы стали помогать им – это были вокзальные карманники, и пока Ленин взбирался на баашню броневика, они украли у него дорогие, почти новые швейцарские часы, носовой платок и даже «увели» небольшой саквояж с парой нижнего белья, купленной для Ленина заботливыми немцами на деньги германского генштаба.

Оказавшись на баашне броневика, Ленин вытянул вперед одну руку (левую или правую) и в мгновение ока, на время лишившись картавости, (с ним это случалось всегда, когда он видел балерин или думал о них), закричал:

– Товарищи! Оставьте Киесинскую в покое! Она пострадала от царизма не меньше вашего. Ее сердце разбил император и царь, подлый самодержец Николай II¹¹, гнусный и коварный обманщик! Сомкните ряды и стройными колоннадами (Ленин хотел сказать колоннами) идите к Зимнему дворцу. В стране уже фактически полная неразбериха и безвластие. Зимний никто не охраняет! Хватайте и тащите все, что можете! Желанное время, когда можно безнаказанно грабить, наступило! Не мешкайте, не опаздывайте, товарищи! Зимний набит дорогим барахлом! Спешите, не пропустите случая! Не медлите и не зевайте! Грабьте награбленное веками!

Вокзальная толпа, состоявшая из дезертиров, воров и бродяг, забыла о Киесинской и хлынула к Зимнему дворцу. Ленин так увлекся своими же словами, что даже не заметил, как благодарная Киесинская сделала ему книксен. Он забыл, что стоит на баашне броневика, хотел бежать следом за толпой, чтобы ему тоже что-нибудь досталось, сделал неосторожный шаг и рухнул с броневика прямо на брусчатку мостовой, сломал вытянутую вперед руку и свернул себе шею. Когда Сталин и Троцкий подняли его с холодных камней, он уже был мертвее мертвого. Не веря своим глазам, глотая от досады слезы, Сталин и Троцкий перетащили труп Ленина на конспиративную квартиру.

То, что случилось потом, серьезные историки описывают по-разному. Одни утверждают, что Сталин и Троцкий оставили тело Ленина на кухне, а сами от переутомления и нервного потрясения одновременно уснули, несмотря на то, что всю ночь гремела канонада – моряки крейсера «Аврора» без передыху лупили из корабельных орудий по Зимнему дворцу. А утром, проснувшись, обнаружили живого Ленина, как ни в чем не бывало распивающего чай

¹⁰ Киесинская. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

¹¹ Николай II. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

на кухне. По другим сведениям, Сталин уснул первым, а когда проснулся, то увидел Ленина и Троцкого со стаканами чая в руках.

В дальнейшем, рассказывая о том, что случилось, Троцкий всегда безразличным тоном, как о чем-то совершенно незначительном, говорил, что, мол, Ленин упал с броневика и всего лишь потерял сознание, во многом потому, что ехал в опломбированном вагоне в очень неудобной позе. А отдохнув за ночь, к утру пришел в себя без всякого ущерба для здоровья.

Сталин к рассказу Троцкого отнесся подозрительно, предпочитал помалкивать, но в глубине души догадывался, что Троцкий подменил Ленина, пока Сталин спал под грохот канонады пушек крейсера «Аврора». И эти подозрения потом очень сильно повлияли на взаимоотношения Сталина и Троцкого.

Часть историков считает, что Троцкий совершенно ни при чем, немцы сразу прислали двух Ленинов, одного просто запасного, и когда первый свернул себе шею, упав с броневика, второй – запасной – и стал во главе сотоварищей-подельников.

Третьи вообще придерживаются мнения, что неважно, какой Ленин стал за главного, так как между основным и запасным не предусматривалось никакой разницы.

На самом же деле все это происшествие имело довольно большое значение, особенно для Сталина, и стало одной из причин развития его болезненной подозрительности, которая сослужила ему хорошую службу. Не будь этой подозрительности, подельники-сотоварищи давным-давно нашли бы способ «ухандокать» Сталина, то есть отправить его к праотцам.

XI. Что произошло в Зимнем

Пока Ленин и Троцкий с нехотя присоединившимся к ним Сталиным пили чай, стало известно, что произошло в Зимнем дворце. Когда Ленин советовал вокзальной шутере идти грабить Зимний, он думал, что там находится царь Николай II. Ленин долго жил вдали от России, газет почти никогда не читал, потому что по утрам у него с похмелья всегда болела голова, и он не знал, что Николай II уже отрекся от престола, а в Зимнем дворце заседает Временное правительство.

Зимний дворец действительно никто не охранял. У входа даже не стоял швейцар, старика прогнали полгода назад, ему перестали платить жалованье, и какой-то шутник, желая сосрывать, сказал, что он может сбрить свои старорезжимные бакенбарды и возвращаться в родную Швейцарию, а в России теперь все равны и каждый-всякий может заходить куда угодно без доклада.

Вокзальная толпа ввалилась во дворец. Все эти люди, с горящими глазами и возбужденными лицами, впервые оказались в таких дорогих апартаментах, и поэтому одни начали хватать бронзовые подсвечники, принимая их за золотые, другие отрывать от портьер куски на портянки. Члены Временного правительства, люди образованные и культурные, стали делать всей этой сволочи замечания и объяснять, что тяжелая парчовая материя портьер вовсе не годится на портянки, она хотя и блестит, но жесткая, ее неловко заворачивать на ногу, она грубовата, и с такой портянкой запросто натереть себе мозоли. И вообще, в царском дворце полагается вести себя приличнее.

– А вы кто такие и что тут делаете? Вас сюда кто пустил? – закричал какой-то длинный верзила с лицом кретина, в матросском бузилате, одетом на голое тело, и шоферской фуражке. (Позже выяснилось, что это был сын лесника, земляк Сталина, футурист Маяковский, он писал стихи не как все, ровными строчками, а «лесенкой», и это тогда многих приводило в восторг, потому что в головах у людей все так и прыгало и у них не получалось читать ровные строчки).

Члены Временного правительства не смогли вразумительно ответить на вопрос этого Маяковского, и их тут же всех до одного перебили, потому что в толпе оказалось много дезертиров и у них имелись при себе винтовки, которые они еще не успели пропить. После этого все бросились искать вход в подвалы, кто-то сказал, что там хранятся запасы вина и разных других спиртных напитков.

Услышав это, какой-то матросик, сердобольная душа, побежал на крейсер «Аврора», чтобы позвать своих дружков, те по части выпивки всегда рады составить буйную компанию. Но когда команда «Авроры» впопыхах прибежала в Зимний дворец, его уже полностью разграбили, винные подвалы опустели, в коридорах валялись пустые бутылки, заколотые штыками члены Временного правительства, и ветер с реки Невы, о котором писал еще А. С. Пушкин в своей поэме «Медный всадник», шевелил остатками портьер.

Моряки «Авроры» очень обиделись, что их никто не дождал и им ничего не досталось. С досады они побросали в Неву тела членов Временного правительства, вернулись на свой корабль и всю ночь напролет палили из пушек по Зимнему дворцу. Но так как они со вчерашнего дня были пьяны, то или, сами того не соображая, стреляли холостыми снарядами, или ни разу не попали, и легендарное творение архитектуры Растрелли стоит себе целехонькое по сей день.

Но согласно сведениям других историков (и мемуарам иностранных дипломатов) матросы успели протрезветь, потому что опоздали к разграблению винных подвалов, стреляли метко, все снаряды легли в цель и, вымещая свое законное и естественное недовольство,

моряки не оставили от Зимнего камня на камне, подтвердив тем самым слухи о том, что фамилия строителя этого дворца – Растрелли – имела символически-мистический смысл.

Таким образом, когда рано утром Сталин, Троцкий и Ленин напились чая, никакой власти в России уже не существовало. Узнав об этом из утренних газет, которые читал Сталин, Ленин сказал:

– Ну вот, самое время грабить.

Таким образом в России установилось полное безвластие, а Ленин и Сталин и путавшийся у них под ногами Троцкий оказались тут как тут, и им ничего другого не оставалось как грабить в свое полное удовольствие.

ХII. Как разграбили Россию

Начали с царских дворцов, грабили дворян, купцов и крестьян. Кто сопротивлялся, тех убивали, расстреляли даже царя со всей его семьей. Кто-то спросил Ленина, расстреливать ли маленьких детей, он ответил:

– А как же. Я человек добродушный, но я не хочу, чтобы, когда я стану уважаемой персоной и буду заседать в каком-либо парламенте и разъезжать в дорогих автомобилях, ко мне, как черт к монаху, явился бы кто-нибудь из этой семейки Романовых.

Сталину это в глубине души не понравилось, но он промолчал, хорошо понимая, в какую компанию попал по велению судьбы и стечению самых разных обстоятельств.

Когда грабили дворян, то среди них оказалось много офицеров, они стали отстреливаться – началась гражданская война. Ленина, Сталина и Троцкого чуть было не прихлопнули. Но Ленин посоветовал Сталину временно прекратить грабить крестьян и пообещать им земли ограбленных дворян, чтобы крестьяне сами связались во всеобщий грабеж.

Воевать приходилось почти одному Сталину. Понятно, какой вояка из Ленина, он умел только давать советы и не уставал требовать расстреливать всех, кого удастся расстрелять. Троцкий прославился феноменальной трусостью, услышав выстрелы, он прятался под стол или запирался в каком-нибудь чулане, надеясь, что никому в голову не придет его там искать.

Позже Троцкому выделили специальный бронепоезд. Вагоны обшили такой броней, что ее не пробить из трехсотпятимиллиметровых корабельных орудий, на платформах поставили сто пушек и полторы тысячи пулеметов, в нескольких товарных вагонах, не слезая с оседланных коней, была наготове целая дикая дивизия черкесов, ни слова не понимавших порусски, отряд узкоглазых, желтолицых китайцев-смертников и рота латышских стрелков, готовых расстрелять родную мать, если только им прикажут. Паровоз все время держали под парами. Троцкий в любую минуту мог вскочить в свой вагон с саквояжем, в котором всегда носил с собой книгу Маркса «Капитал», запасной револьвер и пенсне с черными стеклами, чтобы в случае необходимости прикинуться нищим и слепым и умчаться хоть к черту на кулички, если только туда проложены рельсы и открыты семафоры.

– Ты кавказский джигит, ты и воюй, – в один голос говорили Ленин и Троцкий Сталину.

Сталину деваться некуда, он и воевал. Мок под дождем, мерз в окопах, душу ему согревала мысль, что скоро наступит большой всеобщий грабеж и он в черной бурке на белом коне, с красным знаменем, цвета крови, пролитой неутомимыми борцами, впереди оравы босых, одетых в рубища пролетариев двинется вокруг земного шара – сначала, к ужасу польского панства, на Варшаву, а потом на Берлин и на Париж, и повторно взяв снесенную с лица земли Бастилию, одним флангом на Лондон, другим на Рим и, разграбив по пути Мадрид, уже на пароходах и аэропланах – в Америку, чтобы побрататься со свободолюбивыми индейцами и станцевать какие-нибудь народные танцы с чумазыми, словно перемазанными дегтем, неграми, пострадавшими от рабства и непосильных трудов на хлопковых плантациях вдоль рек Миссури и Миссисипи.

Многие историки, видимо, справедливо отмечают, что все тяготы гражданской войны вынес Сталин. Ленин – тот и пальцем не пошевелил, чуть что заявляя, что он теоретик и не его забота таскаться по фронтам и хлебать пустые щи из дырявого солдатского котелка.

Троцкий же поехал в Амстердам, заказал ювелирам огромные рубиновые звезды и заплатил им остатками царского золотого запаса. В эти красные звезды засунули электрические лампочки (их потом назвали «лампочками Ильича», по имени электрика, который их монтировал) и взгромодили на кремлевские башни в Москве. Каждую ночь лампочки горели до самого утра, и Троцкий утверждал, что именно благодаря свету кремлевских звезд Красная

армия одержала все свои победы – каждому красноармейцу на фуражку прикрепили маленькую красную звездочку, и она улавливала свет, идущий от звезд на башнях Кремля, и поэтому красноармейцы беспрекословно выполняли все приказы и смело шли в бой, а если они отказывались наступать, Троцкий расстреливал их семьи. Таким образом, главная заслуга всех успехов на фронтах гражданской войны якобы принадлежит Троцкому.

Серьезные историки с недоверием относятся к этому утверждению Троцкого, хотя огромные рубиновые звезды с лампочками внутри по сей день каждую ночь сияют на башнях Московского Кремля.

Ленин и Троцкий так хитроумно устроились при Сталине, что ему досталась вся тяжелая, грязная и опасная работа, мало того, его еще заставляли и отчитываться, потому что Сталин, мол, читал сочинения Маркса в неточном русском переводе, а Ленин и Троцкий – в подлиннике на немецком или английском языке (на каком языке Маркс изначально писал эти сочинения, никто толком не знает, возможно, он писал их на каком-то еврейско-арамейском или идиши, а на немецкий и английский их перевели уже потом, не спрашивая самого Маркса, потому что добиться от него вразумительного ответа на любой, самый простой вопрос обычно ни у кого не получалось).

Задуриив таким способом Сталину голову, Ленин и Троцкий отправляли его в деревню грабить крестьян или куда-нибудь подальше на фронт, воевать с белой гвардией. А себе оттяпали самые лакомые куски и грабили государственную казну, банки, дворцы и дома тех, кто побогаче. Хватали золото в слитках, бриллианты, дорогую мебель (ее тут же продавали на «блошиных» рынках и «толкучках») и особенно гонялись за столовым серебром: ложки, вилки, подстаканники, брали и фарфор и хрусталь. Грабили и музеи, но на картины не обращали внимания, Ленин считал их бесполезным, громоздким хламом, искали золотые статуэтки и разные драгоценности – кольца, бусы, колъе, подвески и серьги.

Всю добычу Троцкий запасливо складывал в вагон, который он прицепил к своему бронепоезду и оборудовал специальными сейфами. Награбленное Троцкий собирался вывезти к родственникам-банкирам, в Америку. Ленин же свою долю сразу прогуливал, потому что был человеком со странностями и имел широкую натуру, на манер старых русских купцов, непонятно каким образом сочетающуюся у него с пристрастием к еврейской мистике и наклонностям к беспробудному пьянству, оно неизбежно приводило к безобразным, неудержимым оргиям, наподобие афинских ночей, перецеголять которые для Ленина уже стало делом чести, хотя само слово «честь» он ненавидел до дрожи в конечностях.

XIII. Особняк балерины Кшесинской

Особенно поживились и погуляли Ленин и Троцкий в особняке балерины Кшесинской. Увидев ее впервые на Финляндском вокзале, Ленин, можно сказать, фактически спас женщину от недвусмысленных посягательств вокзальной толпы. Поэтому когда у Кшесинской начались неприятности, она по наивности обратилась к Ленину с просьбой о помощи.

Кшесинская давно уже блистала на сцене императорского театра. Она прославилась неукротимой жизненной силой и кипучей энергией, техникой танца превзошла всех итальянских «виртуозок», одно время считавших Мариинский театр своей вотчиной, а пластичностью и живописностью жеста вписала новую страницу в историю мирового балета.

Несмотря на природную скромность, стыдливость и хорошее семейное воспитание и строгий надзор родителей, Кшесинская стала любовницей наследника цесаревича, будущего императора Николая II, а потом еще нескольких великих князей, но по очереди и без тени какого-либо разврата, исключительно по велению сердца и не имея сил противостоять напору женских чувств, вполне понятных для любой балерины, которая чувства эти изъясняет не только языком танца.

Члены императорской фамилии и многие богатые ценители балета и даже вполне себе рядовая публика засыпали ее бриллиантами и просто деньгами, каждый в меру своих возможностей. Ее состояние исчислялось миллионами, она заваливала заказами известную ювелирную фирму Фаберже. Позже Фаберже писал в мемуарах, что все его мастера с утра до вечера работали на Кшесинскую, а знаменитые пасхальные яйца для императора изготавливали уже после рабочего дня, так как времени на изделия для царского двора у них совсем не оставалось.

Роскошный особняк Кшесинской считался украшением Петербурга, размерами и формами он соперничал не только с Зимним дворцом, но и с Версалем. Какому-то легкомысленному французскому журналисту сравнение дома Кшесинской с резиденцией французских королей показалось дерзким и оскорбительным для национальной гордости. Чтобы опровергнуть фантастические рассказы о великолепии особняка Кшесинской, он специально приехал в Петербург, посетил Кшесинскую, осмотрел особняк и уехал в состоянии тяжелой подавленности, не проронив ни слова. Вернувшись в Париж, он спустя несколько дней повесился на ветвях раскидистого дуба, который по недосмотру садовников вырос под окнами Версальского дворца.

Это произошло накануне гастролей Кшесинской в столице Франции, парижане валом валяли в Грандопера, а те, кому не досталось билетов, заполняли улицы Парижа как несколько позднее москвичи улицы Москвы в день похорон Сталина, с той только разницей, что в Париже не случилось массовой давки и никто не пострадал – разумеется, кроме тех, кого обчистили сообразительные карманники, они славно потрудились в тот день, позже традиционно отмечаемый ими как профессиональный праздник.

Говорят, их суммарный доход превзошел суммы выручки от продажи билетов. А эта выручка исчислялась цифрой с невероятным количеством нулей. Уезжающую из Парижа Кшесинскую на вокзале сопровождали двенадцать рослых носильщиков с чемоданами, до отказа набитыми франками. И это при том, что большую часть выручки украли бессовестные антрепренеры, часто пользовавшиеся тем, что балерина всегда безразлично и беспечно относилась к коммерческой стороне своего таланта и не любила пересчитывать деньги, особенно когда их много, это занятие казалось ей утомительным и скучным.

Стоит заметить, что в Париже публика не засыпала балерину бриллиантами. По свойственной французам (как, впрочем, и немцам) скупости и некоторой ограниченности воображения, парижская публика считала, что достаточно того, что уплачено за билет.

Другое дело в Петербурге. Например, знаменитый промышленник и миллионер Путилов,¹² видя как Киесинская перебирает на сцене ножками, говорил:

– Ты скажи, что выделяет, ей-Богу, что ни шажок – состояние!

И бросал на сцену одно алмазное кольцо за другим. Вокруг него всегда суетилась толпа прихлебателей, они клянчили: кто «катеньку» (кредитный билет сто рублей), кто «петеньку» (кредитный билет пятьсот рублей). Но Путилов никому не давал ни шиша, а только, не жалея, щедро разливал всем по бокалам шампанское и посылал за новыми колье, ими к выступлению Киесинской он запасался бессчетно, как богатый мужик в старой избе тараканами.

¹² Путилов. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

XIV. О послаблении нравов

Когда Временное правительство было перебито, а трупы министров брошены в Неву, в Петербурге стали замечать некоторое послабление нравов. Кухарка, полумойка, горничная и экономка Киесинской начали приводить к себе матросов и громко, во весь голос, всю ночь напролет обсуждать с ними всеобщее равенство, объявленное декретами Ленина, и светлое будущее, которое должно наступить, согласно этих же декретов, как только «обобществят» всех женщин, и княгинь, графинь и баронесс уже не отличить от всех прочих, праздно шатающихся по улицам. Возмущенная Киесинская сделала им выговор. Но вместо того чтобы смутиться, они ответили ей:

– Подумаешь, водим на ночь матросов! Ходили же к вам на ночь великие князья.

Киесинская заметила своей осмелевшей прислуге, что, во-первых, великие князья и неотесанные матросы это не одно и то же. А во-вторых, она все-таки в своем собственном доме и может поступать так, как считает нужным.

– Теперь все равны в своих желаниях, – услышала она в ответ, – и балерина, и кухарка в одинаковых правах. И дом принадлежит всем трудящимся, а кто не трудился, а только танцевал, тому лучше помалкивать.

Киесинская не нашлась что ответить. Потом она заметила, что из ее гардероба пропадают платья и нижнее белье, а женская прислуга носит эти вещи, ничуть не стесняясь.

Киесинская уволила кухарку, полумойку, горничную и экономку, а когда те начали скандалить, приказала своему старому дворнику выставить их вон. Но они вскоре вернулись в сопровождении матросов, и те наговорили балерине таких грубостей, которые она из деликатности не могла повторить вслух, а многие слова даже не поняла, так как слышала их впервые и приняла их за иностранные, хотя по интонации они больше подходили русскому языку.

Особенно расстроило и даже, можно сказать, жестоко огорчило Киесинскую поведение экономки. Кухарка, полумойка и горничная происходили из простонародного сословия, удивляться их грубости не приходилось. А в экономки Киесинская взяла, причем совсем без надобности, свою знакомую, вдову артиллерийского поручика, погибшего на фронте. Немецкий снаряд разорвал беднягу в клочья, несчастной вдове сослуживцы прислали все, что собрали на месте гибели бедолаги, – несколько металлических пуговиц и искореженные взрывом карманные часы фирмы Буре. Вдова осталась без средств к существованию, тем более что замуж она выходила против воли родителей и даже к ним из гордости не могла обратиться за помощью.

Киесинская не только определила вдову поручика на хорошее место с приличной оплатой, но рассказала о ней своим друзьям. И по вечерам, играя в карты, они теперь с каждой ставки (независимо, выиграет или проиграет эта ставка) отчисляли небольшую сумму в пользу экономки, чтобы она могла поддерживать тот образ жизни, к которому привыкла раньше в семье родителей, довольно состоятельных и родовитых дворян.

Так как в карты в окружении Киесинской играли часто и с увлечением, то буквально за полгода собралась сумма в двадцать тысяч рублей золотом. Поэтому черная неблагодарность экономки глубоко оскорбила Киесинскую, по крайней мере, она не ожидала такого к себе отношения и не могла понять причины вероломства вдовы артиллерийского поручика – та не только вместе с кухаркой, полумойкой и горничной бесцеремонно пользовалась гардеробом хозяйки, но и грубила ей с нескрываемым презрением и злобной ненавистью.

Все это Киесинская со слезами на глазах простосердечно рассказала Ленину, его она приняла за хорошего человека, потому что, пребывая в мире грез, очень плохо разбиралась в людях и могла довериться любому прилично одетому проходивцу и мерзавцу. Ленин же, не

откладывая в долгий ящик, кликнул Троцкого, и они незамедлительно отправились по адресу, указанному Киесинской. Осмотрев особняк балерины, Ленин и Троцкий пришли к выводу, что лучше бы им прихватить этот «недурственный домик» себе. Они заперлись в кабинете и стали обсуждать, под каким предлогом это устроить, но потом решили, что «черт с ней, с этой балериной», если каждый раз выискивать предлог, то некогда будет и грабить, а ведь впереди еще столько дел, что не резон отвлекаться на придумывание каких-либо предлогов.

XV. Бегство Кшесинской

Пренебрегая правилами хорошего тона, Кшесинская подслушала под дверью кабинета весь разговор Ленина и Троцкого. Слышно было плохо, но Кшесинская разобрала и фразу «черт с ней, с этой балериной», и прочие высказывания вождей революции: «у нее бриллиантов видимо-невидимо, об этом ведь даже в газетах писали», «нельзя упускать такой случай», «одно столовое серебро чего стоит» и поразившие ее слова «а позолоту с лепнины у камина можно соскоблить перочинным ножиком».

Кшесинская была женщина романтическая и даже можно сказать житейски неопытная и беспечная. Но, как многим красавицам польского происхождения, ей были свойственны твердость, темперамент и решительность в минуту опасности. Она не терялась ни при каких обстоятельствах.

С детских лет, с самого момента окончания балетной школы она пользовалась покровительством императора Александра III, а потом фактически могла считаться членом императорской семьи, хотя и вошла в нее несколько незаконным, но обычным для женщины образом. Кшесинской была присуща уверенность в себе, которая, как известно, есть залог смелости. Поговаривали даже, что она – то есть ее предки по линии матери – состояли в родстве с красавицей-полькой, описанной Н. В. Гоголем в замечательной повести «Тарас Бульба» и ставшей причиной гибели неоглядного в чувствах и несколько легкомысленного Андрия, толком не успевшего вступить на стезю славных казацких подвигов.

Поэтому Кшесинская не стала долго размышлять и колебаться. Она тут же пошла в тайную комнату, где у нее стоял доставленный на пароходе из Англии специальный сейф, и открыла его единственным ключом, о назначении которого никто даже не догадывался (так по крайней мере она ошибочно думала). В сейфе хранились самые крупные и дорогие бриллианты и письма и фотокарточка Ники (то есть Николая II).

Эти письма и карточка были Кшесинской дороже всех бриллиантов мира, включая алмазы шапки Мономаха и английской королевской короны. Бриллианты Кшесинская сложила в один большой саквояж, письма в другой поменьше, а ключ от сейфа выбросила через форточку в сад, в заросли сирени и жасмина так, чтобы его уже никто никогда не нашел. Потом она вышла на улицу и пошла на железнодорожный вокзал.

Понимая, что с двумя саквояжами в руках она выглядит странно и подозрительно, Кшесинская остановила первого попавшегося ей навстречу солдата и попросила его за два рубля серебром поднести саквояж. Небритый, полуголодный солдат с винтовкой за плечом взял саквояж с бриллиантами, саквояж с письмами Кшесинская прижала к груди, и они прошли через весь Петербург, не вызвав ни у кого ни малейшего подозрения.

На вокзале Кшесинская села в поезд, а солдат тут же в буфете, не долго думая, пропил только что полученные два рубля серебром, чтобы не нести их в казарму, где их украли бы в первую же ночь, потому что казармы давно уже превратились в притоны для дезертиров, бездомных проституток и всякого прочего сброда, сброд этот позже переселится и в дом Кшесинской, и в квартиры других состоятельных жителей Петербурга, у которых хватило ума эти квартиры нажить, но не нашлось ума их сохранить. (Замечу сразу для любопытных и склонных по складу характера к авантюрным приключениям читателей, что солдат, когда нес тяжелейший саквояж, нашел момент заглянуть в него. А так как неосторожная балерина не догадалась прикрыть сверху содержимое платочком, увидел, что в саквояже полно бриллиантов, или, как их называли в казармах, «камушков». Но по неповоротливости ума он и не подумал как-либо завладеть ими, вообще-то такая мысль вроде зашевелилась у него в голове, но желание пропить обещанные два рубля серебром оказалось сильнее, и только неделю спустя он рассказал одному своему знакомцу о том, что помог какой-то дамочке отнести на

вокзал целый саквояж «камушков», а этот знакомец по описанию солдата быстро смекнул, что эта дамочка и есть балерина Киесинская).

XVI. Поэт Блок и Валькирии революции

Когда Ленин и Троцкий хватились Киесинской, она была уже далеко со своими двумя саквояжами. Но они не стали печалиться по поводу ее исчезновения, она-то, мол, и нужна только для того, чтобы показать, где что лежит. Ну сбежала балерина, «ну и черт с ней», как сказал еще чуть раньше Ленин (а может Троцкий), особняк-то остался.

Грابتь, когда кто-нибудь может показать, что где лежит, конечно, сподручнее, но в то время много домов оставалось без хозяев, которые сбежали, сообразив, что лучше лишиться дома и имущества, но зато остаться живыми. И дома их разграбили без всяких подсказок что где лежит – хватай все, что видит глаз, вот и вся нехитрая мудрость, главное успеть побольше схватить, будешь звать, рассматривать, раскрыв рот, всякие диковинки, так мало что и достанется, те, кто пошустрее, уведут из-под носа все, что подороже, в этом деле важна ловкость, а главное расторопность.

А Ленину и Троцкому даже торопиться было не нужно. Они, как обычно, прихватили столовое серебро, мебель, инкрустированную слоновой костью, бронзовые статуэтки и подсвечники снесли на барахолку и решили сами переселиться в особняк Киесинской – уж больно он оказался хорош и удобен.

До этого им приходилось жить в Смольном институте благородных девиц. Девушки из него в панике разбежались, и без них стало скучновато. Комнаты неудобные, расположение коридорное, в коридорах полно солдатни и матросни, солдаты многие из окопов, натащили вшей. Удобств никаких. Кипятка и то взять негде. Захочется Ленину чайку попить, – а он очень уж любил почаевничать – бери чайник и толкайся в коридорах промеж солдатиков, сбежавших с фронта. Спросишь такого обалдую в серой шинели, где тут, мол, кипятком можно разжиться, он, конечно, покажет. А потом по своей простоте, видя, что человек не такой как все: лыс как колено и глаза с прищуром, как у всякого пройдохи, возьмет да и спросит: «А ты, мил человек, кто сам будешь? И что здесь делаешь?» – и приходится отвечать, у него ведь винтовка на плече. Одно хорошо – в Смольном большой актовый зал. В него набивалось много всякого люда, и Ленин и Троцкий выступали там с речами, потому что оба не обращали внимания на свою картавость и шепелявость и дикую жестикуляцию, характерную для сумасшедших, и поэтому считали себя великими ораторами, и даже иногда в шутку называли Ленин Троцкого Цицероном, а Троцкий Ленина – Демосфеном.

А особняк Киесинской стоял в тихом, удобном, уютном месте, досмотрен, ухожен, на кухне не только кипяток, но и запас продуктов, шоколад и даже несколько ящичков шампанского (настоящего, из Франции, а не каких-нибудь «шипучек»). Захотелось блеснуть ораторским искусством – выступи себе в Смольном перед солдатами и матросами, они-то все равно ничего не понимают, а кричат «Ура», «Да здравствует...» и бросать вверх шапки уже научились. Ну, а вечером, после всякой суеты и толкотни в Смольном, кати себе на авто из бывших императорских гаражей в особняк Киесинской. Можно с собой прихватить и Коллонтай¹³ с Арманд¹⁴, если эти пылкие дамочки не сбежали с матросами или солдатами пьянствовать где-нибудь в казармах.

Коллонтай и Арманд (эти клички они придумали себе сами, потому что им не нравились их пошлые, избитые фамилии, обычно встречающиеся на каждом шагу и потому быстро надоедающие) были с воображением и фантазиями и никогда не отказывались погулять в

¹³ Коллонтай. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

¹⁴ Арманд. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

особняке Киесинской. Во-первых, после балерины остался роскошный гардероб. Коллонтай сразу прихватила себе накидку из горносталя, а Арманд шубку из шиншиллы. Вещи дорогие, их бы снести на толкучку, но Ленин и Троцкий не скупилась, когда дело касалось женщины легкого поведения, особенно жгучих брюнеток, каковыми и являлись Коллонтай и Арманд.

А во-вторых, эти забавницы нашли какого-то немца-профессора, и тот со своим помощником, студентом-практикантом, придумал аппарат, что-то вроде синематографа, и с помощью этого необычного в те времена приспособления фотографировал Коллонтай и Арманд в обнаженном виде – на них была только красная косынка на голове, да и ее они сдерживали в конце сеанса, чтобы их волосы красиво рассыпались по белоснежным плечам – и по вечерам запускал их изображения в облака.

Облака тяжелым, черным занавесом висели в северном небе Петрограда, изображения Коллонтай и Арманд носились над городом, прохожие в ужасе прятались в подьезды и арки проходных дворов и уже из этих укрытий с любопытством пялились в небеса, стараясь рассмотреть детали и подробности, обычно так привлекающие мужчин, как холостых, так и женатых.

Только поэт Александр Блок¹⁵ ничего не боялся, потому что всегда был пьян. Он бродил по Петербургу в широкополой черной шляпе, летающие по небу обнаженные Коллонтай и Арманд совсем не пугали его – голых женщин он на своем веку повидал столько, что они ему давно порядком надоели. Тем не менее он сочинил о летающих в облаках забавницах поэму, в которой ошибочно назвал их валькириями революции. Ошибочно, потому что валькирии – воинственные германские девы летали по небу не нагишом, а в длиннопольных черных одеждах и не спали с кем попало направо и налево, а тем более с недомерками вроде Ленина и Троцкого.

Этот Блок очень часто ошибался, потому что у него в голове все время навязчиво звучала какая-то музыка, он к ней внимательно прислушивался и часто толком не понимал, что делал. А кроме того Блок когда-то в молодости женился на дочери великого русского химика Менделеева и приворовывал у него из лаборатории реактивы, предназначенные для определения пропорции воды и спирта при их смешивании для изготовления разных напитков, в частности так называемого хлебного вина – употребление которого в значительных количествах иной раз и приводит к ошибкам вопреки убеждению простого народа, что дураков и пьяных Бог бережет.

Поэму о Коллонтай и Арманд, витающих в облаках без исподнего белья, этот Блок потом сжег вместе с еще одной своей поэмой. Поэма эта называлась «Двенадцать» – по числу действующих в ней персонажей. Писал поэт Блок всегда «под шафой» и поэтому, считая героев, сбился, их на самом деле было не двенадцать, а тринадцать, включая Иисуса Христа, шествовавшего впереди остальных двенадцати, хотя и без винтовки, зато в «венчике из роз» на голове. И следовательно поэма «Двенадцать» должна бы называться «Тринадцать», или «Чертова дюжина». Или хотя бы «Четырнадцать», потому что в обнимку с Иисусом Христом по Петрограду ходил не замеченный поэтом Блоком призрак Карла Маркса, которому давно надоело бродить по Европе.

Поэму «Двенадцать» успели напечатать, и ошибку исправить не представлялось возможным, поэтому поэт Блок и задался целью сжечь ее на медленном огне. Он не успел собрать все изданные экземпляры, потому что умер от голода, продуктов питания в Петрограде на тот момент не оказалось, а писатель из нижегородских мещан Горький, по мягкости характера подкармливавший Блока, уехал в Италию – он предпочитал средиземноморский климат, Петроград-то почти рядом с полярным кругом, царь Петр I, тоже неравнодушный к выпивке,

¹⁵ Александр Блок. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

определил его в эти северные болота, так как, по мнению многих историков, имел родственные связи с чертями в этих болотах обитавших.

Поэму о «валькириях революции», Блок успел сжечь в рукописи, и следов этой поэмы не осталось, ибо даже пепел ее задумчивый поэт развеял над Невой, тяжелые воды этой странной реки, иногда текущей вспять, унесли пепел в Балтийское море, и исследователям и литературоведам и в голову не приходит, что Блок даже спьяну мог написать нечто подобное.

XVII. История студента, помощника профессора

Простым обывателям Петербурга, которым посчастливилось жить в то голодное, умопомрачительное, но, как считают многие позднейшие литераторы, необычайно интересное и увлекательное время, шутки Колонтай и Арманд с полетами над ночным городом при- шлись совсем не по душе. Они даже пробовали жаловаться на этих необузданных дамочек Ленину и Троцкому, но те, по ими заведенному порядку, не обращали никакого внимания на протесты, вопли и стоны, потому что привыкли к такого рода шуму во время расстрелов.

Полеты эти прекратились сами собой. Однажды студент-практикант явился с утра, как ему и было назначено, в особняк Киесинской, чтобы настроить для съемки аппарат – смотрит, нет профессора. Профессор, хотя и давно обрусел, но в каком-то там колене происходил из немцев и, как издавна у них водится, никогда не опаздывал. Студент-практикант спросил у горничной:

– А где профессор?

– А застрелил его Ленин из револьверта, – ответила горничная.

На самом деле Ленин застрелил профессора не из револьвера, а из маузера, он предпочитал его за точность и надежность боя, но горничная по несообразности не отличала револьвер от маузера, потому что когда по вечерам приходили матросы, она из женской скромности не ложилась с ними в постель сразу, а вроде как для вида отказывалась и говорила: «Нет, нет, что вы, что вы. Я совсем не из тех барышень, чтобы вот так по своей охоте», и матросы доставали револьверы и маузеры, размахивали ими перед ней, поэтому все эти ужасные железки казались ей на одно лицо.

– Не может быть! – воскликнул ошарашенный студент-практикант.

Ошарашенный – это значит потрясенный до такой степени, что глазные яблоки выка- тываются и, подобно шарам, готовы выпасть из глазниц.

– Что же тут такого удивительного, – простодушно сказала горничная, – вон он лежит в саду под кустом жасмина.

Студент-практикант бросился в сад. Видит, действительно, не соврала горничная, лежит его профессор под кустом жасмина с простреленной грудью. Студент очень любил своего профессора, сел рядом с ним на землю и заплакал. А запах от белых цветков жасмина такой, просто одуряющий, хоть ты сиди здесь всю жизнь, словно в наркотическом опьянении.

Но студент нашел в себе силы, поднялся, разыскал Ленина и спросил его, за что тот убил профессора. А Ленин отвечает, мол, убить убил, а за что не помню. Стал таким ферт- тиком, руки в боки, лысую голову набок, глаза прищурил, как какой-нибудь китайский болван- чик, и говорит:

– Всех, батенька, не упомянуть, мало ли какой мог быть случай, скорее всего за дело, про- фессор ваш большим умником прикидывался, а вполне возможно, мне просто померещилось, вот и стрельнул для остротки, просто проверить механизм, а то он у меня начал давать осечку, но тут сработал как часы.

Студент понял, что никакого толку ему не добиться и в горести ушел домой, сел на табурет и задумался: «Что ж это за жизнь такая, если профессоров убивают ни за что ни про что? Такой умный профессор был, даром что немец. Не какой-нибудь пьяный сапож- ник или булочник при «васиздасе». И в науках преуспел, и человек хороший, внимательный и отзывчивый. И ежели так с профессором возможно поступить, так что уж с каким-нибудь студентом, вроде меня?»

А Ленин тем временем тоже стал размышлять, профессора, мол, уколошил, может и зря, но одним профессором большие, одним меньше, не велика беда. А вот студентика его – упустил, а ведь его тоже запросто шлепнуть и положить под куст цветущего жасмина –

пусть бы рядышком и лежали. От таких мыслей Ленин огорчился и вызвал по телефону Дзержинского¹⁶ и строго-настрого приказал ему записать студента в расстрельный список. Дзержинский, как ему и велено, записал. Но список составлялся с утра, все на сегодня уже были внесены и поэтому он приписал студента в самом конце мелкими печатными буквами.

А шофер, который возил на грузовике расстрельную команду Дзержинского по всему Петрограду, снимал угол в одной комнатенке со студентом. И как время к обеду, шофер этот стал отпрашиваться у Дзержинского, мол, так и так, надо бы пойти перекусить. Дзержинский достал расстрельный список, посмотрел и сказал:

– Сходите, товарищ шофер, покушайте. Сегодня работы много, не скоро управимся, может еще и задержаться придется, а желудок требует регулярного приема пищи.

А листок с расстрельным списком загнулся, шофер и увидел, что снизу маленькими печатными буквами приписана фамилия его сокавартирника. Шофер был грамотный, окончил все четыре класса церковно-приходской школы, читать мог без затруднений, даже если почерк неразборчивый, а уж печатными буквами тем более.

Со студентом на квартире этот шофер жил мирно, можно даже сказать по-приятельски. Вечерами часто приходилось вместе пить чай, иной раз одолжались друг у друга то сахаром, то заваркой. И за все время совместного проживания по своим углам про между ними ни ссоры, ни какой-нибудь неприязни не случилось.

Пришел шофер домой, смотрит: сидит студент на табурете и о чем-то думает. Ну, он и рассказал, что заметил его фамилию в расстрельном списке, хотя и с самого низа приписанную. Студент поблагодарил квартиранта за известие, собрал вещички, что с собой можно снести, да и пошел пешочком из города Петрограда.

Идет, видит уже полярный круг совсем рядом, везде лед, а вдоль кромки льда плывет пароход из Европы прямо в Америку, из трубы черный дым валит, на палубах красиво одетая публика, дамочки в шляпках под музыку танго танцуют и всякие другие завлекательные танцы, а на мостике капитан стоит в синем, как море-океан в солнечную погоду, мундире и в белой фуражке с золотым якорем вместо кокарды. Попросился студент на этот корабль.

– Тебе что же, в Америку нужно? – спросил его капитан.

– Да мне все равно куда, лишь бы от родных палестин подальше, – ответил студент.

– Но как же я тебя возьму, – сказал капитан, – у тебя, наверно, и билета нет?

– Это верно, – согласился студент, – билета нет.

Капитану понравилось, что он честно признался, не стал врать.

– Хорошо, так и быть, – сказал капитан, – возьму тебя до Америки, будешь уголь лопатой кочегарам поближе к топкам подбрасывать.

Студент, хотя и происходил из купеческого сословия, но по молодости лет к любому труду имел привычку и так вместе с кочегарами доплыл до Америки.

В Америке ему пришлось туговато. Часто голодал, перебивался случайными заработками. Особенно угнетало его то, что русского слова нигде не услышишь. Выйдет он вечером на улицу, кругом людей, что мошкары в летнюю пору поблизости пруда, и все американцы. Народ безразличный, такой тебе с утра «здравствуй» не скажет, только улыбается, скалитя, зубы белые наружу, как у обезьяны, и до того противные, рожки все на один тупой чекан, что кажется так бы и засветил кулаком между глаз, но нельзя, не у себя дома, да и не в гостях. И такая от того тоска, хоть ты ежай назад в Питер, к самому Дзержинскому, чтобы он пустил тебе пулю в лоб из именного револьвера, который ему Ленин подарил за усердную работу и за поганую козлиную бородку.

¹⁶ Дзержинский. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

И вот шел он с такими мыслями по улице в Нью-Йорке между высоченных небоскребов, а навстречу ему еврей. Прошел мимо, а потом повернулся, и следом за ним, и так бочком-бочком, вроде незаметно, то слева зайдет, то справа. Он остановился, мол, в чем дело. А еврей вдруг и говорит ему настоящим русским языком:

– Вы кто такой будете? И откуда? И как ваша фамилия?

Тот ему в ответ:

– Я безработный инженер, Из Петербурга, а фамилия моя Зворыкин¹⁷.

– А я, – говорит еврей, – Абрам Ливиш из Киева.

Бросились они друг к другу, обнялись как два путника, встретившиеся в пустыне, и заплакали. И плакали горькими слезами так, что с трудом смогли успокоить друг друга.

Стали они с тех пор жить в Нью-Йорке вместе. Еврей дал Зворыкину денег и он сконструировал телевизор, а американцы стали по этому телевизору показывать такое, особенно по ночам, что постеснялись бы и Коллонтай с Арманд, хотя уж этих-то дамочек привести в стыдливое чувство мало кому удавалось.

¹⁷ Зворыкин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

XVIII. Коварная экономка и потайная комната

Но читателю, конечно же, интересно знать, что случилось с бриллиантами Киесинской, поэтому прежде чем вернуться к Сталину и к рассказу о том, почему Владимир Иванович Волков, мой дедушка, не огораживал участок земли, на котором сажал картошку и сеял немного ржи и клевера, нужно закончить рассказ о приключениях этой замечательной женщины, единственной в свое время прима-балерины императорских театров.

Когда она сбежала, Ленин и Троцкий обыскали весь дом, но бриллиантов не нашли. Начали спрашивать прислугу, те отвечают, мол, ничего не знаем. Поэтому кухарку и половойку расстреляли, тем более, что и кухарка и половойка были грубы и неучтивы, а по вечерам к ним приходили матросы и сильно шумели, а когда Ленин и Троцкий запретили пускать матросов, женщины стали бурно выражать недовольство. Вот горничная оказалась поскромнее, она и говорит Ленину и Троцкому:

– Пожалуйста, не расстреливайте меня. Я матросами не увлекаюсь, мне с ними совсем даже не интересно. Где бриллианты я не знаю, но могу сказать, кому это известно.

– И кому же? – спросили Ленин и Троцкий в один голос – они очень хотели узнать, где спрятаны бриллианты, так как догадывались, что бриллиантов у Киесинской не один-два, а много, и все они дорогие.

– Нашей экономке, она женщина хитрая и пронырливая, везде сует свой нос и к барыне давно втерлась в доверие, – объяснила горничная, ее и не стали расстреливать.

Экономка же на момент всех этих событий отсутствовала, потому что времена уже наступали голодные и она ездила закупать продукты в дальние села, куда еще не дошли слухи о том, что творится в Петрограде, и где еще удавалось найти и хлеб, и даже баранину, и квашеную капусту, и соленые огурцы по сходной цене. Сразу по возвращении, узнав о бегстве Киесинской, экономка явилась к Ленину и Троцкому и призналась:

– Я знаю, где Киесинская прячет свои бриллианты, и расскажу вам, потому что ненавижу эту плясунью лютой ненавистью.

– За что же вы ее ненавидите? – поинтересовался Троцкий, он часто не умел сдерживать своего глупого любопытства, через что имел много неприятностей.

– Я вдова артиллерийского поручика. Мой муж погиб на фронте. Оба мы пусть не столбовые, а все-таки законные русские дворяне, а не какие-нибудь поляки, и свои дворянские грамоты не подделывали. А Киесинская рассказывает басню, что она не Киесинская, а происходит из рода польских графов Красинских. Мол, ее предка в отроческом возрасте хотел погубить дядя, чтобы завладеть наследством. Француз-гувернер спас ребенка и вывез его во Францию, но по дороге потерял шкатулку с документами, и поэтому уже во Франции ему изменили фамилию Красинский на Киесинский. А когда дядя умер, то в имении случился пожар и все документы, мол, сгорели. Вот по этим-то утерянным и по сгоревшим документам она и является графиней. Все это такая нелепая, шитая белыми нитками выдумка, что даже великие князья, любовники Киесинской не осмелились восстановить для нее графский титул. Всем хорошо известно, что ее матушка танцевала на канате в бродячем цирке, имела тринадцать детей от разных мужей, а папенька – тоже танцор, служил лакеем у одного итальянского шулера и учителя танцев и, подглядывая в окошко танцевального зала, выучил все балетные «па», потому-то его и взяли на сцену. Его и танцовщиком-то не назовешь, его и держали-то как мазуриста. Вот такая у нее родословная. Мне пришлось пойти в услужение к этой проходимке, а пока она дрыгала перед публикой голыми ногами, моего мужа убило снарядом, а она не постеснялась заявить газетным репортерам, что генералов в России много, а балерин императорского театра всего шесть, а прима-балерина Киесинская – одна. По вече-

рам она со своими приятелями играла в карты и с каждой ставки откладывала мне часть денег – я взяла эту подачку только потому, что поклялась мстить ей до гробовой доски.

– От вашего отношения к полякам отдает великорусским шовинизмом, безобразнее которого нет ничего на свете, а что касается... – начал Троцкий, но Ленин перебил его:

– Помолчи, Беня.

Возбуждаясь в предчувствии близкой добычи, Ленин всегда путал имя Троцкого – Лев с его настоящей фамилией – Бронштейн и называл его Бней, хотя на самом деле так звали известного одесского налетчика, что позже подтвердил и знаменитый впоследствии Исак Бабель¹⁸, грабивший вместе с этим Бней мелких лавочников и торговков с Привоза. А поэт Есенин¹⁹, водивший дружбу с Троцким, чтобы не впасть в такую путаницу, за глаза называл его просто Лейбой, а не Львом, потому что маленький, злобный, в кожаной куртке, вечно размахивающий револьвером Троцкий совсем не был похож на царя животных, большого гривастого льва, даже если бы этому льву нацепить на морду пенсне.

– Вечно влезешь со своими ненужными, второстепенными мелочами, не умея увидеть главного, не соображая, где основное звено, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь, – раздраженно продолжил Ленин и уже по-деловому, точно, кратко и гениально прищурив глаза, спросил экономку. – Где бриллианты?

– В потайной комнате, – ответила экономка.

– В доме есть потайная комната? Где же она? – подпрыгнули на месте Ленин и Троцкий, и глаза их загорелись огнем неподдельной безумной страсти.

– В малом гостевом зале, за камином, – поджав губы, сказала экономка, невольно смущенная ленинским напором.

– Как вы об этом узнали? – вмешался Троцкий, опять не имея сил сдержать своего любопытства, обычно праздного, бесцельного и ни к чему не ведущего.

– Киесинская никому, кроме меня, не доверяла связку ключей от комнат. Да и мне давала их ненадолго и очень неохотно. Она объяснила, от какой двери каждый ключ, а один маленький ключик трогать запретила. Я спросила, от какой комнаты этот ключик, и Киесинская, путаясь и смущаясь, сказала, что, мол, этот ключик просто так, он ни от какой двери и дорог ей как память о счастливых мгновениях ее молодости. По ее смущению я сразу догадалась, что она нагло врет. Если бы этот ключик был связан со счастливыми мгновениями ее молодости, то она хранила бы его в шкатулке, как это делают порядочные женщины. И я стала следить за ней, а с ключика при первой же возможности сделала слепок.

– Хватит рассказывать эти сказки, – Ленин не мог, в отличие от Троцкого, слушавшего с раскрытым ртом, спокойно усидеть на месте. – Слепок у вас с собой?

– Да, я никогда не расстаюсь с ним.

– Ведите нас к этому камину! – с пафосом воскликнул Ленин и чуть было не выбросил вперед руку, как это он делал во время выступлений в минуту душевного подъема, доходившего иногда до ничем не обузданного восторга.

Экономка привела Ленина и Троцкого в малый гостевой зал. У глухой стены располагался огромный камин, облицованный черным мрамором, с высокой чугунной решеткой и какими-то бронзовыми фигурами в глубине за очагом.

– Где же дверь, которую открывает этот ваш маленький ключик? – нетерпеливо спросил Ленин.

– Никакой двери нет. Все дело в камине, – ответила экономка.

¹⁸ Бабель. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

¹⁹ Есенин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

– Ну так рассказывайте, не тяните kota за хвост! – заторопил Ленин и заходил взад-вперед у камина, то и дело засовывая большие пальцы обеих рук под мышки, так он делал потому, что всеми силами души своей ненавидел русскую баню, да и обычную ванну принимал очень редко, потому что всегда был занят мыслями о чем угодно, но только не о «пошлой помывке».

– Я как-то сразу заметила, что в этом камине никогда не зажигают огонь. А потом случайно подслушала разговор кухарки с горничной и поняла, что разводить огонь в этом камине строго-настрого запретила сама хозяйка дома. Тогда я нарочно принесла дров и сделала вид, будто хочу разжечь огонь в этом камине. Киесинская кинулась ко мне как тигрица и стала орать, что в этом камине нельзя жечь огонь. Я сделала удивленное лицо и спросила: почему? Ведь здесь довольно холодно. Она с трудом взяла себя в руки и объяснила: «Разве вы не видите, в камине за очагом две бронзовые статуэтки амуров с луками, они отлиты в Париже по формам самого великого Огюста Родена и стоят невообразимо дорого. Если в камине разжечь огонь, он повредит бесценные шедевры. Этот камин декоративный и служит только для украшения интерьера. А если здесь холодно, то можно пойти в любую другую комнату, где тепло. А кроме того хочу заметить, что растапливать камин в доме не входит в ваши обязанности, этим занимаются кухарка и горничная». Я, конечно же, не поверила ни одному ее лживому слову, но промолчала и сделала вид, что мне нет никакого дела до этого камина и что я не обратила внимания на то, что она ставит меня в один ряд с кухаркой и горничной, – продолжила рассказ экономка, – но сама стала еще внимательнее следить за Киесинской. И вот однажды она вернулась с банкета, где ее с головы до ног обсыпали бриллиантами. В руках она несла два узелка из ресторанных салфеток, в этих узелках были бриллианты. Все в доме спали. Но я не смыкала глаз, я притаилась вон там, в уголке за столиком. Киесинская вошла со свечой, чтобы не зажечь электричество и никого не разбудить. Свечу она поставила на выступ каминной решетки и забралась, к моему удивлению, внутрь камина, несколько раз покрутила голову левого амура, чтобы взвести скрытую пружину, а потом повернула на пол-оборота ближнее крыло правого амура. Раздался какой-то скрип и скрежет. Сначала я даже ничего не увидела, но потом заметила, что камин сдвинулся в сторону, совсем немного, меньше, чем на пол-аршина.

– А сколько это будет в метрической системе? – не утерпел и снова влез с неуместным вопросом Троцкий.

– Не знаю, – простодушно призналась экономка, – в старых мерах все удобнее.

– А между прочим, будущее именно за метрической системой, – как-то мечтательно и назидательно заметил Троцкий и добавил: – хотите, я научу вас, как легко и не затрудняясь переводить старые меры в новые?

В душе он был отъявленным тайным масоном и всегда и везде невольно, сам подчас того не желая, старался насаждать любые масонские нововведения.

– Вот послал Бог дурака в товарищи, – грубо одернул Троцкого Ленин, который к масонам относился весьма прохладно, потому что они не состояли в партии РСДРП, так как не могли понять аббревиатуру этих пяти букв. – Дальше, дальше, дальше!

– Справа, между камином и стеной, образовалась щель... В пол аршина, – нерешительно оглянулась на Троцкого экономка, но тот, обидевшись на Ленина, молчал, хотя и делал вид, что считает в уме, переводя аршины в сантиметры (получалось ровно 35,56 сантиметра), и экономка продолжила: – Киесинская захватила оба узелка и протиснулась в эту щель. Щель тут же ярко осветилась – это она включила в потайной комнате электричество. Спустя минут десять свет погас, Киесинская вернулась без узелков. Опять залезла в камин, привела крыло амура в первоначальное положение, и камин со скрипом подвинулся и скрыл проход в тайную комнату, в ней эта мерзавка и прячет бриллианты.

Не дожидаясь окончания рассказа, Ленин решительно подошел к камину, перегнулся через чугунную решетку и почти дотянулся до левого амура, но туловище перевесило, он не удержался и упал внутрь камина, а ноги остались снаружи и он повис на решетке, а так как в камине было тесно и неудобно и не получалось помочь себе руками, чтобы выбраться наружу, Ленин начал энергично дергать ногами, словно подавая Троцкому сигналы о помощи.

Троцкий, не раздумывая ни мгновения, подбежал к Ленину и, бесцеремонно схватив его за ноги, без особого труда вытащил своего поделщика-сотоварища из камина, но когда тот поднялся, не удержался и рассмеялся своим противным хихикающим смехом, напоминающим звуки, которые издает обиженный шакал.

– Что здесь смешного? – с укоризной спросил Ленин, поскольку в камине никогда не разводили огонь, он совершенно не испачкался ни в золу, ни в сажу.

– Ничего, – продолжал хихикать Троцкий, – просто, увидев вас в этом положении, я вспомнил, что согласно легенде, точно в такой позиции умер великий русский скабресный поэт Барков, только без штанов, то есть штаны были, но он их приспустил, чтобы приклеить себе на...

Ленин смерил Троцкого уничижительным взглядом и уже не торопясь, поистине с немецкой аккуратностью перелез через каминную решетку, покрутил голову одного амура, повернул на девяносто градусов крыло другого, и камин, как и следовало, отодвинулся в сторону, приоткрыв узкую щель с правой стороны.

– Вот так-то, – сказал Ленин Троцкому, – если не с первого абицуга, так со второго.

Троцкий не стал язвить, ведь действительно, не с первого раза и Москва строилась. Но оказалось, радоваться рано. Ни Ленин, ни Троцкий, ни экономка не сумели протиснуться в узкую щель, которая вела в потайную комнату к желанным алмазам, их после огранки и называют бриллиантами, отшлифованные где-нибудь в Амстердаме каким-нибудь кропотливым евреем-ювелиром они и стоят бешеные деньги, а в дикой природе, извлеченные из кимберлитовой породы старателем в набедренной повязке, уходят по бросовой цене в тысячи раз дешевле.

Киесинская, как прима-балерина императорских театров, имела миниатюрную фигуру и умела проскользнуть в эту щель, любому же другому сделать то же самое представлялось весьма затруднительным. Но это не остановило Ленина и Троцкого. Ломами и киркой они раздолбили с края часть стены и, чумазые от кирпичной пыли и известки, вошли в потайную комнату, а экономка следом за ними. Большую часть помещения занимал сейф. Увидев в его двери замочную скважину, экономка захлопала в ладоши и восторженно затараторила:

– Вот какую дверцу открывает тот маленький ключик, у меня есть слепок с него.

– Дайте его сюда, – властно, голосом не терпящим возражений приказал Ленин, – и не трещите как сорока в лесной чаще, завидевшая охотника.

Экономка подала ему слепок. Ленин покрутил его в руках и сказал:

– Но ведь это только слепок с ключа, а не сам ключ. Слепком дверь не откроешь, – и подумав, добавил, – однако не нужно опускать руки. Если есть слепок, можно изготовить и ключ. Для этого нужен слесарь.

Ленин и Троцкий сели в автомобиль и уехали искать слесаря. Через несколько часов они вернулись с новеньким, блестящим после напильника ключиком. Ленин вставил его в скважину двери сейфа, повернул два раза, послышались два мелодичных щелчка, и дверь открылась.

XIX. Клятва и мандат

Сейф состоял из двух половин – большой и маленькой. Обе они оказались совершенно пусты. Троцкий провел пальцем по стыкам – нигде не застрял даже самый маленький алмазик. Он вдруг втянул в себя воздух, а потом обнюхал большую половину, и особенно внимательно и долго – маленькую.

– Клянусь всемирными потрясениями, в маленькой половине она хранила письма любовников – остался явственный запах дорогих духов. В большем отделении никаких запахов, значит, в нем лежали бриллианты, они, как и деньги – не пахнут.

– Подлая тварь, она сбежала, прихватив алмазы, – почти простонала экономка.

– С ее стороны это весьма резонно, – глубокомысленно заметил Ленин.

– Владимир Ильич, – взмолилась экономка, – обещаю во что бы то ни стало вернуть вам бриллианты, если вы расстреляете эту Киесинскую.

– Ну, расстрелять кого угодно для нас никакого труда не составит, – усмехнулся Ленин. – Но где искать ее – прошло уже больше недели, думаю, нашей резвой плясуньи и след простыл.

– Где искать ее! – вне себя от гнева воскликнула экономка. – Я разыщу ее на земле или под водой, живой или мертвой! Давайте меняться – вы мне жизнь этой несносной мерзавки, а я вам ее бриллианты. Только выпишите мне соответствующий мандат!

– Хорошо. Прекрасно. Очень даже замечательно, – деловито сказал Ленин. – Принесите мне бумагу, перо и чернила.

Троцкий тут же услужливо сбежал в кабинет и принес бумагу, перо и чернила. Ленин взял перо и бумагу, приложил лист к дверце сейфа, Троцкий держал в вытянутой руке чернильницу, и Ленин, невзирая на то, что писать приходилось крайне неудобно, размашистым, трудночитаемым почерком написал: «Мандат. Все, что сделает податель сего мандата, сделано по моему приказанию и для блага Мировой революции. Ульянов (Ленин)²⁰».

Потом подумал и внизу, в уголке наискосок, для надежности, добавил: «Предписываю отобрать у балерины Киесинской все алмазы и бриллианты, какие только найдутся у нее при обыске. Бриллианты доставить мне. Балерину расстрелять без промедления и без какой бы то ни было канители, не откладывая этого важного дела в долгий ящик, как это у нас часто случается».

Ленин сунул перо в чернильницу, которую держал Троцкий, двумя руками взял лист бумаги, полюбовался на свою работу, прочел вслух написанное, сложил лист пополам, потом вчетверо и протянул его экономке. Та молча взяла «Мандат» и ушла не проронив ни слова с горящими огнем гнева и мести глазами, освещавшими ей дорогу на улицах ночного Петрограда.

– М-да, – сказал Ленин Троцкому, – не завидую я этой балерине.

Экономка со всей силой и энергией необоримой страсти взялась за дело и спустя несколько месяцев настигла Киесинскую в Кисловодске, куда та добралась после долгих скитаний по замерзающей и оголодалой России. В Кисловодске уже тоже установились порядки, заведенные Лениным и Троцким в Петрограде, то есть грабили всех, у кого находилось хоть что-либо ценное или съедобное. Но здесь, на юге, в предгорьях Кавказа было не так холодно, как на Великой Русской равнине со знаменитой Валдайской возвышенностью, а тем более на русском Севере, и оставались еще кое-какие продукты питания.

Сюда на лечение минеральными водами в старые времена иногда выезжала царская семья, здесь же бывал и поэт Лермонтов, он сочинял не только стихи и поэмы, но напи-

²⁰ Ульянов (Ленин). – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

сал и роман «Герой нашего времени», действие которого разворачивалось как раз в этих местах, известных красотой природы и чистейшим целебным воздухом – им дышать то же самое, что пить воду из заветного родника у корней столетнего дуба. Поэтому в Кисловодск переехала овдовевшая великая княгиня Мария Павловна²¹. Она была дочерью герцога Мекленбургского-Шверинского, до перехода в православие носила имя Мария-Александрина Елизавета-Элеонора, замуж вышла за великого князя Владимира Александровича и по своему положению считалась третьей дамой в империи – сразу после императрицы и императрицы-матери. Она терпеть не могла императрицу за ее истеричный характер и за то, что та помыкала мягким по натуре Ники (Николаем II). Вместе с великой княгиней в Кисловодске жили и двое из четверых ее сыновей – великие князья Борис²² и Андрей²³. Великий князь Андрей был последним по очереди из императорской семьи любовником Киесинской.

Почта и телеграф, которые Ленин ограбил прежде всего, работали совсем плохо, но все таки кое-какие письма до адресатов доходили, обычно случайно, и Киесинская получила несколько грустных посланий от великого князя Андрея. Он настоятельно звал ее в Кисловодск, потому что они давно уже не виделись. Великий князь Андрей советовал ей поселиться в Кисловодске, пока в России не утихнут грабежи и разбои, а когда Ленина и Троцкого кто-нибудь опять отправит в Сибирь на каторгу, тогда как раз освободится дом Киесинской в Петербурге и можно будет вернуться в северную столицу, не обращая внимания на ее ужасный климат, который не идет ни в какое сравнение с прекрасным климатом Предкавказья.

Климат этот так хорош, что в Кисловодске лучше бы остаться навсегда, но это, конечно же, невозможно, так как несмотря на прекрасную погоду и замечательные виды природы с горами в бекешах, бурках и папахах (некогда воинственными, но теперь вполне мирными и живописными) в Кисловодске нет большого императорского театра, где Киесинская могла бы божественно блистать на сцене, сводя с ума публику своей неповторимой грацией и пламенной страстью, выражаемой движениями танца, доведенными до невероятной точности и совершенства.

Киесинская не знала как ей поступить. Она долгое время не решалась ехать в Кисловодск, так как другой ее любовник из императорской семьи, великий князь Сергей Михайлович²⁴ (предшествовавший великому князю Андрею) тоже писал ей письма и они то и дело доходили до нее. Великий князь Сергей Михайлович последние годы занимался исключительно артиллерией и внес в ее развитие огромный вклад. Теперь же, когда Ленин заключил с немцами позорный Брестский мир и артиллерия оказалась не нужна, великий князь вспомнил о своих чувствах к Киесинской.

Он предлагал ей уехать за границу и там дожидаться окончания беспорядков, охвативших Россию. Великий князь Сергей Михайлович сообщил Киесинской, что ему от матери достались драгоценности на значительную сумму и он хотел бы переправить их в Париж или в Лондон – правда, английский посол, с присущей выходцам из туманного Альбиона холодностью, отказался посодействовать в этом вопросе, но еще сохраняется кое-какая надежда уладить это дело. А кроме того великому князю удалось скупить на барахолке мебель из дома Киесинской, ей несомненно дорогую по воспоминаниям, и он уже отправил гостиный гарнитур за границу, но пока по не уточненному адресу, то ли в Финляндию, то ли в Швецию.

²¹ Мария Павловна. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

²² Борис. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

²³ Андрей. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

²⁴ Сергей Михайлович. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Вскоре из газет стало известно, что Великий князь Сергей Михайлович арестован и вывезен в Сибирь. Только после этого Киесинская приняла твердое решение ехать в Кисловодск.

Ее экономка настойчиво и целеустремленно следовала по пятам за своей хозяйкой. Эта-то целеустремленность ее и подвела. Целеустремленность ведь тоже иной раз может сыграть злую шутку. Когда человек целеустремлен, достижение цели часто поглощает все его внимание, он забывает оглядываться назад и осматриваться по сторонам, а это очень опасно, так можно угодить в какую-нибудь ловушку или засаду, устроенную недругами, а если таковых нет, то приготовленную судьбой.

XX. История землячка

Чтобы изложить дальнейшие события, мне придется вернуться на некоторое время назад, к тому самому солдату, который за два рубля серебром помог Киесинской донести до вагона саквояж с бриллиантами. Солдат этот, как помнит внимательный читатель, успел заглянуть в саквояж и сообразил, какую ношу он доставил на вокзал, но особого значения этому не придавал. Спустя пару месяцев после этого, в поисках где бы на дармовищину выпить, ему довелось встретить земляка-односельчанина.

Назвать его односельчанином даже не совсем верно, так как в самом селе он никогда не проживал, а состоял при барине, а барский дом находился рядом с селом. Одним словом, по своему происхождению он был из дворян. Солдат даже имени его не помнил, а чтобы тот не обижался за такую забывчивость, называл его Землячком. (Землячком, но не Землячкой, уточняя это сразу, чтобы никто не путал его с другой особой, оставившей довольно заметный кровавый след в истории тех лет и дней).

Барин, при котором с малолетства обретался этот самый Землячок, был с чудинкой. Известное дело – барин, ему ни пахать, ни сеять, ни косить, ни в лес по дрова не надо, ему все готовое на стол подают, от такой жизни нехотя начнешь чудить. Тем более барин был не молод, лет ему под девяносто, но крепок и умом трезв. Приметил он, что отроческих лет дворовой мальчонка по мелочи обворовывает его. Папиросы таскает, деньги медные и серебро, мелочь из карманов платья, из кабинета разные безделушки. Вот и стал барин мальчонку спрашивать, как, мол, так, вчера лежал здесь двугривенный, а сегодня его нет? Или пропадет какая вещь, хоть себе, например, запонка с фальшивым изумрудом, а куда девалась, ведь недавно же она была, куда исчезла?

А мальчонка в ответ говорит ему какую-нибудь занятную небылицу, барин от скуки слушает и дивится как тот складно врет. Про запонку с фальшивым изумрудом – мол, стащил ее городской человек.

– Какой такой городской человек?

– Заходил, когда вы по аллеям гуляли, вас спрашивал, мол, по делу, с известием, в кабинете дождался, заметил запонку, в карман да и ходу.

– Зачем же ему запонка, она ведь безделица, дорого не стоит?

– Дорого не стоит, а у него нрав такой: увидит что блестящее, все тащит, как сорока.

– Надобно его догнать.

– Догнать никак невозможно, у него тройка наготове стояла.

– И куда же он уехал?

– В чужедальние страны.

– Что же ему там делать?

– Торговать, он ловкий мальчуган, в молодости у купца в приказчиках ходил, только купец его со двора согнал.

– За что же?

– Купец богат, у него дочка, она за этого приказчика замуж проситься стала.

– Он что же, полюбил ее?

– Нет, ему другая девка глянулась.

– Какая?

– А рядом с тем купцом двор ямщика – дочь красавица. Отчаянная, сбежала из родительского дома с каким-то гусаром.

– А он?

– Он через это очень кричинился, поэтому и купецкую дочь не замечал, она даже руки на себя наложит хотела.

На следующий день барин видит – лакей его с запонкой с фальшивым изумрудом забавляется.

– Это откуда же у тебя запонка взялась?

– А тот человек, который ее у вашей милости стащил, вернул.

– Почему вернул?

– А он разбогател, думает: зачем мне ворованная да и без пары, я себе лучше новую куплю.

– Как же он разбогател?

– Подрядился в армию крупу для каши поставлять, все, что солдат съест подрядчику в доход.

– Зачем же он в Россию приехал?

– А надоело ему в чужих странах жить, там все немцы, по-русски не говорят, от них одно утомление и тоска.

– А почему же у них тоска?

– Они песен не поют.

– А почему не поют?

– Жизнь не веселая, одно только что работать, от трудов не запоешь. Да и слов не знают, по-русски ведь не понимают, и сочинить некому, Пушкин-то давно помер.

– Как же он помер?

– Гусар его застрелил, за то, что тот жену его увел, известное дело – поэт...

И так барин беседовал с ним по несколько дней, с перерывами на сон и на прием пищи. Когда началась война с немцами, лакею подошла пора в армии служить, но барин ему белый билет купил, не пожалел денег, до того не хотел с ним расставаться. А позже однажды и говорит ему:

– Когда крестьянам воля вышла, вся моя дворня чуть не пропала. Все у меня в ногах валялись, просили оставить их в прежнем положении. Я согласился. Хороший хозяин старого пса со двора не сгоняет, а тут какие-никакие, а людишки. Так при мне, почитай, все век и доживали. А вот умру я, мне ведь тоже некий срок назначен, что с тобою станется? Байки твои слушать будет некому, лишись ты куска хлеба. Надобно тебе грамоту выучить, станешь писарем, тем и прокормишься.

Начали учить грамоту. К удивлению барина, лакей его к этому делу обнаружил необычайную способность. За один день с утра и алфавит, и слога освоил, а к вечеру уже писал, да так, что по части, где букве «е» полагается быть, а где твердому знаку, самого барина поправлял.

После этого барин придумал новую забаву. Задаст лакею урок – переписать набело каллиграфическим почерком роман французского писателя Дюма. Лакей оказался с ленцой, ему надоест шеей вертеть, в книгу заглядывать, он наполовину спишет как есть, а половину сам выдумает покороче, чтобы скорее урок исполнить – в день ему по сто страниц было назначено. Барин его писанину читал, хохотал, иной раз до слез. Так они почти все романы писателя Дюма перекроили, но тут барин помер. Барин удался на редкость хороший, никакого от него вреда, пожил, почитай, лет сто – но пора и честь знать.

Сыновей, дочерей он не имел, родни тоже никакой. Вот и придумал лакей имение на себя принять, будто по устному завещанию барина, так как никаких бумаг на этот счет не нашлось, потому что умер барин внезапно. На здоровье не жаловался, на своих ногах резвее иного молодого, и память не терял, то и дело к случаю стишки Пушкина наизусть скажет, и рюмку водки перед едой всегда брал, но строго одну, больше ни-ни.

По всему казалось, что мог бы еще сколько-нибудь годков пожить. Да сверху виднее, чем здесь, на суетной земле. Собрался барин как-то отобедать, сел в положенный час за стол. На столе вилки, ложки, нож – все на месте и блюда в ряд, барин во всем порядок любил, как

какой-нибудь немец. Подвязал он салфетку да и бряк со стула на пол. Лакей несет тарелку супа, видит – суп, хороший такой суп, наваристый, с косточкой, уже не нужен, и порядок на столе ни к чему.

Отпели барина в церкви, похоронили как полагается, бабы всплакнули, мужики в затылках почесали, вот ведь, мол, как жил барин, жил да и помер, потому как свой срок всем назначен, даже барину. А лакей бумагу в уездный суд. Так и так, имение барин хотел мне отписать, по той причине, что я его незаконнорожденный сын. Барин, мол, меня при себе с молодых ногтей держал, это все село засвидетельствует, а слова барина, что, мол, все лакею оставляю, старуха кормилица подтвердит. Спросили старуху. Ей куда как за сто лет, она в ответ кланяется и нараспев говорит:

– Истинная правда, батюшка.

А того никто не знал, что старуха по своим годам все слова кроме этих трех давно уже напрочь забыла. Она ими и воды подать просит, и с печи слезть помочь, и хлебушка мякоть в миску с молоком покрошить – старуха давно уже зубов лишилась, а покушать все равно каждый день не отказывалась, не хотела век доживать на пустой желудок.

Однако судейские чиновники засомневались – не то, что старухе не поверили, а от того, что если бы имение как вымороченное отошло в казну, то и они бы руки погрели.

Дело отправили в губернию, а оттуда аж в самый Петербург, в сенатскую комиссию.

Нарядился лакей в барское платье да и поехал в столицу (сам он происходил из-под Ветлуги), чтобы свое дело шевелить. А Петербург уже давно не Петербург, а Петроград и даже Питер. И властей никаких не сыскать. Матросы в тельняшках да бескозырках прямо на улице безобразничают, солдатни с винтовками за плечами видимо не видимо. А между ними поэт Александр Блок расхаживает в черной шляпе, глаза как у кролика, сам из себя весь пьян и стихи сочиняет, встретит на улице какую женщину в модной шляпке, так прямо не сходя с места и разрыдается, и по всему видно – не первый день не евши.

Ну, лакей до стихов был не большой охотник, поесть-то тоже хочется, а взять негде. Но тут учредились две совершенно новые канцелярии. В одной составляют списки всего, что разграблено, в другой – кого еще грабить. Вот он и определился в ту, где переписывают разграбленное, потому как грамоте обучен и думал, что и ему что-нибудь перепадет. Но промахнулся. Все стоящее, что разграблено, Ленин с Троцким или сразу пропили, или на барахолку снесли, как мебель из особняка Киесинской. Лакей – парень ушлый, то есть дошлый, догадался в другую канцелярию перевестись, в ту, где списки, кого разграбить полагается.

Там оказалось намного хлебнее. То зайдет один человек с просьбой его из этих списков вычеркнуть, то заглянет другой, попросит в списочек включить соседа. И каждый тебе что-нибудь да сунет в кармашек. То двугривенный старой чеканки, какое-никакое, а все-таки серебро, а то и золотую пятерку, если просьба позаковыристее. А ежели явится крестьянин, в сапогах или в лаптях, все равно простоты своей ради хоть полфунтика масла принесет, а в такое несытое время и полфунта маслица к столу в самый раз. Намажешь на хлебушек, да и съешь.

И зажил лакей вполне сносно. По ресторациям стал ходить, дамочек завел не последнего разбора. Про имение, которое отсудить хотел, он и думать забыл. Имение это: старый барский дом, без пригляду почти развалился, да земельные угодья. А земельные угодья – пахотная земля. Ее пахать надо. А земельку пахать ветлужскую, глинистую да с камешками, не самое сладкое дело. Землю пахнут ведь не с веселых глаз, не с радости, а когда живот к спине присыхать начинает, тогда уж мужик в затылке почешет, бородку поскребет да за соху берется. А пока сыт, он в борозденку ни ногой. А уж если весел и пьян, то и подавно.

Да и для всех владельцев имений времена-то наступили не самые развеселые. Это раньше баре пожилы всласть. Сиди себе в Петербурге или в Москве при какой-нибудь гостинице «Астория», устриц кушай с трюфелями, по бульварам гуляй, тросточкой помахивай, жди пока

денежки из деревеньки пришлют, вечером театр посещай, а там балет, кто ж на балерин посмотреть-полюбоваться не захочет, у них ноги голые и такие они ногами вензеля чертят, что дух захватывает и нескромные мысли всякие долго не проходят... Теперь же денежек из деревеньки жди – не дождешься, так что иному мелкому канцеляристу и покойнее и в обеденное время веселее на душе.

Одним словом лакей этот неплохо устроился. Только одно свербит. Зависть проклятая покоя не дает, просто гложет, будто голодные кошки изнутри скребут, царапают, ночью ни сна, ни отдохновения от нее. Ленин, суций ерготун, трех слов по-русски внятно не вымолвит с недомерком Троцким на автомобилях с царского гаража разъезжают, с Коллонтай да Арманд гуляют, шампанским щи запивают, как простой водой из-под водопроводного крана. А грабить – грабят все подчистую, и царские дворцы, и купеческие лавки – а в них товаров телегой не свезти – и, прости Господи, с икон золотые оклады по церквям обдирают, как некогда бусурмане в татарское нашествие, и даже с крестьянина-лапотника последние порты из самотканого полотна – вроде незавидная вещь – и то снимают. А ты как воробушек в зимнюю погоду, клюнешь зернышко и рад, жмешься у окошка, перышки топоришишь, чтоб согреться, а тепло-то там, за стеклом, у натопленной печи, да кто ж тебя туда пустит погреться.

XXI. Замысел Землячка

Вот при таких мыслях они и встретились – солдат и лакей, которого солдат стал величать Землячком. Имени его солдат не вспомнил, да и не старался, и дел с ним никаких иметь не намеревался, знал, что Землячок этот – ера, то есть дрянь, человечешко самого последнего разбора, плут и мошенник, развратный шатун и пройдисвет, но по нынешним временам кого не возьми, каждый таков, а этот все-таки с одних краев, в неприютном чужом городе какой-никакой, но свой, а на своего и глянуть и плюнуть приятней.

Землячок же смотрит – солдат, вроде бы знакомый, небрит, шинель измята, по роже видно, что выпить – только дай. Спознались – мол, односельчане. Вроде как толку с этого никакого, а вот скажи ты, даже приятно. И говор свой, ветлужский, любо-дорого послушать, это тебе не с петербургскими дамочками язык ломать, говори как есть, как сызмальства привык.

Завел Землячок солдата в дешевую забегаловку – не в ресторацию же его, вахлака, тащить – взяли из-под полы пол-литра хлебного вина (сухой закон еще, по недосмотру, отметить не успели), сели, выпили, как и положено землякам, потолковали о погоде, царя Николашку помянули недобрый словом, жену его, немку худосочную, нервную, то да се, солдат и рассказал Землячку о том, как помог одной субтильной дамочке саквояж донести до вокзала. А тот саквояж – полнехонек «камушков» и не мелочь какая, все «крупняк», так и сияют, аж глазам больно.

Как только солдат все это выболтал, Землячок сразу «смикитил», что речь о бриллиантах балерины Киесинской, о них уже давно слух шел, что, мол, уплыли из-под носа у Ленина и у Троцкого, хотя он и в пенсне. Расспросил Землячок солдата поподробнее о разных деталях и околичностях и говорит ему:

– Ну вот что, друг ты мой сердечный, таракан запечный. Дамочка эта, про которую ты мне рассказываешь, персона известная, балерина императорских театров. У нее особняк, что царский дворец, его сам Ленин с Троцким грабят, а дамочка-то оказалась отчаянная, с норовом, сбежала с бриллиантами, поминай как звали. И ежели не зевать, мы бы могли их к рукам прибрать, а на эти «камушки» до окончания дней можно водочку попивать без заботы и печалей, коли перебраться к примеру, скажем, в Париж, там в ресторациях блюда разные заморские и насчет женщин искать не приходится, сами в очередь стоят, предложение делают, все в чулках и с манерами.

– Нет, – отвечает солдат, – мне в Париж и даром не надобно, я уж который год домой в деревню никак выбраться не могу. В Париже этом, я слыхивал, от скуки и беспросветной глупости лягушек едят, нам это не с руки.

– Ну так, мил человек, вольному воля – пьяному рай, «камушки» мы поровну поделим и езжай в свои милые сердцу края. «Камушки» эти, что в Париже, что здесь, в любом кабаке прогулять – все без затруднений, – заверил солдата Землячок.

Выправил он солдату фальшивый паспорт, что, мол, тот в увольнении по случаю командировки, себе раздобыл кожаную куртку и револьвер, сунул его в карман, так, чтобы ручка наружу торчала, и поехали они в Кисловодск, так как в своей канцелярии Землячок раз узнал, что именно туда направляется экономка Киесинской – письма ее шли как раз через эту самую канцелярию.

XXII. В Кисловодске

Приехали в Кисловодск ранние экономки. Пошли к комиссару по фамилии Лецинский²⁵, потому что он, по-видимому, происходил из каторжных поляков, их одно время царь в Сибирь ссылал без счета за разные возмущения, непомерную гордость и вспыльчивость. Вошли в кабинет ревкома, солдат у порога остался, а Землячок подошел к самому столу, за которым этот Лецинский сидел и говорит:

– Я есть комиссар Булле²⁶. Прибыл, чтобы собрать контрибуцию в тридцать миллионов золотом и серебром с буржуев, их к вам со всей России-матушки сбежалось очень даже немалое количество.

– А где ваш мандат? – спрашивает Лецинский.

Мандат себе Землячок, из-за неотступности мыслей о бриллиантах, оформит забыл. Но вида не подал, что вышла такая оплошность, достал револьвер, бряк его на стол:

– Вот мой мандат. А ежели интересуетесь подробностями, могу и бумаги предоставить, они у меня не при себе, их мой заместитель вскорости подвезет.

Ну, Лецинский видит, человек серьезный, бумаги требовать не стал, но спросил:

– Вы ведь латыши? А говорите совсем даже без акцента.

Землячок назвался Булле потому, что тот был известной личностью. О его свирепости ходили легенды. Он грабил с такой беспристрастной остервенелостью и хладнокровностью, что если что-нибудь попадало ему в руки, вырвать у него это – какую-либо вещь или живого человека – уже не представлялось возможным. Им восхищался даже сам Ленин и не раз говорил с неподдельным восторгом: «С этим Булле, с его настоящей бульдожьей хваткой мы всю Россию порвем в куски. Именно такие товарищи нам и нужны. Они не просто герои революции, они труженики революции!» (Революцией Ленин называл грабеж, это слово потом следом за Лениным стали употреблять в этом значении многие, а подавшийся в поэзию сын лесника из далекой Грузии Маяковский, даже ввел его в свои поэмы).

Булле по происхождению был латыши, это тоже все знали. И Лецинский, спросив Землячка об акценте, уже думал, что он «поймал» его. Но не тут-то было. Землячок, хотя и не знал ни слова по-латышски (настоящий Булле именно на латышском и говорил, а по-русски – с таким акцентом, что и понять ничего не возможно), но не растерялся.

– Я, товарищ, действительно латыши, но сразу же после рождения меня вывезли по приказу царского самодержавия в глухую ветлужскую деревню. Таким способом царские сапраны хотели ущемить мое национальное достоинство, лишив меня самого дорогого, что есть у прибалтийских народов – родного языка, на котором они поют песни и рассказывают сказки. Но теперь отольются кошке мышкины слезы. Я буду мстить всем русским, пока моя рука способна нажимать на курок, а барабан револьвера не перестанет вращаться, как земной шар в любую погоду.

Слова Землячка попали в нужную точку. Комиссар Лецинский сам вырос в Сибири и не умел говорить по-польски. Он тяжело переживал это и тоже в глубине души ненавидел всех русских, хотя и надеялся, что как только Польша сбросит позорное иго русского самодержавия и он вернется на родину и выучит польский язык, эта ненависть тут же пройдет и Лецинский (сам сочинявший стихи) безоглядно полюбит русского поэта Пушкина, как тот в силу своего легкого и беспечного характера необдуманно любил польского поэта Мицке-

²⁵ Лецинский. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

²⁶ Булле. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

веча, хотя в угоду русскому царю и написал стихотворение «Клеветникам России», в котором оправдывал кровавые преступления русского царизма в Варшаве. Поэтому Лецинский перестал задавать вопросы. А Землячок и солдат, не забывая зачем они явились в Кисловодск, тут же направились к балерине Киесинской.

Балерина Киесинская отказалась сдать бриллианты для «всеобщего дела революции». Она лживо заявила, что никаких бриллиантов у нее нет.

– А вот и врете, дамочка, – сказал ей Землячок, – товарищ солдат подтвердит, что помогал вам нести на вокзал полный саквояж «камушков», то есть бриллиантов.

Но Киесинскую, как и всякую женщину, когда она не хочет сказать правду, «прижучить» оказалось не так просто.

– Не имею чести знать никакого солдата, – нагло заявила она, – их в Петербурге, может, тысячи шатаются по улицам и все на одно лицо, небриты и сквернословят. Да, у меня имелись бриллианты, которые вы вульгарно называете «камушками». Но мне пришлось продать их, надо же мне что-то кушать в это голодное время, и чтобы снять этот домик тоже требовались деньги, мой-то дом в Петербурге у меня отобрали.

Конечно же Землячок не поверил Киесинской. Кто-кто, а он, проработав почти год в обеих канцеляриях по учету награбленного и по устройству дальнейших грабежей, прекрасно понимал, что и одного «камушка» из саквояжа, который солдат, как осел поклажу, доставил на вокзал, хватило бы, чтобы снять два дома в Кисловодске и на год обеспечить продуктовым довольствием балерину при ее-то фигуристой миниатюрной комплекции.

– Извиняйте, – сказал Землячок, – но мы при исполнении и обязаны произвести обыск по всей революционной законности, то есть без всяких там понятий и прочей бумажной формальности, понапрасну отнимающей время и отвлекающей внимание.

Он обыскал весь дом, облазил подпол и чердак, прощупал подушки и тюфяк, перерыл всю одежду, нашел саквояж – один пустой, другой с письмами. Письма читать не стал, так как написаны они не по-русски, осмотрел все коробки и шкатулки, простучал стены и мебель. Нет бриллиантов.

– Завтра мы продолжим обыск, нам предписано искать, пока не найдем. Не для того трудящиеся, рискуя своими жизнями, делали революцию, чтобы их водили за нос, – сказал Землячок Киесинской, а солдату уже на улице, добавил, – саквояж есть, должны где-то тут и «камушки» находиться.

Бриллианты Киесинская спрятала в полых металлических стойках кровати, но их оказалось так много, что все четыре стойки были набиты ими до отказа и при простукивании издавали одинаковый глухой звук, словно они насквозь железные.

XXIII. Ошибка экономки

Шесть дней подряд Землячок и солдат приходили к Киесинской и продолжали, вернее, повторяли обыск. Причем следует заметить, делали все аккуратно, не разбрасывали вещи как попало, возьмут что-нибудь, осмотрят и поставят на место, в отличие от многих других, им подобных товарищей, которые во время обысков переворачивали все вверх дном, чтобы показать свою решительность и несогласие со старым режимом. Землячок пробовал подмигивать прислуге и кухарке в надежде на их пролетарскую сознательность, но те в самом деле не видели никаких «камушков», Киесинская и кухарку и горничную наняла уже после того как надежно спрятала свои бриллианты.

На седьмой день солдат заупрямился и отказался идти делать обыск. По старозаветной крестьянской привычке, он сослался на то, что в воскресенье, мол, сам Бог отдыхал от разных дел. Землячок знал, что солдат не врет и что воскресенье принято соблюдать даже в революционное время. Поэтому они и остались в ревкоме, где ночевали на составленных в ряд стульях, так как не искали никаких особых удобств, надеясь, «гульнуть» с размахом и поспать на мягких диванах и пышных перинах, да со сладкими бабами, когда найдут «камушки».

Не успели они с утра выкурить и пару папиросок себе в удовольствие по случаю воскресного дня, как в ревком заявила незнакомая женщина. По ее взгляду и походке Землячок сразу сообразил, что дамочка эта имеет самые серьезные намеренности. Это была экономка Киесинской, она наконец-то, преодолев все трудности и преграды, добралась до Кисловодска.

– Я требую, товарищ Лецинский, чтобы вы немедленно арестовали находящуюся на незаконных основаниях в вашем городе гражданку Киесинскую и изъяли все ее имущество, как нетрудовым способом полученное от членов императорской семьи, наживавшейся на страданиях простого народа, – с порога заявила экономка, так как давно уже приобрела революционный образ мыслей.

– Мы, уважаемая дамочка, – хитро ответил ей Землячок, – не можем арестовать балерину, она находится под защитой революционных властей с целью использования ее для просвещения народных масс по мере приобщения их к успехам культуры.

– О какой такой культуре вы, товарищ, изволите говорить? Это когда дрыгают голыми ногами перед мужчинами, а они осыпают этих мерзавок бриллиантами? Киесинская прибыла в Кисловодск к своему любовнику, бывшему великому князю, ныне гражданину Андрею Романову и должна понести заслуженное наказание, – не унималась экономка.

– А по какому такому праву вы требуете ее ареста? – строго спросил Землячок.

– Соответственно мандата, – гордо заявила экономка.

Она достала четверо сложенный лист бумаги и подала его Землячку. Тот взял, внимательно прочел и сказал:

– Мандат поддельный. Нам известен товарищ Ленин – вождь всех племен и народов, вставших на путь грабежа и разбоя. А вот кто такой Ульянов (Ленин) нам невдомек. Товарищ революционный солдат, возьмите свою винтовку, отведите эту самозванку во двор ревкома и тут же под окнами расстреляйте, как это у нас заведено в подобных случаях.

– Это безобразие! – вне себя вскричала экономка, до сих пор ее мандат приводил в дрожь и трепет всех, кому она его показывала, – я буду жаловаться Ленину!

– Вот видите – Ленину. А не Ульянову (Ленину), как у вас прописано. Вот так-то вы себя и выдали, – назидательно сказал Землячок.

От возмущения и удивления, а также от справедливости сделанного ей замечания и от неожиданной жестокости судьбы, у экономки в зобу сперло дыхание и она не смогла вымолвить ни слова. Солдат вывел ее во внутренний дворик ревкома и с трех шагов вцепил ей пулю

прямо в лоб, так как делал это не раз в последние беспокойные годы и имел уже к такой процедуре привычку.

XXIV. Бесстрашная Ревекка

А тем временем в этот же день произошло еще одно важное событие.

Киесинская, поняв с утра, что в воскресенье обыска не будет, сходила за изюмом к своей соседке, с ней она познакомилась по приезде в Кисловодск и очень близко сошлась на почве общего интереса к балету.

Соседку звали Ревекка²⁷ Вайнштейн-Блюм. В молодости она мечтала стать балериной и поступала в балетное училище. Ее не приняли по причине ее еврейской национальности. Она подала жалобу, указав, что поступающую вместе с ней Анну Павлову, несмотря на ее еврейское происхождение, зачислили, а ей отказали, где же справедливость? Сначала чиновники сослались на то, что, мол, у Анны Павловой вполне русское имя и фамилия, а когда Ревекка убедительно доказала, что и имена Анна и Павел – еврейские, потому что записаны еще в Евангелие, совсем перестали отвечать, не имея сообразительности, как объяснить свои антисемитские поползновения.

Обиженная Ревекка начала делать бомбы и вместе со своими приятелями студентами бросать их в царя, но ни разу не добросила до царской кареты и поэтому ее сослали на двадцать лет в Сибирь. Когда она отбыла свой срок, Российская империя начала разваливаться. Ревекка уехала из Сибири, потому что за двадцать лет так и не привыкла к ее климату – холодным, до минус сорока градусов, зимам и жаркому, до плюс сорока, и к тому же короткому, как любовь прохожего бродяги, лету. Она перебралась в Кисловодск. Для нее, как для заслуженной политкаторжанки, реквизировали домик какого-то мелкого торговца изюмом, и она жила тихо и мирно, никого не трогая. Когда рядом с ней поселилась Киесинская, женщины сошлись как две добрые соседки.

Ревекка, хотя и не стала балериной, но знала всех танцовщиц по именам и умела тонко судить о постановках. Она считала Киесинскую первой среди балерин императорских театров. По ее мнению, Павлова, конечно, обладала некоторой чувственностью, но часто сбивалась с такта и путала фигуры, а техника Киесинской была превосходна и никто не мог сравниться с ней.

Персиянин, у которого для Ревекки реквизировали дом, так поспешно уехал в свою далекую, но горячо любимую Персию, что в кладовых и в подвале остались поистине неисчерпаемые запасы изюма. Ревекка, не скупясь наделяла Киесинскую изюмом, а она, надо заметить, была неравнодушна к восточным сладостям и хорошо разбиралась в сортах винограда, из которого, собственно, и готовят изюм, в том числе и знаменитый лукчинский (или, как его еще называют, турфанский) – без косточек, изумрудно-зеленого цвета.

В воскресенье, придя к подруге, Киесинская поведала ей об обысках, которые на протяжении всей недели шли в ее доме. Рассказ Киесинской просто возмутил Ревекку. Она тут же отправилась к комиссару Лецинскому – он жил на другом конце города в роскошном особняке какого-то врача, в старые времена приписывавшего великосветским дамам, приезжавшим на лето из Петербурга, лечебные воды для успокоения нервной системы, измотанной неожиданными переменами любовных чувств.

Охрана непустила Ревекку в дом, ссылаясь на воскресный день, полагавшийся комиссару для отдохновения от грабежей и расстрелов, отнимающих много физических и душевных сил.

– Я политкаторжанка с двадцатилетним стажем, – сказала Ревекка и бесстрашно двинулась на штыки, преградившие ей путь, и охранникам пришлось дать дорогу смелой и решительной женщине.

²⁷ Ревекка. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

– Я политкаторжанка с двадцатилетним стажем, – повторила она уже Лецинскому, слегка стухнувшему от ее напора. – Я знаю, что такое революционная законность. Уважающий себя революционер никогда не станет одного и того же человека грабить дважды! Как будто нет других людей! И обыскивать шесть раз подряд – это верх цинизма и наглости. Тем более, когда дело касается балерины! У Киесинской уже отобрали один дом в Петербурге – он стоит миллионы, а вам все мало! Ваша ненасытность беспримерна! Я требую прекратить эту вакханалию попрания прав и революционных традиций. Не для того в царя бомбы кидали я и мои товарищи, живьем сгнившие в равинах Петропавловки и в рудниках Акатуя, Шилки и Нерчинска, о которых ты слышал только в песне «Славное море – священный Байкал».

– Я тоже родился в семье ссыльных в Сибири, – приосанился Лецинский.

– Все равно по сравнению со мной ты неоперившийся безусый птенец, – не допускающим возражений тоном отрезала Ревекка, – оставь в покое Киесинскую. Она моя соседка.

– Да я, собственно, ее и не трогал, это питерские, – смущенно сказал Лецинский.

Он очень сильно переживал, что к тридцати годам у него почти не росли усы, это обидное обстоятельство лет с семнадцати не давало ему покоя ни при каких обстоятельствах и доставляло массу переживаний и часто ставило в самое неловкое положение, особенно при женищинах.

– Какие еще такие питерские? – грозно спросила Ревекка.

– Да вот приехали, револьвер бац на стол, – нехотя рассказал Лецинский.

– А мандат ты у них потребовал?

– Мандат у них в порядке, – соврал Лецинский, обходя этот вопрос, чтобы не всплыло то, что на самом деле никакого мандата приезжие не предъявили, а он из провинциальной деликатности не убедился на свои глаза в его наличии, – но даю вам слово, завтра я все улажу. Шесть раз подряд устраивать обыск, это слишком, во всем должно соблюдать революционную меру, не могу не согласиться с вами, тут вы правы полностью и безоговорочно, – залезил Лецинский.

XXV. Как Землячок избавился от солдата

На следующий день, то есть в понедельник, Лецинский не поленился встать пораньше и ни свет ни заря явился в ревком. Землячок и солдат уже собирались идти к Киесинской.

– Вы набезобразничали? – спросил Лецинский, показывая через окно на экономку, лежащую во внутреннем дворике, с простреленной навывлет головой.

– Да, приятель мой поторопился, вот как-то так, по неосторожности и получилось, – оправдываясь, ответил Землячок, а сам подмигнул солдату, мол, молчи.

– Не знаю, как у вас в Питере, – недовольным тоном начал Лецинский, – а у нас в Кисловодске не принято простреливать женищинам головы без постановления ревкома или хотя бы революционной «тройки».

– Виноват, не спорю, – Землячок опять подмигнул солдату, – раз уж вышла такая оплошность, приятель мой может и в кутузке посидеть.

Солдат, поняв, что Землячок затеял какую-то ловкую хитрость – иначе он бы ему не подмигивал – согласно пожал плечами, так как по своему простодушию во всем полагался на товарища. Мол, что делать, виноват. Лецинский позвал двух красноармейцев, и те повели солдата в «кутузку», а Землячок увязался следом, будто так, веце мешок поднести, а сам, уловив момент, шлепнул солдату на ухо: «Ничего не бойся, а главное вида не подавай. Я тебя в беде не брошу, я брат таков: для друга последний кусок съем, даже коли он поперек горла. Поведут тебя расстреливать – ты ни слова, я все устрою, патроны будут холостые, мы с тобой этих кисловодских ротозеев запросто вокруг пальца в два счета обведем, они и глазом моргнуть не успеют и в затылке почесать».

Солдат, мякинная голова, ему по наивности и поверил. И позже, когда его расстреливать стали, он, простая душа, все ждал, что патроны будут холостые, а его хлопок – настоящими. Ведь все это Землячок задумал, как только у экономки мандат заполучил, в тот же самый миг ему все это и пришло в голову, он такие ходы-выходы придумывать как раз был мастак.

Избавившись от солдата таким образом, чтобы потом с ним не делить бриллианты, Землячок вернулся в ревком и сказал:

– Я ведь совершенно не против революционной законности. Ну шлепнул солдат эту дамочку по привычке, не подумав по своей простонародной несообразительности, без протокола, как это требуется, ну так расстреляйте его, в порядке исправления ошибки, с оформлением всех бумаг и дело с концом.

– Это мы все оформим по заведенному порядку, – ответил ему Лецинский, – но дело не только в неаккуратности этого твоего разгильдяя. Тут на вас политкаторжане жалуются. Зачем у балерины Киесинской шесть раз подряд обыск проводите?

– Э-э, товарищ дорогой мой, балерина Киесинская – особый случай, особая статья. И действую я согласно мандата, – ответил Землячок.

– А вы не думайте, что если вы из Питера приехали, то вы один такой умный. У нас в Кисловодске тоже порядки знают. Вы прежде мандат предъявите, – с чувством собственной значимости сказал комиссар Лецинский.

А Землячок с насмешливой улыбкой ему в ответ:

– Если я свой мандат покажу, у тебя глаза на лоб вылезут.

– Не волнуйтесь о моем самочувствии, а действуйте по предписанию, – настоял Лецинский.

Землячок и показал ему мандат, который с умыслом забрал у экономки. Тот взял мандат и прочел: «Мандат. Все, что сделает податель сего мандата, сделано по моему приказанию и для блага Мировой революции. Ульянов (Ленин).

Предписываю отобрать у балерины Киесинской все алмазы и бриллианты, какие только у нее найдутся при обыске. Бриллианты доставить мне. Балерину расстрелять без промедления и без какой бы то ни было канители, не откладывая этого важного дела в долгий ящик».

Глаза у комиссара Лецинского действительно чуть не вылезали из орбит, ноги от страха подкосились и приросли к полу, загаженному окурками, как подпись увидел, с места бедолага сдвинуться не может, стоит как гвоздями прибитый. Но все же совладал с собой, очухался и сказал, едва ворочая языком:

– Прошу меня извинить за неосведомленность. Не велите меня расстреливать, я вам еще пригожусь. Ежели сам товарищ Ленин требует, я эту Киесинскую готов не то что шесть, а тридцать шесть раз обыскивать. Да мы весь дом ее по щепочке разнесем, фундамент по камешку разберем, а бриллианты для товарища Ленина изыщем.

– То-то, – назидательно сказал Землячок, но потом сменил гнев на милость. – Обыски у Киесинской пока что нужно отложить, пусть ошибочно думает, что, мол, ее оставили в покое. А займемся тем временем вот чем. Тут у вас великая княгиня обосновалась, как у себя дома. И два сына при ней: Борис и Андрей. Вот к ним-то и надобно наведаться. Они и заговор контрреволюционный давно уже задумали, и взять у них найдется что – и из вещичек, и «камушки», наверное, тоже как водится, в помадных банках у великой княгини законопачены.

Когда грабили аристократок, те старались припрятать свои бриллианты. Бриллиантов у них было не много, не как у Киесинской – полный саквояж, а три-четыре «камушка», а у кого так и совсем один. Поэтому засовывали их в баночки с губной помадой и в коробочки с пудрой, надеясь, что уж никто-никто в эти дамские аксессуары или, проще говоря, в причиндалы не заглянет, а если и откроет, то ничего не увидит, бриллианты-то на самом дне, а сверху помада да пудра.

Горничные рассказывали об этом и матросам, и солдатам, когда те приходили с обыском. И они тыкали своими заскорузлыми пальцами в банки с помадой и выколупывали «камушки» – причем обыск обычно и начинали именно с помадных банок, к удивлению несчастных жениц, не сообразивших спрятать свои последние бриллианты понадежнее, в ножку стула, например, или в клубок шерстяных ниток, а во время обысков сидеть и вязать из этих ниток кружевную накидку, а когда обыск закончится, ночью распускать эту накидку. Нечто подобное делала Пенелопа, дожидаясь своего любимого мужа, пока женихи однажды не обнаружили ее обман, но это не помогло им, так как Одиссей уже был недалеко от дома.

– Ленин, – продолжил объяснять Землячок пришедшему в себя Лецинскому, – посылая меня за бриллиантами Киесинской, сказал, что, мол, или бриллианты привези, или великих князей доставь, остальных членов их семейства мы уже расстреляли, а эти еще в Кисловодске прохлаждаются, минеральные воды пьют, как в прошлые времена. Так что, товарищ Лецинский, на скорую руку расстреляйте моего солдатика, чтобы он больше по невнимательности и безразличию не нарушал революционной законности и не путался бы у нас под ногами. Возьмите с собой несколько человек и не откладывая – к великой княгине.

Сказано – сделано. Солдата расстреляли – он все надеялся, что у расстреливавших его патроны будут холостые, а они оказались обычными, настоящими, калибра 7,62 миллиметра, патрон центрального воспламенения, гильза цельнотянутая, с закраиной, пуля тупоконечная, свинцовая, в мельхиоровой оболочке, весом 13,7 грамма, вес бездымного пороха в гильзе 2,5 грамма, что дает возможность пуле развивать скорость 640 метров в секунду. То есть, если расстреливать метров с десяти, то никак не отвернешься, не проходит и секунды после нажатия на курок как дело сделано.

Все вышеописанное, естественно, относится к винтовке системы Мосина, старой доброй отечественной трехлинейке. Если же расстреливающие предпочитали карабины или какие-либо иностранные винтовки: английские, системы Энфильда или французские Лебель-

Бертье, или даже американские Эддистона, то патроны имели немного другие параметры, впрочем, мало отличавшиеся от параметров патрона винтовки Мосина, а главное времени на все про все уходило тоже никак не больше секунды, так что солдат и удивиться не успел, и сообразить, что Землячок крепко его подвел, не желая делить бриллианты Киесинской на двоих – одному-то, понятно, больше достанется.

XXVI. Арест великого князя

А Землячок тем временем вместе с Лецинским уже явился к великой княгине. Бриллиантов у нее не нашли, так как их еще раньше, почти месяц тому назад, выколунали из помадных банок.

– Ну что ж, нет так нет, – сказал комиссар Булле, то есть Землячок, – а вот гражданина Андрея Романова нам придется временно арестовать.

– Ну почему же только его? – желая угодить Булле (Землячку), услужливо спросил Лецинский. – Заберем обоих, и Бориса, и Андрея, они ведь оба великие князья.

– Бывшие великие князья, – назидательно поправил Лецинского Булле (Землячок), – титулы и звания у нас теперь отменены, все теперь граждане, всех можно грабить одинаково, невзирая на происхождение и всякие там родословные привилегии. Для начала арестуем князя Андрея. Мне известно, что князь Борис смирного характера и пока не представляет опасности для революционно настроенного народа. А князь Андрей, сами посмотрите, даже сейчас с холодным оружием. А оружие тем, кого мы грабим, иметь не полагается, оно должно находиться только у нас.

Великий князь Андрей числился шефом кавказского полка и, чтобы сделать приятное военнослужащим, носил черкеску с кинжалом.

Черкеску ему оставили, кинжал забрали и отвели в «кутузку», которую только что освободил солдат, расстрелянный всего полчаса назад.

По вечерам у Киесинской собиралось небольшое общество для игры в карты. Никто заядлым картежником не был, но, во-первых, никаких других занятий здесь в Кисловодске не находилось, это ведь не Петербург, а во-вторых, игра успокаивала нервы и хоть немного отвлекала от неприятных мыслей об угрозе, нависшей над Россией по случаю общих беспорядков, не прекращавшихся вот уже который год. Киесинская приглашала на эти вечера и свою соседку, Ревекку Вайништейн-Блюм, но та всегда отказывалась, ссылаясь на то, что политические убеждения не позволяют ей сидеть за одним столом с дамами высшего света, а кроме того безик, экарте и старинный фараон она считала занятием, недостойным политкаторжанки с двадцатилетним стажем. «Прошли те времена, – говорила Ревекка, – когда бедная еврейка сомлела бы от счастья, если бы ей довелось постоять рядом со столом, за которым великая княгиня изволила бы побаловаться игрой в карты. Теперь я не то, что с великой княгиней, с императрицей рядом сесть побрезгую. Да и небезопасно в такой-то компании».

Этим вечером игра не состоялась – ожидали великую княгиню Марию Павловну, но она прислала горничную. Горничная рассказала и об обыске, и об «ужасном» аресте великого князя Андрея. После такого известия играть в карты никто не захотел и все молча разошлись по домам.

XXVII. Хитрость Землячка

Когда совсем стемнело, в окошко кто-то постучал. Киесинская бросилась открывать дверь, ей вдруг подумалось, что это великий князь Андрей сбежал из-под ареста и ему нужно укрыться от погони. Но на пороге стоял Землячок в кожаной куртке, из кармана торчала рукоятка револьвера.

– Вы что же, решили устроить у меня обыск ночью?! – возмущенно воскликнула Киесинская. – Ревекка Вайнштейн-Блюм заверяла меня, что обыски прекратятся. Она политка-торжанка с двадцатилетним стажем.

– Плевать я хотел на вашу Ревекку Вайнштейн-Блюм, каторжную рвань, – совершенно безразличным тоном сказал Землячок, – обыскивать вас я больше не собираюсь, бриллианты вы умеете прятать. Но куда бы вы их не затараканили, вам придется выковыривать их из любых помадных банок. Если вы немедленно не доставите мне в ревком полный саквояж бриллиантов, завтра утром я отправлю вашего князя Андрея в Екатеринбург, где его настигнет участь семьи Романовых, как кровавых угнетателей трудового народа, веками страдавшего от деспотизма.

Киесинская хотела сказать в ответ, что она сейчас же отдаст все свои бриллианты, но Землячок не стал ее слушать и захлопнул дверь. Киесинская тут же, не раздумывая ни минуты, развинтила стойки кровати, высыпала из них бриллианты и собрала их в саквояж. Она хотела взять себе одну изящную нитку бриллиантов, когда-то подаренную ей Ники (Николаем II), дорогую ей как память о тех далеких днях, когда Ники не пропускал ни одного свидания, но спохватилась, бросила ее в саквояж, а потом сняла с пальцев перстни с алмазами и даже серьги с изумрудами и тоже швырнула их в саквояж следом за ниткой бриллиантов.

Одна, через весь погруженный в крошечный мрак Кисловодск, безлунной ночью, едва различая в темноте тротуар под ногами, она добежала до ревкома, где у огарка свечи сидел Землячок – он твердо знал, что балерина не заставит себя долго ждать.

– Ну вот и хорошо, сразу бы так, – сказал он, забрал саквояж и, удостоверившись, что он полон бриллиантов, добавил, – теперь со спокойной совестью можете быть свободны.

Услышав, что она свободна, Киесинская направилась к двери, но на пороге вдруг остановилась и возмущенно сказала:

– Погодите! Вы обещали освободить великого князя Андрея!

– Обещал, так значит освобожу, комиссар Булле тем и известен, что всегда держит свое революционное слово, завтра утром получите своего князя, а теперь ступайте, ступайте, мне уже пора спать.

– Освободите его немедленно! – сжав кулачки, крикнула возмущенная Киесинская.

– Ну, вы эти свои барские замашки оставьте, не прежние времена, покрикивать. Ночь, люди спят, всех что ли будить по тому случаю, что вы давно не виделись с этим князем, гражданином Романовым?

– Но охрана в тюрьме не спит! – едва сдерживая слезы, прерывающимся голосом промолвила Киесинская.

– Ага, вы не знаете этих разгильдяев. Дрыхнут все как один. Ступайте, ступайте, потерпите до утра. Ваши слезы не помогут. Раньше надо было думать, когда за счет трудового народа выплясывали в императорских театрах. Говорю же вам, мне спать пора.

Но, выпроводив Киесинскую, Землячок и не подумал ложиться спать. Он взял вещмешок расстрелянного солдата, который еще раньше предусмотрительно забрал из куртки, вытряхнул барахло и пересыпал в вещмешок бриллианты, а саквояж сжег в печке, чтобы замести все следы. И озираясь по сторонам в гнетущей тишине ночи, воровской походкой, с

револьвером в руке наготове, прокрался на железнодорожный вокзал, сел в поезд и был таков, только его и видели, шщи ветра в поле.

Он уезжал из Кисловодска вполне довольный своей хитроумной проделкой, ничуть не сожалея, что не успел попить воды из знаменитого источника «Нарзан» (что в переводе значит «Богатырский источник») и даже не посетил знаменитую галерею, построенную над этим источником еще в бытность наместника Кавказа М. С. Воронцова, и не искупался в речушке Ольховке – ее воды богаты углекислым газом и чрезвычайно полезны для поправки здоровья при условии регулярного повтора процедур. Землячок не попробовал и знаменитого кисловодского кумыса и козьего молока, которое врачи приписывали великосветским дамам для укрепления нервной системы. Землячок даже не знал, что такое нервная система, и никогда не жаловался на здоровье, особенно сейчас, укатив из Кисловодска с вещмешком, по самую завязку набитым бриллиантами, среди которых затерялись перстни и серезжки с изумрудами балерины Киесинской, женичины, не привыкшей прощать обиды, что потом, много лет спустя сыграет свою роль в ее жизни.

Он так ловко и к месту, жестко и решительно «обтяпал» это «дельце», что позднейшие исследователи и историки гражданской войны выдвигали гипотезу, что под видом Землячка скрывался сам Ванька Каин. Но эта версия не нашла достаточных архивных подтверждений и не получила широкого распространения в кругу специалистов, хотя она и имеет право на существование.

XXVIII. Судьба комиссара Лецинского

Киесинская на следующий день ни свет ни заря явилась в ревком. Дверь ревкома оказалась распахнутой настезь, на полу валялось какое-то неприглядное барахло, вытряхнутое Землячком из солдатского вещмешка. И стоял отвратительный запах жженой крокодиловой кожи – это было все, что осталось от саквояжа Киесинской, купленного ею по случаю пребывания в столице Франции Париже в незабвенные годы молодости и блистательной славы.

Спустя некоторое время явился комиссар Лецинский. Он наотрез отказался отпустить великого князя Андрея. Напрасно Киесинская уверяла, что она отдала комиссару Булле полный саквояж бриллиантов и даже свои перстни и серьги. Лецинский не верил ее словам. Как так, Булле за шесть обысков не нашел ни одного бриллианта и вдруг у нее их целый саквояж! И потом, куда девался сам комиссар Булле? И почему в ревкоме этот странный запах жженой кожи?

И к тому же князь Андрей как две капли воды похож на недавно расстрелянного бывшего императора Николая II, а если за этим что-то кроется? Нет, нет, о том, чтобы освободить из-под стражи князя Андрея не может быть и речи. И Лецинский, несмотря на присущую многим полякам галантность в отношении дам, можно сказать, грубо выгнал Киесинскую из помещения ревкома и запретил его проветривать, чтобы потом выяснить происхождение невыносимого запаха паленой кожи. А великого князя Андрея приказал оставить под стражей, чем и подписал себе смертный приговор, сам о том нисколько не догадываясь.

Киесинская бросилась к Ревекке Вайнштейн-Блум, но каторжанка с двадцатилетним стажем не захотела хлопотать о князе Андрее. Она ссылалась на свои политические убеждения и только угощала Киесинскую изюмом. Ей же этот изюм, которого в доме Ревекки хранилось несметные запасы, и в горло не лез. До Киесинской доходили слухи о расстреле царской семьи. Она, в отличие от Ревекки, со всеми ее политическими убеждениями, не верила в возможность такого варварства. Но после разговора с Лецинским испугалась, что этот негодяй может расстрелять великого князя Андрея единственно за то, что тот действительно очень похож на Ники (Николая II).

Однако дело обернулось совершенно иначе.

За несколько дней до описываемых событий, то есть до ареста великого князя Андрея, он встретил в городе князя АзлаMAT-бея. Этот храбрый, но очень вспыльчивый и болезненно гордый горец служил в Кавказском полку, шефом которого был великий князь Андрей. Великий князь Андрей не делал АзлаMAT-бею никаких поблажек по службе. Но за пределами служебных отношений часто давал понять и даже подчеркивал, что они равны как князья. Это производило на АзлаMAT-бея очень сильное впечатление. И встретив великого князя Андрея в Кисловодске он пригласил его в гости в свой аул, куда можно добраться за пару часов по горным тропам. Великий князь Андрей дал согласие нанести АзлаMAT-бею визит.

АзлаMAT-бей рассказал о предстоящем визите великого князя своим сородичам, а их у него почти целый аул. Но в назначенный день великий князь Андрей не приехал, так как его уже арестовали. Не зная об этом, смертельно оскорбленный АзлаMAT-бей с двумя десятками своих кунаков – храбрых джигитов, вооруженных с головы до ног, как это принято на Кавказе, приехал в Кисловодск, чтобы потребовать объяснений или даже вызвать великого князя Андрея на дуэль.

Великая княгиня Мария Павловна рассказала АзлаMAT-бею о том, что произошло. АзлаMAT-бей схватил маузер, который всегда носил с собой, потому что, как и Ленин, предпочитал его любому револьверу, вскочил на коня и вместе со своими джигитами помчался к ревкому. Горцы, ничего не объясняя, с диким криком перестреляли всю охрану тюрьмы, а Лецинского, так как он был совсем маленького роста, повесили на дверях ревкома, второпях

не обратив внимания на просьбы великого князя Андрея пощадить комиссара из человеколюбия, широко известного в Европе в начале XX века, а в России распространяемого графом Л.Н. Толстым, гениальным русским писателем.

После этого происшествия великий князь Андрей посетил с визитом аул Азламан-бей и через несколько дней, потребовавшихся для сборов, великая княгиня Мария Павловна и Киесинская и еще несколько семейств покинули Кисловодск. Они с трудом добрались до Новороссийска, а потом на каком-то пароходике, чуть не утонувшем в Черном море, до Крыма, к великой княгине Марии Федоровне, матери императора Николая II. Во время этого бегства Киесинская потеряла свое самое дорогое сокровище – саквояж с письмами и фотокарточкой Ники (Николая II). А в Крыму беглецов ожидал еще более жестокий удар. Стало достоверно известно, что вся царская семья расстреляна в Екатеринбурге.

XXIX. Судьба русского царя

От царя хотел избавиться еще глава Временного правительства, тайный и закоренелый масон Керенский. Он полагал, что ему неудобно править Россией, если где-то рядом находится царь, пусть даже и подписавший отречение от престола, тем более, что уже появились слухи, будто это отречение получено обманным способом, а значит, оно недействительно.

Поэтому Керенский через своих многочисленных приятелей-масонов официально обратился к королю Англии Георгу V, двоюродному брату царя Николая II с просьбой принять у себя низложенного императора бывшей Российской империи, так как она теперь уже является республикой и присутствие монарха в ней неуместно и крайне нежелательно. Георг V, хотя и был представителем Саксен-Кобург-Готской династии, в 1917 году переименованной по случаю войны с немцами в Виндзорскую династию, сам не мог принимать никаких решений. В связи с отсутствием в Англии Конституции все решения принимает парламент, и королю по любому поводу нужно обращаться в нижнюю палату этого парламента. Такой обычай в Англии заведен еще со времен короля Карла I, которому за нарушение этого правила отрубили голову, и все последующие короли старались строго соблюдать раз и навсегда утвержденный порядок.

Георг V, как и положено, обратился в парламент, потому что сочувствовал своему двоюродному брату, Николаю II. Но все дело испортил один из членов парламента по фамилии Черчилль²⁸. Семейство этих Черчиллей вывела в люди прабабушка. Как одна из придворных дам она сопровождала короля во время конной прогулки и так неосторожно, но удачно упала с лошади, что у нее задралась юбка. Король обратил внимание, что несмотря на безобразную внешность, ноги у дамы длинные и стройные, и включил ее в число молодых особ, занимавших при королеве должности фрейлин, а при короле – исполнявших «известные обязанности», предписав ей, при исполнении этих известных обязанностей прикрывать лицо носовым платком, чтобы не портить общего приятного впечатления.

Черчилль очень гордился этой своей прабабкой, но еще больше он гордился тем, что один из его предков состоял в родственной связи со знаменитым морским разбойником Дрейком, имя которого англичане даже нанесли на географическую карту. Официально Черчилль происходил из семейства герцогов Мальборо. Отец за тупость и скверный характер лишил его титула герцога, и ему приходилось подвизаться на политическом поприще. Обладая неумной энергией и тяжелыми дефектами речи, Черчилль никогда не пропускал возможности выступить в парламенте, чтобы усовершенствоваться в ораторском искусстве.

Он произнес трехчасовую речь. Перевирая все, что только можно перевернуть, и путая все, что можно перепутать, он рассказал как Россия напала на англичан в Крыму и как отец императора Николая I Павел I по сговору с Наполеоном чуть не вторгся в Индию, чтобы насолить англичанам. Россия, по мнению Черчилля, везде: на Камчатке, на острове Сахалине, в Средней Азии, в Афганистане и особенно на берегах проливов Босфор и Дарданеллы изо всех сил вредила королевству Англии, официально соединенному с Северной Ирландией, а неофициально с Шотландией, то есть не по желанию шотландцев, а насильно, протестуя против чего мужщины в Шотландии носили вместо штанов женские юбки.

Парламентарии не переносили Черчилля за его шепелявость и прочие скандальные выходки, но на этот раз устроили ему овацию, словно это был не Черчилль, а знаменитый английский актер Дэвид Гаррик или римский оратор Цицерон. Причина их восторга заключалась в том, что в силу своего национального характера Россию они ненавидели еще больше,

²⁸ Черчилль. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

чем Черчилля, хотя столетиями и закупали русскую пеньку и мачтовый лес и по волнам Балтики возили сбывать в Петербург всякие щепетильные безделушки и побрякушки в обмен на сало, которое в Малороссии до сих пор считается деликатесом.

Парламент единодушно отказал королю Георгу V. И Георг V отписал Керенскому, что сам-то он с радостью принял бы Николая II вместе со всей семьей, тем более, что они давно не виделись, но парламент против и он не может позволить себе такую вольность и советует Николаю II поискать приют в какой-либо другой стране, расположенной где-нибудь недалеко, по соседству, чтобы потом было удобно ездить в гости друг к другу. Английская королева-мать, узнав об его отказе, выразила недовольство и напомнила своему сыну, что император Николай II все-таки его двоюродный брат. Король Георг V как раз читал в это время на сон грядущий Библию и раздраженно ответил:

– Разве я сторож брату моему? – и после уже никогда не говорил с королевой-матерью на эту тему, потому что в семье был традиционно строг.

XXX. Судьба русского царя (продолжение)

После отказа Англии Керенский с этой же просьбой обратился во Францию, так как она находилась как раз по соседству с Англией. Во Франции у него тоже было много друзей масонов. Но президент французской республики ответил, что Франция и не подумает принять императора Николая II. Во-первых, когда президент посещал Россию и духовой оркестр исполнял «Марсельезу» – гимн Франции – император Николай II стоял на торжественной церемонии с отсутствующим видом, словно давая понять, что не желает даже и слушать эту, не сказать, чтобы веселую, музыку. Во-вторых, жена у него немка, а немцев во Франции не переносят, потому что Франция названа по имени одного из германских племен – жестоких франков и вскоре она по воле народа будет переименована в Галлию. И наконец, в-третьих, с подобной просьбой следует обратиться в какую-либо другую страну, где ввиду политической неразвитости еще сохранился монархический способ правления, исторически изживший себя под воздействием известного приспособления, называемого гильотиной, в теперь наконец-то свободной Франции, но повсеместно встречающийся в Европе.

Тем не менее в своем послании президент выразил удовлетворение, что и Россия стала республикой. И если в этой республике казнят своего бывшего императора – расстреляют, повесят, отрубят ему на плахе голову, то что же в этом удивительного или плохого, нужно только соблюсти все демократические процедуры, то есть провести голосование и подсчитать голоса, поданные «за» и «против», и если большинство «за», то можно делать все, что угодно. Именно так в свое время во Франции поступили со своим королем Людовиком XVI. Тогда избранные представители французского народа с перевесом в один голос проголосовали за гильотинирование короля и со спокойной совестью гильотинировали его (а потом таким же образом, или, как говорят в России, «таким же Макаром» и его жену австрийского происхождения, потому что австрийцы – это по сути дела те же немцы, только по другому называются).

И у французов совесть совершенно спокойна и, по мнению многих, – чиста. Поэтому каждый год французы, населяющие город Париж (а по желанию могут приезжать и те, кто проживает в сельской местности), собираются на Гревской площади, где когда-то стояла гильотина, на которой гильотинировали короля, и весело танцуют по этому поводу разные танцы, причем женщины надевают самые красивые платья, сшитые по последней моде, ведь Париж по-прежнему остается мировой столицей моды. Правда, сельских жителей на этом празднике совсем мало, все в это время заняты на уборке урожая, но они подъезжают позже, уже осенью, привозят виноград и фрукты, парижане с радостью покупают эти дары земли и едят их с завидным аппетитом, и было бы смешно и нелепо, если бы кто-то из них вспомнил про короля Людовика XVI, гильотинированного с помощью гильотины, так кстати изобретенной во Франции, во все времена прославленной развитием наук и ремесел, описанных потом в знаменитой на весь мир энциклопедии.

Поэтому русский народ пора тоже приучать к демократии и вместо того чтобы ломать себе голову, куда, мол, отправить подальше от России Николая II, Керенскому лучше позаботиться о соблюдении правил и процедур, обязательных при цивилизованном отрубании монархам голов. Тем более, что Керенскому, состоящему сразу в двенадцати масонских ложах, эти правила и процедуры хорошо известны и близки по духу.

XXXI. Судьба русского царя (продолжение)

Получив отказ, Керенский, уже стригишийся тогда «под бобрিকা», решил обратиться к европейским монархам. Просьбу принять у себя отрекшегося императора Николая II направили всем его родственникам.

Сначала в Данию, так как датский король, далекий потомок знаменитого принца датского Гамлета Христиан X, как и король Англии Георг V, был двоюродным братом Николая II, но в отличие от своего английского сородича он сам принимал решения, что ему делать, а что не делать, когда ему пить свой утренний кофе, а когда посещать туалет, не задумываясь, что по этому поводу могут подумать члены парламента. На запрос Временного правительства Христиан X ответил, что он любит своего двоюродного брата Николая II и глубоко уважает, несмотря на отречение от престола. И был бы рад принять его у себя в Копенгагене, городе знаменитого доброго сказочника Ганса Андерсена, любимого детьми в разных странах.

Однако, к сожалению, в Европе идет Первая мировая война. Дания строго соблюдает нейтралитет. А бывший император Николай II состоял в должности главнокомандующего одной из воюющих сторон, и если предоставит ему убежище в Дании, это бросит некоторую тень на ее нейтралитет. Нет, уж пусть лучше его расстреляют вместе с семьей у себя на родине, но зато это останется сугубо внутренним делом России.

Тогда Керенский, помня, что король Дании не последний родственник Николая II, обратился в Испанию, к королеве Евгении – двоюродной сестре жены Николая II, Александры Федоровны. Та отвечала, что не сможет принять семью своей сестры по той причине, что Николай II не католического вероисповедания, а кроме того Испания находится очень далеко от России и у нее совершенно другой климат.

И если Николая II и Александру Федоровну расстреляют, то по крайней мере в привычных для них условиях суровой русской зимы, известной во всем мире катанием на быстрых тройках под звон веселых колокольчиков с надписью «Дар Валдая» и неумеренным поеданием горячих блинов с черной и красной икрой на Масленицу – все это никак не вяжется с Испанией, с ее жарой и традициями корриды, подвигами тореадоров, жгучими плясками и небезопасными ласками цыганок, воспетых французами в опере «Кармен», не говоря уже об особенностях танца «фламенко», прообраза танго и не менее его откровенного по части изображения желаний мужчины овладеть женщиной и страсти женщины доказать, что она прямо-таки сгорает от безумной, но гордой любви.

Получив ответ из пылкой, хотя и католической Испании, Керенский с упрямством, присущим всем масонам, направил запрос королю православной Греции Константину I, двоюродному брату Николая II. Константин I тоже отказался дать разрешение на приезд семейства бывшего русского царя. В огромном послании он перечислил все, что сделала Россия для Греции и Византии, особенно для Греции, когда та оказалась под игом злокозненных агарян и страдала от турецкого варварства и, можно сказать, мечтала стать частью великой Российской империи, и особо подчеркнул преемственность России от Византии.

Да вот беда, Греция находится рядом с проливами Босфор и Дарданеллы, их, как известно, англичане обещали после победы над Германией и Турцией отдать России. А так как вопрос о победе повис в воздухе, и во многом по вине России, то присутствие в Греции Николая II может вызвать неодобрение как Турции, так и Англии. Конечно, нехорошо, если Николая II и всю его семью расстреляют где-нибудь в дикой холодной Сибири. Однако для Греции, колыбели европейской да и всемирной цивилизации, а впоследствии колыбели восточной (в отличие от западной) христианской церкви, исторически являющейся оплотом православия, это представляется все же меньшим злом, чем неудовольствие и без того недоброжелательной Турцией и вездесущей Англией, которая уже намерена распилить на части Парфенон, чтобы

вывезти его по морю в Лондон, и готова заправлять всеми делами после войны в Европе и в Азии, да и во всем мире (по крайней мере вместе с американцами, они с ними одним мирром мазаны).

Но Керенский не сдался. С упорством и последовательностью бывшего небезуспешного адвоката он послал просьбу приютить низложенного и отрекшегося от престола Николая II его двоюродному брату, королю Норвегии Хокану VII. Хокан VII ответил, что у него, в отличие от монархов Англии, Испании и Греции, нет никаких причин отказать в убежище Николаю II, но он тем не менее отказывает, чтобы не противопоставлять себя другим членам большой и дружной семьи европейских монархов. А если бывшего русского императора расстреляют вместе с семьей, он, король Норвегии, не замедлит высказать соболезнование и возмущение диким беззаконием, которое, к огромному сожалению всех приличных и культурных людей, установилось в России.

XXXII. Как Ленин додумался расстрелять русского царя

Когда по спонтанному призыву Ленина толпа вокзальной шушеры хлынула в Зимний дворец и разграбила его, Ленин и Троцкий на следующий день опомнились и сообразили, что им-то ничего не досталось. Они тут же отправили Сталина читать газеты, чтобы не пропустить никаких важных событий, а сами под видом прогулки и необходимости размять ноги бегом побежали в Зимний в надежде чем-либо поживиться.

Оказалось, они опоздали: все, что можно унести, из дворца уже растащили. Из любопытства Ленин и Троцкий заглянули в Эрмитаж, то есть в музейную часть дворца. Их встретил старик-смотритель музея. Когда грабили Зимний, он запер дверь на замок, и в музей никто не вошел, так как довольно быстро все перепились и разбрелись кто куда, прихватив женщин из женского батальона, они охраняли лично Керенского и им это порядком надоело, сам же Керенский сбежал, переодевшись в платье дамы XVIII века, и его никто не остановил, он нацепил маскарадную маску, несколько раз солдаты-дезертиры пробовали раздеть его, но бросали это хлопотное занятие – бабенки из женского батальона форсировали в военной форме и раздевать их не составляло никакого труда, тем более, что они сами расстегивали все пуговицы и застёжки, поэтому возиться с кринолинами и корсетами XVIII века никто не захотел, и Керенский счастливо укрылся в американском посольстве, где его уже поджидали друзья-масоны, очень обеспокоенные его судьбой.

– Я вижу, у вас тут еще не грабили, – сказал Ленин смотрителю музея, который по ошибке принял его за приличного человека.

– Здесь музей, – зло, недовольным тоном ответил старик-смотритель, – попрошу вас выйти вон.

– Э-э нет, батенька, – задорно смеясь, ответил Ленин, – нам что музей, что конюшня, все едино, нашлось бы что взять. Ну, золотишко там, какое-нибудь столовое серебро, – и он прошел мимо смотрителя.

Старик-смотритель, взбешенный еще вчерашним погромом во дворце, держал в руке тяжелую, самодельную, сучковатую дубовую трость. Ему уже стукнуло семьдесят, но он был еще крепок и силен. Старик шагнул следом за Лениным и огрел его своей тростью по спине так, что тот взвыл от боли и удивления: во времена проклятого царизма никто никогда с ним так не обращался. Но разгневанный старик, не обращая внимания на крик, что есть мочи лупил его по спине, по плечам, по голове – Ленин, повернувшись к нему, попытался прикрыться руками.

– Что ты делаешь, идиот, это же Ленин, вождь мирового пролетариата! – закричал остолебеневший от неожиданности Троцкий.

Старик повернулся к нему и наотмашь ударил его по лбу так, что у Троцкого слетело пенсне. Ленин же, воспользовавшись моментом, бросился к двери. Троцкий поднял пенсне – и следом. Он бежал, семеня короткими ногами так быстро, что юркнул за дверь, опередив Ленина.

Оказавшись за дверью, Ленин и Троцкий едва перевели дух.

– Чертов старикан, – сказал Ленин, – вся спина теперь будет в синяках, уж и не знаю, что рассказывать Крупской, не поверит ведь ни единому моему слову, скажет, что это опять Коллонтай придумала какие-нибудь извращения.

– Какое варварство, – вторил ему Троцкий, – у меня шишка вскочила на лбу из-за этого дикаря. Надо при случае его как-нибудь расстрелять.

– Это потом. А сейчас в музей лучше не соваться. Приложи ко лбу медный пятак, или прижмись лбом к холодному окну, – посоветовал Ленин.

Пока Троцкий, до революции никогда не имевший в кармане не то что пятака, а и полушки, стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу, Ленин прошелся по коридорам Зимнего. Ветер шелестел бумагами, валявшимися на полу. Ленин собрал их, сел за стол, прочел и сказал Троцкому.

– Это переписка дурака Керенского с европейскими монархами – родственники все в один голос отказались принять у себя Николая II.

– Ну и что с того? Кому он в самом деле нужен? – не понял Троцкий.

– Нам, – прозорливо заметил Ленин.

– Зачем он нам, если даже родственники от него отказались? – спросил Троцкий, все еще прижимая лоб к холодному стеклу окна Зимнего дворца и возможно именно поэтому совсем туго соображая.

– А мы его расстреляем, и никто в Европе и пикнуть не посмеет. А если кто-то заикнется – ах, как так, бесчеловечно, незаконно, – сунем под нос эту вот переписку.

– Но Николай II сейчас уже в Екатеринбурге. Что ж нам, тащиться в такую даль?

– А телеграф на что? – воскликнул Ленин, – Срочно телеграфируй, пусть его там и расстреляют. Это даже еще лучше – если поднимется шум, скажем мы, мол, ни при чем, мы в Петрограде, а царя расстреляли в Екатеринбурге! А исторически заслуга в убийстве царя останется за нами. Приоритет, конечно, у англичан, они казнили Карла I. Французы – Людовика XVI. А мы – Николая II – чем плохо, а? И тогда в России уже можно будет делать все, что нам взбредет в голову. Тогда все повязаны. И мы – не заурядные грабители вроде Емельки Пугачева или Стеньки Разина, те ведь до царя так и не добрались, а выходим на, так сказать, международный, иначе говоря, интернациональный уровень.

Троцкий дал телеграмму в Екатеринбург, и бывшего императора Николая II, императрицу и всех их детей – великих князей: Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и сына – цесаревича Алексея четырнадцати лет – расстреляли в подвале дома инженера Ипатьева.

– Тут мы отличились лучше всех, – потирая руки от удовольствия, говорил Ленин, – чтобы сразу всю семью, да с малолетними детьми, такого еще не бывало, об этом напишут во всех европейских газетах.

И действительно, о расстреле царской семьи написали все европейские газеты, и монархи европейских стран содрогнулись от такой дикой жестокости и пришли в ужас от того, что отказались принять у себя русского императора и его семью в минуту смертельной опасности. Но потом европейские газеты стали писать о разных других событиях, они ведь происходят каждый день (а если бы они не происходили, то пришлось бы закрывать газеты и журналы бы остались без работы) и постепенно ужас от того, что случилось в России, в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева прошел, а многие даже и забыли, что там, собственно, произошло.

XXXIII. Английская королева и Черчилль

Мать императора Николая II и бабушка его детей, императрица Мария Федоровна²⁹, в девичестве Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь датского короля Христиана IX, в то время, когда расстреляли ее сына, внучек и внука находилась в Крыму. Ленин и Троцкий решили, что расстрелять царя и царскую семью недостаточно и стали арестовывать и расстреливать всех членов русской императорской фамилии. Семидесятидвухлетняя императрица-мать написала письмо с просьбой о помощи своей родной сестре – английской королеве Александре (матери английского короля Георга V).

Английская королева-мать, потрясенная всем тем, что произошло, очень сочувствовала своей родной сестре. Судьба преследовала Дагмару с юных лет. Ее готовили замуж за наследника российского престола великого князя Николая Александровича (сына царя Александра II), красивого, очень приятного юношу, поверхностно, но все же неплохо образованного, с добрым, милым характером. Но накануне свадьбы он умер от туберкулеза, и бедной Дагмаре пришлось выйти за будущего императора Александра III, мужлана, всю жизнь ходившего в смазанных дегтем сапогах. Она родила ему шестерых детей. Такому попробуй не роди, тем более, что такая уж обязанность императрицы – рожать наследников, и чем больше, тем лучше, надежнее. Старший Николай против воли матери женился на невыносимо упрямой немке Александре, эта истеричка вертела им как хотела и отравляла жизнь свекрови, на каждом шагу и по любому поводу, – а что еще можно ожидать от немки, которая возомнила себя Екатериной II только потому, что из нищих принцесс пролезла в русские императрицы.

Королева-мать еще раньше выговаривала своему сыну, английскому королю Георгу V, за отказ предоставить приют русскому императору Николаю II и его семье. Да, англичане патологически ненавидят русских, но сейчас война и Россия союзница Англии. А кроме того у Николая II уже и русской крови-то почти не осталось. И к тому же нельзя всегда идти на поводу парламента. Когда-то «суконщики» и торгаши отрубили голову королю Карлу I, а теперь им нет никакого дела до того, что в России расстреляны император и его семья – все ближайшие родственники английской королевы.

Королева-мать вызвала к себе в Букингемский дворец капитана крейсера «Марлборо» и приказала ему плыть к берегам Крыма и взять на борт вдовствующую императрицу-мать Марию Федоровну и доставить ее в Англию.

– Но, ваше величество, глава парламентского большинства Уинстон Черчилль уже заявил, что он категорически против того, чтобы Англия принимала у себя членов российского императорского дома, – тактично напомнил капитан.

– Послушайте, – едва сдерживая гнев, сказала английская королева-мать, – вы знаете дорогу к берегам Крыма?

– Конечно, ваше высочество. Где-где, а в Крыму, в Севастополе, нам, англичанам, приходилось бывать.

– Я, ваша королева, повелеваю вам плыть на вашем крейсере в Крым и спасти мою родную сестру Дагмару, императрицу Марию Федоровну. А не дай Бог, вы не исполните приказа-ния своей королевы, вас, согласно традициям английского флота, повесят на рее. И, кстати, если по дороге на свой крейсер вы встретите подонка и недоношенного ублюдка Черчилля, набейте ему морду, а чтобы не марать рук английского морского офицера об этого мерзавца, наденьте перчатки, полагающиеся вам по форме к мундиру.

²⁹ Мария Федоровна. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Капитан крейсера «Марлборо» бегом бросился из Букингемского дворца, даже не поклонившись королеве, как этого требовал этикет, за что королева не стала пенять скорому на руку моряку. Капитан крейсера «Марлборо» несколько дней разыскивал по всему Лондону Черчилля, а позже вместе с ним это делали все офицеры британского флота, так как каждый из них больше всего в жизни хотел набить морду политику Черчиллю, всем хорошо известному.

Дело в том, что год тому назад этот Черчилль вообразил себя адмиралом на том основании, что среди его дальних предков числился знаменитый кровожадностью пират Дрейк, и после разных махинаций в парламенте добился поста морского министра. Как морской министр он разработал план захвата английскими кораблями Константинополя, утверждая, что в случае промедления его могут захватить русские и им достанутся проливы Босфор и Дарданеллы.

Командующий английским флотом, адмиралы и капитаны пытались втолковать ново-явленному морскому министру, что все подходы к Константинополю заминированы немцами и штурмовать Константинополь через минное поле это то же самое, что стрелять вшей у себя в голове из револьвера. Но Черчилль установил в кабинете бюст Наполеона и на все разумные доводы отвечал, что вскоре он прославится на весь мир. В результате безумной константинопольской операции погибла половина британского военно-морского флота и несколько тысяч моряков. Черчилля выгнали из морского министерства. Но ему удалось избежать суда, он улизнул в парламент, где и продолжал произносить свои речи, пока парламентарии не разбежались по домам, не в силах более терпеть его заикание и шепелявость.

Английские моряки обшарили весь Лондон, заглянули во все пивнушки, но Черчилль как в воду канул.

Отец Черчилля называл его тупоголовым и не питал к нему никаких нежных чувств. А вот мать – знаменитая «леди Дженни» – как раз наоборот. Она происходила из семьи американского миллионера, в ее жилах текла смесь индейской и еврейской крови, за это родственники мужа презирали «плебейку» и поклялись, что «репейному семени» Дженни никогда не достанется их герцогских титулов. Она же, в отместку, не дала им своих денег, а на них все очень рассчитывали, и даже кое-что под них уже приобрели в кредит.

После ранней смерти своего скандального мужа, Дженни изо всех сил старалась помогать старшему сыну Уинстону. Он родился недоношенным, в детстве отличался невероятным упрямством, в школе всегда числился последним учеником в классе и так и не сумел овладеть всеми четырьмя действиями арифметики. А в подростковом возрасте Уинстон упал с ели, на которую невесть зачем забрался, ударился головой о землю и это не пошло на пользу его умственным способностям. Но как все рыжие, он преуспевал в любого рода жульничестве и прохиндействе, и это позволило ему добиться успехов в политике.

Мать ласково называла его Винни и прочила своему отпрыску великое будущее и утверждала, что он станет знаменитым, как бы это дорого не обошлось англичанам, которых Дженни в глубине души недолюбливала за вечную чопорную скукотию и за то, что они не умеют весело пожить и повеселиться, так и не научились бить чечетку, а играть на саксофоне – и подавно.

У леди Дженни везде, даже в королевском дворце, были «свои уши». Когда королева-мать разрешила капитану крейсера «Марлборо» набить Черчиллю морду, Дженни торжественно поклялась, что не допустит этого – ведь с синяком под глазом и расквашенным носом Винни будет совсем не солидно выглядеть в парламенте.

Сам Черчилль незадолго до этих событий поссорился с лидером профсоюза каменщиков и, чтобы досадить ему, научился класть кирпичную кладку, получил низший разряд каменщика и вступил в профсоюз, угрожая развалить его до основания, как это он сделал с британским морским флотом.

Воспользовавшись этим, мать Черчилля купила ему по дешевке поношенную куртку каменичника и фартук и определила на одну из строек. Но морская разведка почти сразу вычислила его. Во-первых, кирпичную кладку Черчилль клал из рук вон плохо, как и все, что он когда-либо брался делать. Во-вторых, его сытая, откормленная бульдожья физиономия смотрелась среди лиц лондонских каменичников как обильно сдобренный коровьим маслом гречневый блин между сухарями из солдатского ранца.

Но Черчилль вовремя бежал со стройки в родовое поместье герцогов Мальборо Бленхейм. Мать тут же нарядила его художником, дала в руки кисти и палитру и поставила у картины с изображением морского побережья Англии. И когда капитан крейсера «Марлборо» под благовидным предлогом заглянул в Бленхейм, он не узнал бывшего морского министра, и только позже сообразил, что его провели, как воробья на мякине.

Капитан поспешил вернуться в Бленхейм, но «художника» там уже не застал. Мать Черчилля, предчувствуя беду, взяла красную охру, раскрасила лицо своего строптивного, неудачливого, но все равно милого материнскому сердцу Винни, а белой, желтой и черной красками начертила на его лице – благо места хватало – боевые значки ирокезов, гуронов, делаваров, команчей и даже могикан, давно сжитых со света подлыми, но беспощадно жестокими белыми поселенцами. Потом она вывела Черчилля в парк и посадила в заросли можжевельника. А пока морская разведка расшифровывала, каким племенам краснокожих туземцев принадлежат значки на лице толстомордого «индейца», наступил срок отплытия крейсера «Марлборо» и возможность набить, с разрешения королевы-матери, морду бывшему морскому министру была окончательно упущена.

XXXIV. За границей

Через несколько месяцев императрица Мария Федоровна и многие другие лица из ее окружения (в том числе великая княгиня Мария Павловна, ее сыновья великие князья Борис и Андрей и прима-балерина императорской сцены Киесинская) покинули на крейсере «Марлборо» Россию, охваченную, казалось, неугасимым огнем гражданской войны.

Императрица Мария Федоровна сначала поселилась у своей сестры, английской королевы-матери Александры. Но поняв, что ее присутствие доставляет много неприятностей и неловкости английскому королю Генриху V, деликатно объяснила, что она посетила Англию ненадолго, только проведать сестру, а потом уехала в родную Данию. Там Марии Федоровне тоже пришлось не сладко. Ее племянник Христиан X оказался невероятным скупицом и скрягой, он попрекал свою престарелую тетушку каждым куском и не упускал случая язвительно напомнить ей о том, что Дания – страна маленькая и бедная, в отличие от огромной и сказочно богатой России, живя в Дании приходится экономить, а когда бывал не в духе, то прямо упрекал «нахлебницу» в беспечности, так как она, в отличие от некоторых других членов императорской фамилии, не вывезла из России никаких драгоценностей и не имела в Швейцарии банковских счетов.

Английская королева-мать, окольными путями проведая о бедственном положении сестры, заставила своего сына, короля Георга V назначить императрице Марии Федоровне пенсию – десять тысяч фунтов в год. (Черчилль, узнав об этом, промолчал в своем парламенте, словно утратив на короткое время дар речи, помня, как ему пришлось несколько дней просидеть в колючем кусте можжевельника). Десять тысяч фунтов в год – немаленькие деньги, особенно в Дании. Эта пенсия позволила императрице Марии Федоровне тихо дожить век на своих харчах, а ее бессовестный племянник Христиан X старался почаще напроситься к ней на обед под видом вежливости и заботливости, сокращая таким образом расходы на собственную кухню, и без того очень скромную.

Киесинская оказалась за границей без копейки, даже не имея приличного гардероба. Поэтому ей пришлось заложить свою роскошную виллу «Алам» на средиземноморском побережье Франции. Деньги сразу же разошлись. Во-первых, пришлось заплатить за несколько лет прислуге, которая содержала виллу в образцовом порядке, во-вторых, много денег ушло на разные непредвиденные мелочи. Оставалось только одно: снова вернуться на сцену. Начались переговоры с антрепренерами. Ее еще помнили и отнеслись к ней с большим интересом.

Но тут умерла великая княгиня Мария Павловна. Не в пример императрице Марии Федоровне она накануне всех этих ужасных событий еще летом 1917 года переправила за границу свое состояние. Ее сын, великий князь Андрей, получив причитающуюся ему половину наследства, тут же предложил Киесинской выйти за него замуж. Он всегда искренне любил ее и помнил, что ради его освобождения она, ни секунды не раздумывая, отдала целый саквояж бриллиантов и совершенно об этом не сожалела и, кстати, будучи женщиной в общем-то светской и утонченной, никогда об этом не напоминала.

Смерть матери освободила великого князя Андрея от некоторых условностей, мало того, он получил статус в императорской семье, позволявшей ему поступать по велению сердца. Не желая ставить супругу в неприятное положение морганатической связью, он обратился за разрешением на брак к великому князю Кириллу Владимировичу, который теперь стал главой Императорского Дома. Кирилл Владимирович и не подумал возражать, он сказал, что считает желание великого князя Андрея вполне естественным, раз тот любит Киесинскую. Кроме того великий князь Кирилл Владимирович даровал ей ее настоящую родовую фамилию Красинской и титул княгини.

И как только начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича, как главы Императорского Дома, оформил соответствующие официальные документы, Киесинская, то есть княгиня Красинская, перешла в православие и в Каннской русской церкви обвенчалась с великим князем Андреем Владимировичем. А после супружеская чета нанесла обязательные визиты всем членам Императорского Дома.

Еще ранее княгиня Красинская (балерина Киесинская) отказала всем антрепренерам, уже подготовившим контракты на гастроль в Париже, Лондоне, Берлине и турне по Новому свету, то есть по Америке, или как тогда говорили, по Северным Штатам.

Казалось бы, злключения остались позади. Но предшествующие события очень сильно расшатали нервы княгини Красинской (бывшей балерины Киесинской). Бегство из Петербурга с саквояжем бриллиантов, обыски, арест великого князя Андрея, отказ комиссара Лецинского выпустить его за отданные комиссару Булле (Землячку) бриллианты и неожиданное освобождение, а потом бегство за границу, утрата писем Ники, подтверждение слухов о расстреле царской семьи, и, конечно же, предложение великого князя Андрея об официальном браке и возвращение легендарной родовой фамилии – все это очень волнительно для женского сердца.

Чтобы как-то успокоиться, она посетила Монте Карло. В казино мелькание цифр рулетки рассеивало и отвлекало от пережитых тревожений, и она не заметила, как проиграла все их с великим князем Андреем состояние. И она опять осталась без гроша. И тем не менее она второй раз отказала антрепренерам – появление на сцене княгини Красинской в балетной пачке не представлялось ей возможным.

XXXV. Школа Кшесинской

Тогда и возникла идея открыть в Париже студию танцев балерины Кшесинской. Княгиня горячо взялась за дело. Она одолжила у состоятельных знакомых необходимую сумму денег и сняла помещение для студии. Неожиданно это вызвало много затруднений. Требовался уютный особнячок в центре города с залом для занятий, с удобными для жилья апартаментами, обязательно с ванными комнатами, что тогда в Париже считалось редкостью, с электричеством и телефоном, а главное с небольшим садиком, княгиня завела двух премилых фоксиков и их каждый день было необходимо выводить на прогулку. Вот тут-то княгиня и вспомнила про свой особняк в Петербурге, он бы подошел как нельзя лучше. Ну да что вспоминать, былого не воротишь.

Маленький трехэтажный домик, удовлетворявший всем условиям, с трудом, но все же нашли. Княгиня Красинская очень волновалась. Одно дело танцевать самой – она знала, что делает это лучше всех. Но совсем другое обучать этому. К счастью, оказалось, что Кшесинская (Красинская) не только лучшая в мире балерина, но и прекрасная воспитательница. Первые же выпускницы ее студии танцев имели успех на балетной сцене. Это очень сильно поддержало «Школу Кшесинской», она стала знаменита, все хотели обучаться именно в ней.

Однажды какие-то чиновники из французского правительства попросили княгиню Красинскую принять «в своей русской школе балета» делегацию балерин из советской России. Княгиня видела выступление молодых балерин Большого театра и с уважением отнеслась к безупречной технике их танца и согласилась показать гостям Парижа свою студию. Они пришли в сопровождении посла СССР во Франции Коллонтай.

Это была та самая Коллонтай, которая в 1917 году, выпив стакан водки, могла переспать с любым матросом, а то и со всей командой какого-нибудь крейсера или эсминца, включая кока и исключая тех, кто в этот момент был пьян до бессознания, и утверждала, что в скором времени это будет доступно любой женщине, если только она повяжет на голову красную косынку и выпьет перед этим стакан даже не водки, а простой воды. Но сама она пила не простую воду, а именно водку, и неумеренное потребление спиртного сильно повлияло на ее характер – она не давала проходу своим революционным сотоварищам, они давно остепенелись и предпочитали балерин как бывшего Маршинского, так и московского Большого театра. Чтобы избавиться от Коллонтай, ее отправили послом в Швецию. Но «валькирию революции» нигде не могли утерпеть больше года, и ее пришлось перевести в соседнюю Норвегию, потом в Данию, Голландию (Нидерланды), Бельгию, пока она не добралась таким способом до Франции, где продержалась довольно долго, потому что почти никто не обращал внимания на ее поведение, так как в Париже за долгие века его существования насмотрелись всяких безобразий и уже ничему не удивлялись.

В танцевальную студию Коллонтай явилась почти трезвая, что с ней случалось крайне редко, но в горностаевой накидке, которую она когда-то взяла в гардеробе Кшесинской. Увидев свою горностаевую накидку на «этой шлюхе» (так писали потом французские газетчики в своих бульварных изданиях), княгиня Красинская в один миг забыла, что она княгиня и необходимо соблюдать соответствующие случаю правила хорошего тона и придерживаться хотя бы принятого в дипломатической среде этикета. Мгновенная вспышка сознания осветила далекий 1917 год, ее чудесный особняк, кривоногих Ленина и Троцкого (Ленина – мерзко лысого, Троцкого – омерзительно крючконосого в пенсне), и она увидела себя на улице холодного, голодного Петрограда, прижимающую к груди саквояж с письмами и фотокарточкой Ники – о, тогда они еще были с ней и придавали ей неустойчивую силу!

Не помня себя от гнева, Кшесинская подбежала к ничего не подозревавшему послу СССР во Франции, и, как живописали в газетах, «начала осыпать ее ударами своих маленьких, но

железных кулачков». Коллонтай безуспешно пыталась закрыть лицо руками, и не вытерпев боли, бросилась бежать. Но Киесинская легко догнала ее и стала «молотить» по спине действительно маленькими, но действительно крепкими и твердыми, как железо, кулачками.

Хотя Киесинская была Коллонтай молча и ни слова не сказала о горностаевой накидке, однако та все поняла, согласно народной поговорке «Знает кошка чье сало съела». В годы революционной юности ей удавалось много общаться с мужчинами из простого народа: солдатами, а еще лучше матросами, и она наслушалась от них столько поговорок и поговорок и разных присловий, что ей мог бы позавидовать сам Владимир Иванович Даль, собравший этих поговорок на целую книгу, которую до сих пор читать увлекательно и полезно.

Видя, что иного выхода нет, Коллонтай сорвала с себя горностаевую накидку и с криком: – Я и сама хотела вернуть, я и взяла-то просто поносить, на время, – бросила накидку Киесинской и, воспользовавшись ее минутным замешательством, убежала в посольство СССР во Франции.

Вернув свою горностаевую накидку, княгиня Красинская пришла в себя от неожиданно нахлынувших чувств и воспоминаний, и даже хотела продолжить прием молодых «советских балерин», но те, неловко извиняясь, торопливо последовали за Коллонтай, так как не имели возможности долго находиться одни, без посла – их могли завербовать французские или, что еще хуже, английские разведывательные службы, учитывая близость служительниц Терпсихоры к государственным секретам, и вместо Большого театра их отправили бы куда-нибудь в Магадан и им бы уже не пригодилось умение ходить на пуантах и делать легкие, воздушные прыжки «антраша», которые А. С. Пушкин называл душой исполненным полетом.

На этом, собственно, и заканчивается история балерины Киесинской. Ей удалось вернуть свою прекрасную и, к слову сказать, очень дорогую меховую накидку из горностаев, но замечательный особняк в Петербурге, саквояж полный бриллиантов, письма и фотографическую карточку Ники (Николая II) она утратила безвозвратно. Правда, как женщина наделенная романтическим характером, она ни о чем не жалела, кроме писем и карточки Ники, разумеется.

Существует мнение, что романтические женщины, при известном потворстве судьбы и удачном стечении обстоятельств, способны преодолевать многие препятствия, невзгоды, трудности и даже разочарования. История балерины Киесинской, княгини Красинской, подтверждает справедливость такого мнения, которое не есть безусловная истина, а только предположение, возможно, действительно верное.

XXXVI. Бриллианты и золото

Признаюсь, в истории балерины Киесинской меня больше интересовали бриллианты, чем сама балерина, ее романтические чувства, а уж тем более фантастически безупречная техника, ее шанжман де пье, бризе, амбуате и кабриолей, как и ее стройные ножки.

Обманчивая ножка Терпсихоры не тревожила мое воображение. Я родился на хуторе, отроческие годы провел в захолустном местечке – летописном городке, потом райцентрике, разжалованном до статуса центра сельсовета, и на балет впервые попал на исходе дней юности. Это был спектакль труппы Большого театра, но на сцене Кремлевского Дворца съездов, куда билеты достать чуть легче, чем в сам «Большой», но тоже непросто. Танцевала балерина Бессмертнова, танцевала прекрасно, почему-то мне даже кажется, что никак не хуже Киесинской. Но балетоманом я не стал. Да и на балет попал не по душевному влечению, а скорее случайно, и никогда не задавался вопросом: можно ли сыскать в России три пары стройных женских ног.

Бриллианты привлекали меня больше, хотя и их я не видел ни в детстве, ни в отрочестве, ни в юности и не интересовался ими как таковыми. Бриллианты и золото (золото даже в большей мере) казались мне предметами, или точнее явлением почти мистическим. Они – ограненные алмазы, похожие на прозрачные стеклянные камешки и маленькие, царской чеканки «пятерки» и «десятки» (чуть побольше) с изображением на одной стороне двуглавого орла под императорской короной, на другой – царя Николая II (Ники, потерю писем и фотографической карточки которого балерина Киесинская переживала всю оставшуюся жизнь), как впрочем и любое золото в монетах или небольших слитках нетленны, не превращаются в прах и не исчезают, как исчезает песок, смолотый временем в пыль, рассеянный в воздухе и уносимый в межзвездное пространство или смываемый водой неведомо куда.

Они – бриллианты и золото – переходили из рук в руки, отлеживались под половицей у печи, вращались в древесину молодой, но одичавшей груши на огороде хутора старика Ханевского, их везли в Америку, в Европу, из города в город по России, и они оставляли за собой иногда прямой, а чаще извилистый и ветвящийся след и я мысленно следил за ними, так же как мысленно следил за каплей росы, соскользнувшей утром с зеленого, серебристого узкого ивового листа в густую траву у тихого родника-кринички, вместо того чтобы невидимым паром сразу подняться к облакам, но чтобы все же попасть к облакам, этой капле зачем-то придется пройти длинный, путанный-перепутанный путь и под землей и на земле.

След бриллиантов балерины Киесинской вырисовывался затейливым узором, след самых крупных из них исчезал из поля зрения, и уже никто никогда не узнает, куда девались, например, колье, которое ей дарил, швыряя их на сцену в порыве душевного восторга Путилов, некогда известный русский промышленник и заводчик, его собственный след тоже где-то затерялся после событий, случившихся в России в 1917 году, а потом растянувшихся почти на сто лет.

Что же касается мелких алмазов, то следы их обнаружили легким пунктиром в рассказах Виктора Ханевского, когда судьба, наконец-то, свела меня с ним.

Большую часть истории бриллиантов балерины Киесинской мне рассказал именно Виктор Ханевский, а ему поведал его приятель Соломон, на которого он, уехав из Москвы в голодный одна тысяча девятьсот девятнадцатый год, оставил свою квартиру, купленную на древнезаветное золото Ханевских, добытое полковником Ханевским веке в семнадцатом или чуть раньше на одной из турецких войн – так по крайней мере повествуют семейные предания Ханевских и Волк-Карачевских.

XXXVII. Соломон и Виктор Ханевский

Когда Виктор Ханевский уже после второй войны с немцами вернулся в Москву, Соломон узнал его, потому что это произошло в полнолуние.

В дни полнолуния и когда луна в разных четвертях, Соломон чувствовал себя прекрасно. Когда же луна тонким обрезком ногтя едва светила на небе, а еще хуже, когда она исчезала невесть куда и совсем не появлялась, а именно в день новолуния, Соломон впадал во временное (на время полного отсутствия луны) помешательство. Он запирает дверь квартиры на семь замков, задвигал три засова, ничего не ел, только как бы тайком от себя мог выпить рюмку-другую водки без закуски, если находил ее в старом, резном, красного дерева буфете, садился в угол, посыпал по древней традиции голову пеплом, клал одну руку на Библию, другую – на книгу Маркса с названием «Капитал» и, мешая древние и новые языки, проклинал всех евреев, начиная от ветхозаветного их прародителя, Сима (брата Хама и Иафета).

Соломон проклинал Лота за то, что тот недосмотрел за своей женой и та превратилась в соляной столп, а потом еще в пьяном виде обесчестил своих дочерей, клял и Авраама за то, что он выгнал забеременевшую от него служанку Агарь и сын ее Измаил никогда не простил евреям обиду матери, проклинал Иакова за обман отца своего Исаака и похищение первородства у родного старшего брата, а так же за то, что потом вместе со своей женой Рахилью они украли идолов у ее отца Лавана, проклинал братьев Иосифа, продавших прекрасного юношу в рабство, в далекий Египет, и Моисея за то, что сорок лет неведомо зачем водил соплеменников по безлюдной пустыне, клял многих пророков, чьи имена было не разобрать, а если разберешь, то тут же забудешь, потому что их не изобразили на своих картинах любвеобильный, женственный Рафаэль и многознающий незаконнорожденный Леонардо из небольшого городка Винчи.

Особенно проклинал он нечестивого царя Ахава и жену его Иезавель, отнявших у бедняка Навуфея единственный виноградник его, и самые страшные проклятия посыпал богу древних евреев – Иегове Савоафу³⁰ за то, что тот подписал с евреями договор и пообещал, что их будет на земле как звезд в ясную ночь на небе, а обещания своего не исполнил, и как звезд на небе теперь китайцев, а не евреев.

Не проклинал он только мудрого царя Соломона, потому что глубоко почитал за то, что он его тезка, и за то, что тот был любвеобилен и щедр с женщинами и они сгорали от любви к нему, несдержанно расточая ласки и нежность.

Все эти проклятья звучали как-то глухо, словно беззлобно, без огня и страсти.

Но доходя до нового времени, Соломон начинал излучать гнев, словно библейский пророк-обличитель Иезекииль или даже пророк Илия. Гнев исходил с такой силой, что от Соломона сыпались голубые искры и коротенькие мимолетные молнии, отчего вечером в окнах квартиры было видно бледное синеватое мерцание.

С гневом и страстью, взрываясь, как граната, веером разбрасывающая вокруг себя смертельно-губительные, рваные, железные осколки, Соломон проклинал Христа, Маркса и Ленина и поминал им каждую каплю крови, пролившуюся по их прямой или косвенной вине, а крови этой было пролито, как это еще раньше подметил старик Карамазов из романа писателя Достоевского, целые потоки, сопоставимые с реками Тигр и Евфрат в период дождей и таяния снегов в горах, где они берут свое начало.

Что от этих проклятий происходило с Иисусом Христом, вознесшимся на небо, чтобы не видеть всего, что натворил он сам, а если спрашивать строго, то его последователи, и

³⁰ Иегова Савоаф. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

ворочался ли в гробу Маркс, зарытый в землю в своих стоптанных башмаках на кладбище в окутанном ядовито-удушающем смогом Лондоне – неизвестно, потому что не видно. А Ленин, в мавзолее, под стеклянным колпаком, покрывался тяжелой кровавой испариной.

И obsлуга мавзолея в дни новолуния по очереди сидели у гроба и ватным тампоном целые сутки, – а время тянулось медленно, текло, словно плохо растопленная смола, – убирали кровавую испарину, не отходя ни на шаг. А если усталый от бессонной ночи человек, дежуривший в мавзолее, начинал дремать, или, не дай Бог, засыпал, испарина собиралась, капля к капле, и по подушкам ручейком стекала на белый мраморный пол. И тогда отмывать пол было совершенно невозможно. Его терли проволочными мочалками с мылом и зубным порошком, драили известью и битым кирпичом, но кровь проступала сквозь мрамор, и избавиться от нее удавалось только заменив всю мраморную плитку. Мавзолеем приходилось закрывать на полдня, и людям, стоявшим в очереди, чтобы увидеть Ленина, когда-то пообещавшего им безбедную и хорошую жизнь, приходилось терпеливо ожидать.

Кто придумал, будто Ленин пообещал хорошую жизнь, не установлено до сих пор – Ленину никогда и в голову не приходило давать такие обещания, даже своим подельникам-сотоварищам, слетевшимся в Россию, как воронье на поживу, со всего света, а не то что многочисленному тогда еще народу, кое-как обитавшему на просторах бывшей Российской империи от Балтийского и Черного морей до Тихого океана.

Виктор Ханевский вернулся в Москву, когда луна уже вошла в первую четверть, Соломон обрадовался его приезду, и они зажили вместе, а о странном сумасшествии Соломона Ханевский узнал позже, в первое же новолуние. Но если бы он знал об этом заранее, Ханевскому все равно было некуда деваться и ему пришлось бы жить в своей квартире вместе с Соломоном, потому что и Соломону не было куда съехать с этой квартиры, или, как тогда говорили в Москве, «жилплощади».

Большую часть времени каждого месяца Соломон не ощущал никаких симптомов безумия. Он ходил по каким-то редакциям и институтам и везде добывал для Ханевского перевода с древнегреческого и латинского языков.

Сам Соломон был сыном торговца керосином из Бердичева, мать его была дочерью лучшего в городке сапожника. Его записали по подложному паспорту сыном дальнего родственника, купца первой гильдии, чтобы преодолеть черту оседлости. Он учился в Московском университете на филологическом факультете вместе с Виктором Ханевским. Греческий и латинский языки ему не давались, греческий вызывал у него какую-то смутную неприязнь, но он мог терпеть этот язык, а вот латинского не переносил совсем. Четкость и ритм латинского вызывали у него непреодолимый ужас. Он не раз говорил, что если при нем прочтут вслух, громко и с выражением, хотя бы одну страницу «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря, то он не выдержит такого истязания и наложит на себя руки.

У Соломона имелось много знакомых и друзей, он когда-то вращался около Максима Горького, пока того не отравил Сталин, и они часто вместе чуть ли не в обнимку ходили по ночной Москве, а выбираясь в Петроград, по Петрограду, и вслух, наперебой мечтали издать печатным способом все, что кому-нибудь когда-нибудь взбрело в голову написать от руки.

Оказалось, что книг на иностранных языках написано куда больше, чем по-русски, и Соломон занялся организацией переводов, именно поэтому у него и завелось так много знакомств. За эти переводы давали продуктовый паек и многие из тех, кто знал иностранные языки, спаслись от голодной смерти, «перепевая на язык родных осин» Шекспира и Сервантеса, Мольера и Гете с Шиллером. Но когда Сталин все-таки приказал расстрелять Горького в страшных подвалах Лубянки и того похоронили, как великого пролетарского писателя, количество переводов, необходимых для изданий, постепенно сошло на нет. Ханевский же мог переводить только с древнегреческого и латинского, а переводов с этих языков заказывали

мало, платили за них такие гроши, и Ханевскому, и Соломону едва хватало этих заработков, чтобы дотянуть до полнолуния.

XXXVIII. Полнолуние

Когда же наступало полнолуние, Соломон менялся до неузнаваемости. Он становился весел и приветлив и, казалось, готов был одолжить денег любому встречному-поперечному, если бы тот у него попросил, а не окажись денег, отдал бы ему последнюю рубашку. Но деньги у Соломона появлялись и очень много, почти бессчетно. Он доставал из своего матраса маленькие, прозрачные как стеклышки, камешки, уходил из дома, встречался с какими-то подозрительными людьми у антикварных и букинистических магазинов, и уже ближе к вечеру его карман оттопыривала толстенная пачка денег – светло-бежевых сотенных, шутники называли их «лаптями» за довольно большой размер, на них красовалась надпись «Билет Государственного банка СССР» с гербом-символом мировой революции – серпом и молотком поверх Земного шара на фоне Тихого океана и овальным портретом облысевшего (от мыслей как бы разграбить весь мир) Ленина без всякого прищипа, серьезного, в черном галстуке в белый, мелкий, редкий горошек, а снизу лаконичная надпись в рамочке-картуше «Подделка билетов Государственного банка СССР преследуется по закону».

Соломон не занимался подделкой советских денежных купюр высшего достоинства. Он менял их на «камушки» балерины Киесинской, к тому времени уже называвшихся «брюликами». Когда-то он помогал сбывать Землячку все, что тот так ловко увел у Киесинской в Кисловодске. За помощь Соломону причиталась приличная доля, и он брал эту свою долю мелкими алмазами, справедливо полагая, что иметь мелкие «брюлики» намного безопаснее и практичнее, чем крупные.

Выменяв на один «брюлик» пачку сотенных «лаптей», Соломон заставлял Ханевского откладывать переводы, уверял, что он договорится о сдвиге сроков сдачи рукописи и вел его по московским ресторанам. Этих денег им могло бы хватить для жизни на полгода, а то и больше. Но Соломон по секрету объяснял, что деньги необходимо истратить до исчезновения с небосклона Луны, лучше всего в ее первую «стареющую» фазу. А если это не сделать, то «камушки», «брюлики», бриллианты, спрятанные у него в матрасе, превратятся в обыкновенные стекляшки, даже не в поддельные бриллианты – стразы, а именно в стекляшки, маленькие разноцветные осколки битого стекла из детского калейдоскопа, их можно увидеть, если не утравив, не совладав с любопытством, этот калейдоскоп разломать и обнаружить, что ничего, кроме этих стекляшек, в нем нет. А если его не разламывать, то эту волишебную трубочку можно сколь угодно долго поворачивать и, заглянув в нее одним глазом (и зажмурив другой), любоваться дивными разноцветными узорами.

Они шли в ЦДЛ, так назывался ресторан в Центральном доме литератора, чтобы просто потолкаться среди знакомых Соломона, угостить хорошим коньяком нужных людей, что всегда полезно для будущих заказов переводов – кухня ЦДЛ оставляла желать лучшего: избитая жареная корейка, неплохие холодные закуски, лучшие всего сырокопченые колбасы, их в ЦДЛ, по слухам, доставляли из того же распределителя, что и в ЦК КПСС, эти сырокопченые колбасы Соломон заворачивал в салфетку и уносил домой, на тот случай, если к нему наведается человек, которого Ханевский про себя называл Пехотным Капитаном.

Этот Пехотный Капитан являлся всегда неожиданно, обычно поздно вечером, иногда среди ночи. Это был высокий, худощавый, с виду очень красивый крепкий мужчина лет пятидесяти в длинном черном пальто, с очень несоветским лицом. Соломон возбужденно радовался его приходу, размахивал руками, вел Пехотного Капитана на кухню и не предлагал ему снять пальто, он знал, что Пехотный Капитан злится и раздражается, если просить его раздеться. На кухне Соломон усаживал Пехотного Капитана к столу, наливал водки (а если был коньяк, то коньяка) и доставал специально припасенную нарезку сырокопченых колбас из ресторанов.

Пехотный Капитан выпивал несколько рюмок водки (или коньяка), закусьивал совсем мало и начинал ругать евреев. Он обвинял их в убийстве русского царя и в том, что они устроили в России революцию. Соломон поддакивал гостю, а когда тот говорил, что все беды происходят от того, что русские разрешили евреям жить в России и что все они должны убраться из России, Соломон поддакивал, но всегда уточнял, что он-то, Соломон, конечно же, останется и никуда не уедет.

– Ну, – говорил Пехотный Капитан, – своих тоже нехорошо оставлять.

– Так это это они меня оставляют, – а не я их, – возражал Соломон, – я-то не виноват.

Пехотный Капитан долго думал и соглашался.

– Черт с тобой, оставайся.

Пехотный Капитан и Соломон вместе воевали в Гражданскую войну. И то ли Пехотный Капитан вынес раненого Соломона с поля боя, то ли Соломон тащил Пехотного Капитана несколько верст по снегу до лазарета.

Уходя, уже на пороге, Пехотный Капитан объяснял, зачем он приходил, и просил Соломона куда-то сходить, что-то кому-то передать, иногда отдавал какую-то записку. Соломон уверял, что все сделает, и предлагал Пехотному Капитану денег, тот отказывался, и в самый последний момент Соломон всегда просил Пехотного Капитана снять погоны, Соломону казалось, что погоны угадываются даже под пальто.

– А вот погоны я не сниму, – зло и с укором уже на пороге говорил Пехотный Капитан и хлопал дверью.

Когда приходил Пехотный Капитан, Соломон не знакомил с ним Ханевского. И Ханевскому даже казалось, что этот Пехотный Капитан какой-то фантом, мираж, какой-то материализовавшийся бред Соломона. И только видя на кухне две рюмки и остатки сырокопченой колбасы, убеждался, что нет, Пехотный Капитан – реальный человек, в длинном, черном, осеннем пальто, под которым явно угадывались погоны.

До окончания полнолуния нужно было успеть, хотя бы на один вечер, в «Славянский базар», где в память о Станиславском и Немировиче-Данченко плясали веселье цыгане и после полуночи, только для «своих» завсегдаеав старорежимные женицины с оголенными плечами пели, почти как Изабелла Юрьева, запрещенные русские романсы.

*Ночь светла. Над рекой тихо светит луна
И блестит серебром голубая волна.
Темный лес весь в тени изумрудных ветвей,
Звонких песен своих не поет соловей.*

И даже:

*Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!*

А потом выходил во фраке, ни дать ни взять Юрий Морфесси, и рискуя получить тюремный срок, по имевшейся для этого в Уголовном кодексе специальной статье, пел:

*Скажите, почему
Нас с Вами разлучили?
Зачем навек ушли Вы от меня?
Ведь знаю я, что Вы меня любили,*

Но Вы ушли, скажите почему?

И за дополнительную плату, на которую никто не скупился:

*Придешь домой, а дома спросят:
«Где ты гуляла, где была?»
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла».*

Для разнообразия Соломон старался заглянуть и в «Арагви». Поговаривали, что в этот ресторан часто забежал сам Берия³¹, до того как Хрущев понизил его в звании и назначил директором Бадаевского пивзавода, а потом расстрелял, и никто уже не интересовался, куда исчез директор Бадаевского пивзавода и почему он не заглядывает в «Арагви», чтобы на ходу перекусить жареным сыром «сулугуни». Но Берия, если и бывал в «Арагви», то в отдельном кабинете, в таких кабинетах принимали и других приезжавших из Грузии воров в законе.

Встретиться в «Арагви» с Берией ни Соломон, ни Ханевский не пожелали бы – оба они непонятно на каких правах жили в городе Москве, оба без паспортов, без обязательной прописки и трудовых книжек. «Арагви» Соломон посещал из-за звучащих с грузинским акцентом слов «сациви», «чихиртма», «бозартма», «мацони», «мцвади», «чахохбили», «гурули» и «барани», «гадазелили», «эларджи» и «хачапури» и еще «чурхела». Слово «шашлык» уже такого акцента не имело, шашлык – это, собственно, и есть вышеупомянутый мцвади.

Слова эти придавали вечеру в «Арагви» какой-то особый колорит, как-то разнообразили жизнь, особенно поздней промозглой осенью.

³¹ Берия. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

XXXIX. О советских писателях

Но более всего Соломона увлекали «Националь» и «Прага». В «Национале» все было очень дорого, но вкусно. Особой принадлежностью «Националя» считались представители одесского или, как они сами говорили, – южного крыла «советской литературы» – Валентин Катаев³² с приписанными ему самим Буниным «волчьими ушами», Юрий Карлович Олеша³³, маленького роста, вызывающе квадратно-прямоугольный, в «пиджаке» из грубой ткани, и Михаил Светлов³⁴, настоящая фамилия которого утеряна давно, бесповоротно и навсегда. Рядом с ними обычно сидели молодые евреи, стройные, смуглые, ироничные, они смотрели на легендарных стариков как будто со скрытым вызовом, а те в ответ смотрели покладисто и даже с печалью старинной еврейской мудрости людей, уже поживших и кое-что повидавших.

Все усиленно старались шутить и острить. Остроты произносились погромче, чтобы слышали за соседними столиками. Олеша прославился ответом адмиралу, которого он, выходя из ресторана, и будучи в сильном подпитии, принял за швейцара и попросил вызвать такси. Тот возмущенно ответил: «Я адмирал!». «Ну, тогда подайте катер», – тут же нашелся Олеша. Правда, говорили, что этот случай произошел не с Олешей, а с кем-то другим, лет на пятьдесят раньше описываемых событий, якобы, это кто-то из знаменитых кутил начала века вместо извозчика потребовал катер у какого-то капитана.

Светлов, в очередной раз не получив какой-нибудь награды, задавал всем вопрос: «Какая обратная сторона медали?» и сам же отвечал: «Не дали». Он язвительно, почти цинично спрашивал Олешу: «Скажи, Юрий Карлович, у тебя три толстяка: это Маркс, Энгельс и Ленин или все-таки Маркс, Ленин и Сталин?» Олеша – ничуть не раздражаясь – отвечал: «Три толстяка это Буржуазия, Капитализм и Империализм». И тоже спрашивал: «А у вас „я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать“ – разве про войну в Испании 1936 года, как вы всем теперь рассказываете? Ведь, помнится, опубликовано было за много лет до того?» «Ну да, это о мировой революции. А ты разве что-то имеешь против мировой революции? Ведь если бы Буденный³⁵ с Примаковым напоили своих коней из Атлантического океана на берегах Испании, сидели бы мы с вами сейчас в Париже, в кафе на Монмартре, чем бы плохо?»

На это Катаев улыбался и говорил: «Если бы вас услышал Бунин, он заметил бы, что напоить коней из Атлантического океана у Буденного и Примакова не получилось бы». «Белогвардеец Бунин не допустил бы этого?» – игриво спрашивал Светлов. «Нет, вода в Атлантическом океане соленая, кони не стали бы ее пить. Бунин точен в деталях. Он, кстати, никогда не служил в Белой гвардии», – отвечал Катаев, вспоминая свои поездки в Париж.

Катаев устроился значительно лучше своих приятелей. Его «произведения» были включены в школьную программу, правда для курса литературы в средних классах. Но они все равно входили в школьные хрестоматии и переиздавались каждый год. Катаев всегда был при хороших деньгах. И Олеша, и Светлов могли бы, случаем, перехватить у него взаймы. Олеша и Светлов часто сидели без денег, и Катаев выжидательно поглядывал на них, но Олеша и Свет-

³² Катаев. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

³³ Олеша. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

³⁴ Светлов. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

³⁵ Буденный. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

лов ни разу не обратились к нему с просьбой из гордости, скрываемой за разными шуточками, вроде той, что берешь займы чужие и ненадолго, а отдаешь свои и навсегда.

Катаев понимал это, и сам не предлагал. Ему завидовали, но больше не из-за денег, а за то, что ему удавалось ездить в Париж, и не один раз. Он выбивал эти поездки через Союз писателей, мотивируя необходимость посещения столицы Франции, работой над повестью о парижском периоде жизни Ленина – тот действительно как-то на несколько дней заезжал в Париж, этого вполне могло хватить для повести.

Но чтобы написать ее, нужно сначала походить по улочкам Парижа, побродить по набережной Сены, подышать тем воздухом, которым дышал сам Ленин. Иначе невозможно воссоздать ту атмосферу, в которой Ленин вынашивал свои гениальные замыслы, воплотившиеся позже в России – ведь Париж – город многих революций и уж, конечно, в Париже, где даже проститутки кажутся приезжающему из России светскими красотками, а не в благополучно-обывательской Швейцарии, с ее дырявыми и заплесневелыми сырами, привиделся Ленину мировой пожар, он разжег его пока только в России, но все еще впереди.

В Париже жил Бунин – Катаев давно «записал» его в свои учителя, еще с тех пор как в Одессе, в 1918 году носил ему первые, не совсем удачные стихи. Катаеву очень хотелось встретиться с Буниным в Париже, тот все-таки читал «советскую литературу» и даже хвалил поэму Твардовского «Василий Теркин». Катаев, собираясь во Францию, всегда вез свои книги, чтобы передать их Бунину, не все, но те, которые не стыдно показать.

Накануне отъезда он посылал Бунину телеграммы, предупреждал о своем скором появлении. Получив очередную такую телеграмму, Бунин, не медля ни минуты, уезжал из Парижа в провинцию и прятался там, пока не узнавал об отъезде своего «ученика». Катаеву приходилось встречаться с женой Бунина, и она огорченно сетовала, что Иван Алексеевич или, как она его называла на польско-славянский манер – Ян, как раз в отъезде.

Настиг Бунина Катаев уже после смерти изгнанника, он посетил его могилу на знаменитом русском кладбище – все это Катаев потом описал в своих повестях «Трава забвения» и «Алмазный мой венец», их запоем читали «гурманы» «советской литературы». Если бы нечто на эту тему написал любой другой «советский писатель», то эти повести приняли бы за обычные мемуары. Но Катаев подал их под соусом создания нового литературного течения – «мовизма», или в переводе на русский язык «плохизма», которое должно развиваться в порядке очереди за сентиментализмом, романтизмом, сюрреализмом и даже «социалистическим реализмом», узаконенным самим Лениным, который тоже много писал и причислял себя к писателям, скромно именуясь литератором.

До «плохизма» раньше никто додуматься не успел. Художники нечто подобное пробовали, но у них это называлось «фовизм» – красками, кистями на холсте. А «мовизм-плохизм» – это совсем другое дело, все, что в голову пришло, то и ставь в строку. Читатель читает, что за чушь, думает. Но, однако же, вот напечатано, и даже не в газете, а в книжке, и в библиотеке она на полке стоит. А сосед с умным видом поясняет – это, мол, «мовизм». Ну, конечно, «мовизм», тут же соглашается малоосведомленный читатель, чтобы не опростоволоситься, это я, мол, сразу запомнил, да, теперь вижу, действительно «мовизм», как я сразу не сообразил.

Совсем недавно за такой «мовизм-плохизм» Катаева сослали бы лет на десять в лагерь, или, для соблюдения стиля, просто расстреляли. Тем более, что еще Горький по просьбе Сталина предупредил, что советские писатели «не имеют права писать плохо». Но Катаев точно выбрал момент. Практика расстрела писателей и ссылка их в места не столь отдаленные стала уже малоэффективной и требовалось что-нибудь новенькое. И фортель с мовизмом сошел Катаеву с рук. Его и не расстреляли и даже не «припаяли» ему срок. Нужно заметить, что и Сталин уже давно переселился из кремлевского кабинета в мавзолей, а потом в могилу.

И многие, кто раньше, как и Бунин в своем Париже, Катаева и за писателя не считали и неприятно морщились, услышав его имя, теперь читали его опусы даже с удивлением.

Кроме того Катаев не поленился придумать девяти главным «героям» своего повествования прозвища, по которым не сразу, но все же можно угадать их настоящие фамилии, всем хорошо знакомые. Уроженца рязанской деревни, поэта Есенина, он «зашифровал» под именем Королевич, а своего приятеля Олешу – за рост и вид – назвал Ключиком. А Булгакова³⁶ – Синеглазым, у него действительно были синие, как огоньки угольков под котлами в аду, глаза. И все читатели разгадывали эти прозвища, строили разные предположения, а те, кто по мало кому известным приметам узнавал персонажей повествования, раскрывали эту тайну остальным.

После журнальной публикации должна была выйти и книга «Алмазный мой венец», но Катаев не торопился с ее изданием, и «Алмазный мой венец» вошел в число, если не запрещенных, то вроде как полужаппроценных книг, которые всегда ценились поклонниками литературы. Многие за глаза, а кое-кто и в глаза называли Катаева «советским лизоблюдом». И вот этот «лизоблюд» вдруг перецеголял всех, и не живописуя ужасов воркутинских концлагерей и не переправляя зашитые в подкладку старого пальто обличительные рукописи за границу, без всякого «самиздата», с его полуслепыми третьими копиями на ломаной печатной машинке.

А за счет чего, скажите, пожалуйста? Всего лишь потому, что в годы юны пил водку со скорым на скандал Есениным и чай с язвительным Булгаковым, до сих пор так и не изданными? Да еще помогал Маяковскому носить продукты и вино, когда у того появлялись не учтенные вампирообразной Лилей Брик деньги и он устраивал попойку.

Конечно же, многие, да что там многие, почти все позавидовали. И Светлов в первую очередь. И эпиграмма:

*Он из восьми венков терновых
Алмазный сплел себе венец,
И нам явился гений новый
Завистник старый и подлец.*

– его рук дело. Эпиграмма, конечно, хлесткая. Даже, как будто, убийственная. Но и она – в строку, эпиграмму не на всякого подлеца напишешь, не каждый умеет так отличаться, чтобы получилась такая эпиграмма, чтобы так зазвучала. Ведь все-таки «сплел» венец, этого никто не может отрицать. На замызганном пиджачишке пятно не поставишь. Приличный нужен пиджачок, чтобы пятно на нем было заметно.

Ведь если уж на то пошло, так все по большому счету «лизоблюды». И живут за штаны и миску супа. Только у одного и суп пожире, и штаны «поплоче». А другому – и суп погуце, и штаны попрличнее. И в Париж пускают. А не хочешь в «лизоблюды», не согласен жить за штаны и миску супа – ну и расстреляют тебя или сгноят в Сибири или вышвырнут за границу – и будешь там прозябать в нищете, как тот же Бунин в Париже. И пусть себе «лизоблюд», не отрицаю, глупо спорить, что есть на самом деле, того не скроешь. И миска супа, и штаны – все как положено. А венец себе все-таки сплел алмазный, и жизнелюбия южного, одесского, искрящегося, веселого не утратил.

А может, и не Светлов сочинил эту эпиграмку. Но кто бы ее ни состряпал, она теперь только приложение к «Алмазному венцу».

Виктор Ханевский почти не читал «советской литературы» и знал ее в пересказах Соломона. Соломон совсем не читал «советской литературы», но содержание (содержание, он как

³⁶ Булгаков. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

бы шутя, чтобы как будто угодить вкусу и мнению Ханевского, называл «содержимым») всех более или менее известных произведений и биографии авторов знал до мельчайших подробностей, со многими из них он был накоротке.

И несмотря на свои проклятия евреев, которые он повторял каждое новолуние, Соломон с особой теплотой относился к «советским писателям» евреям, общение с ними доставляло ему огромное удовлетворение. Он не однажды говорил Ханевскому о ком-либо из таких «писателей»: «Вот видишь, конечно же, не писатель, как раньше, но пишет книги и его печатают – времена теперь такие. А ведь книгу, даже такую, не каждый напишет».

Ханевский не спорил, молчал в ответ, и это было почти «согласительное», а не противоречащее молчание. Да, теперь такие времена. А о старых временах можно только посожалеть, – но почему-то чувства сожаления по старым временам не возникали. Даже когда Соломон вместо «Националя» водил его в «Прагу».

XL. Ресторан «Прага»

Ресторан «Прага» по рангу считался никак не ниже, а даже выше «Националя». В «Праге» была, кроме обычной, еще и подпольная кухня. И тайный зал, который обслуживали официанты самого высокого класса, в основном старики. Этот тайный зал не прятали за семью замками или раздвигающимися, после нажатия замаскированной кнопки стальными дверями, или каминами, отодвигающимися, если повернуть на поворотном по часовой стрелке крыло бронзовой фигурки бога любви Амура, как в доме балерины Киесинской.

Этот «тайный» зал находился рядом с обычным «большим» залом, назывался «малым залом» и отделялся от большого аркой с бархатными портьерами, собранными в нижней части так, что любой посетитель большого зала мог издали видеть, что происходит в малом. А там, на первый взгляд, ничего особенного не происходило. Стояли обычные столики, накрытые простыми белыми скатертями. И даже посетители в первой половине дня сидели самые заурядные.

Но как только часы били полночь, там собиралась особая публика, этих людей знали в лицо и в их среду не допускались люди, не принадлежащие к этому кругу, причем между собой почти никто из них знаком не был.

Иногда приходил немолодой уже мужчина, по его походке, манерам и жестам сразу было видно, что он выходец из высшей аристократии. Да и называли его князем, и обслуживали с особым почтением. Он никогда не расплачивался. Князь «служил» скрипачом в оркестре Большого театра, получал совсем небольшую зарплату и не имел денег на ужин в ресторане «Прага», всегда очень дорогим. Но в давние времена, ежедневно посещая этот ресторан, князь оставлял такие большие чаевые, и делал это так уважительно, естественно и элегантно, что когда он остался без средств, официанты убедили князя, что они будут обслуживать его по старой памяти, как бы в долг, а князь рассчитывается, когда рано или поздно прекратится этот дикий шабаш, начавшийся после первой войны с немцами, когда из Петрограда в Москву приехала разнузданная шайка грабителей и погромщиков, на которую до сих пор так и не нашлось управы.

А то, что это в конце концов произойдет, понимали все, ведь не может же такое длиться бесконечно.

Князь появлялся редко, еще реже с ним приходила его жена, женщина необычайной красоты. Она пела в Большом театре, исполняла очень трудные партии в операх, ей невозможно было найти замену, она обладала особым, очень редким голосом. Князь долго ухаживал за ней, он не падал на колени, не рвал на себе волосы, не вращал, как безумный, глазами, а просто дарил ей темно-бордовые розы и был настойчив, и можно было легко догадаться о его намерениях, и она после долгих колебаний оставила своего первого мужа, известного певца, и вышла замуж за князя.

Вся Москва обсуждала эту историю. Говорили, что князь и его жена очень счастливы в браке и поэтому их должны расстрелять, ведь нельзя же допустить, чтобы кто-то (да еще аристократического происхождения, как князь) был бы счастлив в стране, обозначившейся теперь буквами СССР – когда-то бывшей России, в Москве, да еще иногда бесплатно ужинал в ресторане «Прага», известном не только дороговизной, но и очень хорошей кухней. По этому поводу даже сам Берия обращался с вопросом к Сталину:

– А не расстрелять ли нам этого бывшего князя вместе с его женой певицей? – спросил он Сталина.

– Почему расстрелять? За что расстрелять? – удивился Сталин.

– Она оставила мужа и ушла к какому-то старорежимному князю. Это аморально.

– Уж чья бы корова мычала, а твоя бы молчала, Лаврентий, когда речь заходит об аморальности, – ответил Сталин.

Но Берия еще не понял и продолжал:

– Но о них знает вся Москва, они бесплатно ужинают в ресторане «Прага». Они вообще живут так, словно не нужно никого бояться.

– Неужели ты хотел бы, чтобы тебя боялись, Лаврентий? – спросил Сталин как будто задумчиво.

Но тут уже Берия уловил в голосе Сталина нотки скрытой угрозы. Он замялся и вместо ответа стал мямлить что-то невразумительное.

– М-м, дело в том, м-м...

Сталин понял, что ответа на свой вопрос не дожидается, и сказал, чтобы закончить этот, с его точки зрения, дурацкий разговор.

– Тебя, Лаврентий, уважающий себя человек никогда не станет бояться.

– Почему? – искренне расстроился Берия.

– Потому что ты – говно, – веско и убедительно сказал Сталин.

– Но вся страна боится, – не удержался удивленный словами Сталина Берия.

– Это потому что в стране осталось мало людей, которые уважают себя. Хватит болтать. Иди работай.

Берия хорошо знал Сталина. Когда тот кому-либо говорил «Иди работай», – это означало, что Сталин раздражен и нужно поскорее уходить, иначе он может приказать расстрелять тебя самого – такое уже не раз случалось. Пятясь, Берия послушно вышел из кабинета. И благодаря тому, что Берия попал Сталину «не под настроение», князя и его жену не расстреляли, и они иногда, правда редко, ужинали в ресторане «Прага».

Когда князь приходил вместе с женой, официанты сразу же приносили и ставили на стол роскошный букет темно-бордовых роз. Эти розы в хрустальной, резной, и поэтому казавшейся составленной из сверкающих бриллиантов вазе привлекали общее внимание в малом зале, лишенном каких-либо украшений. После ужина официанты заворачивали розы в прозрачную бумагу – тонкий пергамент, и жена князя забирала их с собой, потому что ей очень нравились темно-бордовые розы.

Редко, и всегда одна, в «Праге» ужинала все еще известная певица Изабелла Юрьева. Она продолжала выступать, но так, чтобы ее как можно меньше замечали. В «Праге» ее тоже сажали в малый зал, где бывали и другие знаменитые артисты. В большинстве своем в том зале сидели заведующие комиссионных магазинов, старые антиквары и люди, по виду которых легко определить, что у них водятся деньги и притом не маленькие.

Соломон не был коротко знаком с каждым из этих людей, но он был каким-то образом вхож в их среду. Что касается денег, то в полнолуние он запросто располагал средствами сопоставимыми с теми, которые в случае надобности имелись в распоряжении этих людей. «Прага» была очень дорогим рестораном, а цены в малом зале превосходили штатный прейскурант (или как раньше писали, «ростись кушаний») раз в десять, а иногда и более того.

Слухи об этих ценах и о том, что в «Праге» есть тайный зал и там подают любые блюда старой кухни, расползались по Москве, и на главного повара ресторана несколько раз заводили уголовное дело, так как тайный зал существовал единственно по его прихоти, он завел его из своей скрытой гордости и тщеславия. Но каждый раз расследование прекращали с одной и той же формулировкой: «в связи с бесследным исчезновением улики, приобщенных к делу». Под уликами имелись в виду кушанья, приготовленные поваром по требованию следователей.

Ни одно расследование не довели до конца, только у директора ресторана увеличивался список клиентов, получавших обеды на дом, – разумеется по обычным расценкам Мособщепитторга. Цены же в малом зале оставались прежние, такие, что они были не по карману ни

простым труженикам полей, заводов и шахт, ни советским академикам, ни летчикам-испытателям, ни лауреатам Сталинских премий во всех областях ударной деятельности.

Конечно же, цены эти не значились в меню, как и названия блюд. Официанты подавали то, что посетители, допускавшиеся в малый зал, заказывали по памяти, а уж они-то знали все эти названия, и не обращали ровно никакого внимания на их цену, полагая достаточным то, что стоимость этих яств хорошо известна официантам.

Соломон названий большей части этих блюд не знал и не пытался их запомнить. Заказ всегда делал Ханевский. Он не был гурманом и знатоком кулинарных изысков, но названия блюд помнил с давних времен, потому что в годы учебы сторонился студенческих компаний и ужинал в хороших московских ресторанах.

В «Праге» в малом «тайном» зале официант бесстрастно принимал заказ на устрицы на раковинах с пармезаном, раковые шейки, печенки из налимов и трюфели, которые А. С. Пушкин считал роскошью юных лет – все это в Москве, кроме как в «тайном» зале «Праги», нигде не подавали.

На первое можно было заказать потаж консоме о пунт д'асперж а л'италиен – то есть суп консоме со спаржею по-итальянски (консоме – это крепкий густой бульон из мяса или дичи). Или потаж де тортю а л'англез – английский черепаховый суп, или потаж фос тортю а ля франсез, – тот же черепаховый суп, но по-французски, причем так называемый «поддельный», потому что вместо мяса черепахи в него кладут телячьи мозги, и делают это французы не в связи с отсутствием у них черепашиного мяса, а чтобы отличаться от англичан, к ним они всегда питали неприязнь, зная их скупость, надменную холодность, пристрастие к морским разбоям и грубым напиткам, вроде рома или виски, что не более как самогон.

На тайной кухне ресторана «Прага» готовили даже редчайший потаж о нид д'ирондель – суп с гнездами ласточек и казалось бы простые, но требовавшие особого искусства повара потаж де ке де беф ош по – то есть суп из воловьих хвостов и потаж де мориль а ля рус – суп из сморчков по-русски.

К супам шли пирожки с фаршем из рябчиков – тартлет де желинот. Посетитель малого зала, который обыденно, как нечто само собой разумеющееся произносил все эти потаж консоме о пунт д'асперж а л'италиен, потаж де тортю а л'англез, потаж фос тортю а ля франсез, потаж о нид д'ирондель, потаж де ке де беф ош по и потаж де мориль а ля рус и тартлет де желинот, пользовался у официантов особым уважением. А Ханевский именно так и произносил эти названия, стоило все это невероятно дорого, но Соломон платил, ничуть не обращая внимания на сумму счета, не забывая добавить на приличные чаевые.

На второе обычно заказывали ростбиф из филейной части по-английски, считали, что именно его упоминал А. С. Пушкин в своем романе «Евгений Онегин», называя его «ростбиф окровавленный». Можно было заказать и тие д'урс грилье сос пикант – лапы медвежьих, жаренные под соусом пикантным, или кайль сале гарни де шукрут – перепела соленые с капустой, хотя иногда брали просто гриль фрит дан ла шат а фрир – то есть еришей, жаренных в кляре – ериши навевали воспоминания о детстве Соломону, он когда-то тайно от родителей покупал их на рынке по десять штук за три копейки и сам жарил на постном масле, не желая есть традиционную еврейскую фаршированную щуку, из чувства противоречия, это чувство впоследствии и определило всю его дальнейшую жизнь.

Под стать блюдам и вина, и Соломон оставлял в «Праге» такие деньги, что на них они с Ханевским могли бы не только долгое время жить без забот и хлопот, но и приобрести, скажем, автомобиль «Победа» и даже «Волга» или купить себе дорогие костюмы – импортные или сшитые из самой лучшей ткани подпольными московскими портными, классом превосходившими всех заграничных виртуозов ножниц и иглы. Их хватило бы и на покупку трехэтажной дачи, где можно бы проводить на природе теплое время года, слушая пение птиц: овсянок, дроздов, славков и соек, а в мае месяце и соловьев, а зимой приезжать на полдня –

устанавливать печи и любое другое отопление на дачах запрещалось законом, этот закон более всего вызывал недоумение у иностранных ученых юристов, изучавших «советское право» как историческое явление.

Но Соломон придерживался того убеждения, что деньги эти можно тратить исключительно на рестораны, проедая и пропивая без остатка. Часть бриллиантов Киесинской достались Соломону не просто так, он получил их как посредник в довольно рискованных торговых операциях, и мог «схлопотать» за это лет двадцать тюрьмы, а уж тем более он не воровал их, не отнимал разбоем или хитрыми мошенническими приемами. И тем не менее Соломон не считал эти бриллианты своими, и полагал, что настоящая их хозяйка балерина Киесинская не одобрила бы ни покупку авто, ни дачи, а вот на то, что промотано в ресторанах, закрыла бы глаза по свойственному ей женскому легкомыслию и снисходительности, обычной в среде людей искусства.

Рассказывая иногда Ханевскому об этих своих соображениях, Соломон и поведал ему историю бриллиантов Киесинской, а уже он – мне, а я только записал на бумагу.

И после этого отступления, оказавшегося несколько длинным, но небезынтересным, по крайней мере для меня, да и для всех, кого привлекают разные приключенческие истории, я должен вернуться к истории Сталина, чтобы рано или поздно добраться до объяснения, как появился участок земли в полгектара, находившийся за огородом и двором моего дедушки – Владимира Ивановича Волкова, и почему участок этот он не огораживал ни плетнем, ни забором, в отличие от двора и огорода.

XLI. О невеселой жизни Сталина

Сталину не так весело жилось, как Ленину и Троцкому, а такие приключения, как с бриллиантами балерины Киесинской, ему и не снились.

Ленин ждал, когда же экономка Киесинской исполнит свою клятву Аннибала и доставит ему полный саквояж бриллиантов. На харчах Киесинской, при ее-то кухне, Ленин совсем разленел, оплыл жиром и когда к нему приходили за советами, как лучше разграбить Россию, даже не выходил к посетителям как раньше, когда он, разогнав благородных девиц, квартировал в Смольном институте, и все, кто хотел в свое удовольствие пограбить развалившуюся Российскую империю, толпами собирались у дома Киесинской, и Ленин, внимая настойчивым просьбам Троцкого, вытаскивал свое ожиревшее пингвиное тело на балкон и, обращаясь к замершей от волнения и внимания толпе, говорил, не скрывая раздражения:

– Идите вы в ж... – прозорливо предвосхищая эстетические идеалы и образцы, восторжествующие лет сто спустя.

А иногда, после удачной попойки, находясь в приятном расположении духа, помахивал рукой и глубокомысленно-благодарно изрекал:

– Грабьте от восхода до заката, пока солнце не село.

Эти слова в толпе шепотом передавали друг другу, значительно переглядываясь и растолковывали тем, кто недослышал: «Так, мол, и говорит, грабьте, мол, от восхода до заката, пока солнце не село». Но что эти слова означают, ни те, кому растолковывали, ни те, кто объяснял, не понимали. Поэтому было срочно создано целое учреждение, куда собралось больше тысячи сотрудников (поэтому его назвали институтом, а позже так и совсем академией), где писались разные ученые труды по поводу этих, казалось бы, ясных и простых, как правда, но поистине вещей слов.

Ленин с Троцким так и не дождались экономки Киесинской, они ведь не знали, что она валяется на задворках ревкома в Кисловодске, но не пьяная, как многие их подружки легкого поведения, а с простреленной головой (позже ее труп все же куда-то прибрали).

Троцкий очень расстраивался, что бриллианты Киесинской уплыли у них из рук. А Ленин печалиться и огорчаться и не думал. К нему часто приезжал из Англии масон и писатель Герберт Уэллс³⁷ и они вдвоем пили горькую и пьяными глазами, глядя на электрическую лампочку, мечтали, что такие же лампочки со временем заведутся в крестьянских избах по всей России и крестьяне на радостях повывбрасывают из изб иконы с изображением Иисуса Христа и его матери, две тысячи лет освещавшие потемки мира из далекого еврейского городка Назарета примитивными лампаками, и начнут, наконец-то, молиться на электрические колбочки, внутри которых сияют (так Ленину казалось с пьяных глаз) бриллианты Киесинской. А когда Троцкий то и дело приставал к Ленину с укоризнами, что вот, мол, упустили Киесинскую и бриллиантов теперь не видать, как собственных ушей, а без них, мол, трудно управлять государством, да еще таким обширным и густонаселенным, как Россия, Ленин преспокойно отвечал:

– Не горюй. Свет клином не сошелся на этой Киесинской. В России найдется много чего, что можно пограбить и без ее бриллиантов. А управлять государством поставим нашу кухарку. Хорошая, толковая баба, у нас при ней и выпить и закусить – всего вдоволь, и где только берет, шельма, в это бескормное время. И что Россия – многонаселенная, тоже не беда, нужно расстреливать и голодом морить, авось как-нибудь сократим, поубавим число русских, а то и правда многовато развелось их на белом свете, но это дело поправимое.

³⁷ Уэллс. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

Вот так, можно сказать, весело обстояли дела у Ленина с Троцким. Сталину же было не до веселья. Он ездил с обозами по деревням, отбирал у крестьян хлеб, грузил на подводы, каждый раз – драка, кто с вилами, кто с дубьем – хлеб отдавать просто так никто не хочет, пока ты ему не влетишь пулю в лоб с «винта», тогда только сосед смотрит сговорчивей. А иные хлеб в землю зароят, а ты ищи. А в лесах засели бандиты, по дорогам с хлебным обозом не проехать, везде нужно с оглядкой, осторожно, полагаясь на бдительность, интуицию и классовое чутье.

Но Сталина согревала мечта о том, что рано или поздно наступят светлые дни и можно будет грабить не только в России, под ее северными, невзрачными небесами, но и в Европе, особенно в южной: в Италии, в Испании, где одни только названия, такие как, например, Гренада звучат словно музыка, а уж как танцуют пылкие и страстные цыганки, да и всякие тореро тоже хороши.

Усталый, едва не засыпая на возу с мешками пшеницы, Сталин при каждом удобном случае, как только удавалось где-нибудь в волостной управе разжиться четвертушкой бумаги, писал матери. «О, моя мать! Ты, наверное, думаешь, что я не стал абреком. Это не так, я теперь революционер, это такой абрек, что всем абрекам абрек. Сейчас я граблю Россию, а скоро буду грабить Европу: Варшаву, Берлин, Лондон, Париж, Рим и Мадрид, о чем и мечтаю, когда выдается свободная минутка».

Мать читала эти письма, тихо плакала и, утирая слезы, писала в ответ: «О, мой сын! Лучшее бы ты стал священником».

Бедная женщина твердо уверовала, что ее несчастный сын сошел с ума от безразличия к нему его первой жены, к которой он давно не наведывался, хотя та и родила ему первенца-сына.

Тем временем Белая гвардия уже подошла к самой Москве, и в бинокль были видны красные рубиновые звезды, которые Троцкий взгромоздил на кремлевские башни. Вот тогда Ленин, сообразив, что дело, как он сам говорил, «ивах», и посоветовал Сталину повременить с грабежом крестьян и пообещать отдать им землю помещиков и земли при церквях и монастырях и тем самым взять их в сообщники.

Сталин, не однажды убеждавшийся в правоте Ленина, так и сделал. Он сказал крестьянам, чтобы они грабили все, что попадет под руку, как когда-то Емельян Пугачев и Стенька Разин, а ко всему тому, что они нагрябят, им еще и пахотной земли прирежут – по числу едоков.

– Врешь! – не поверили сразу крестьяне, хотя о Пугачеве и Разине помнили.

– Мамой клянусь, – ударил себя в грудь кулаком Сталин с такой силой, что даже самому стало больно.

Крестьяне бросились грабить помещичьи имения, что в общем-то им было не в новинку, о Пугачеве деды рассказывали, а о Стеньке Разине песни поются, он нравом был крут и с персидской княжной расстался безо всякого сожаления, чтобы перед сотоварищами достоинства не уронить. А барские дома, даром что они с колоннами да мезонинами, еще в 1905 году начинали требовать, а теперь взялись так, что пух и перья во все стороны, окна вдребезги и красный петух под крышей закукарекал, только дай керосина.

XLII. О русском крестьянстве

И такой пошел грабеж по всей России – ни в сказке сказать, ни пером описать. Сталин, и даже сам Ленин с Троцким, диву давались. Вот тебе и крестьяне, вроде как мелкие собственники, смиренные лапотники, сырые и простые, как бабья печаль, а оказалось ежели грабить – так и пролетариям сто очков вперед дадут. Пролетарий он, что ни говори, с леницей и бестолков, хотя с виду и в пиджачке и картуз на нем, а мужик пообстоятельней, если ему в башку что втемяшится – колом не вышибешь.

Крестьяне – они ведь тоже разные бывают. Не всякие, а разные. Всякие – это сброд, сволочь (или наволочь), сор, что по воде плавающий (чаще всего еще и со всплывшим дерьмом, оно всегда поверху, не тонет), что на земле, или не прибран, или из избы вынесен, выметен веником, или вдоль дорог, или на задворках, ну и на помойке тоже. А разный – это один такой, а другой не такой, а иной, может еще и лучше, чем такой, а может и хуже. Так и крестьяне, их под одну гребенку не возьмешь, очень, очень даже разные, особенно в удаленных местах, где какие завелись и произрастают под ласковым солнышком, а под белой луной греются.

Это только на первый взгляд все они одинаковые, все на одно лицо: и рябоваты, и нескладны, и ростом не вышли, и слово толком молвить не всегда получается, крестьянин, он ведь за себя «я» никогда не скажет, все «мы», с нас со всех, мол, и спрос, один я «не подюжу», что я, я как все, да и со всеми я не очень, моя хата с краю, в сторонке, когда погонят стадом, ну тогда и я, коли уж так, а ежели, при случае, так я сам по себе, меня и не приметно, а если голодно, ремешок потуже, да и какой там ремешок, так, веревкой подпоясан, подвязочкой, в лаптях, в армячишке (зимой в овчинном полушубке, ну да то зимой, зимой холодно, а и полушубок не у каждого, накинешь на плечи зипунишко и тоже ничего, терпим, а ежели все равно холодно, ногами потопай, и согреешься), а если что не так, то это не мы, а если какая неувязочка или загвоздка – ну руку в затылок, «крякнешь», охнешь, руки в стороны разведешь, с соседом перемигнешься, может оно, как-нибудь и наладится, направится.

Все это так. Но только на первый взгляд. А если вникнуть, то и крестьяне – разные. Если разбираться да присматриваться, то нужно с самого слова-прозвания начинать. Ведь откуда слово «крестьянин» пошло-взялось, поехало на скрипучей телеге (летом) или на разбитых розвальнях (зимой)? А это слегка переименованное от «христиане». А христиане – от Иисуса Христа.

Сам он с далеких палестин, из городишка Назарета, что в еврейской стороне, где за столицу Иерусалим, как у нас, скажем, Москва. Иерусалим, понятно, большой город, а Назарет – маленький, захолустье. И вот этот Христос, то есть Иисус по имени, Христос по прозванию, прозвание это уже прозвище, то есть фамилия, это греки дали ему фамилию, потому что евреи народ сам по себе бедный, у них фамилий не имеется, только имена, а Иисус имя от еврейского бога Иеговы, этот Иегова заключил с евреями союз, подписал договор, они, евреи, затерялись как-то в пустыне, и долго блуждали, в пустыне еще хуже, чем в лесу, в лесу вроде как не видно куда идти из-за деревьев, но если заплутал, то по деревьям можно и определить, что плутаешь, кажется что уже три версты отмахал, скоро выберешься из чащи, из глухомани, ан нет, вон сосна с дуплом и ветка снизу сухая – час назад мимо нее шел, значит, на одном месте кружишь, леший дурит, с дороги сбивает, кругами водит, с лешим шутки плохи, когда он осерчает.

Но из леса так ли, этак ли выбраться можно, а из пустыни еще труднее, там ни дерева, ни кустика, никакой приметы, все видно, а глазом зацепиться не за что, и спросить не у кого, сорок лет будешь кружить на одном месте, как заколдованный, на песке и следов не видно, ветерком заносит, куда ни поткнешь, все как по целине, идешь как по нехоженному, сто раз одно место топчешь, плутаешь, а невдомек, что с дороги сбился. Вот Иегова и пообещал евреям

вывести из пустыни, и в самом деле вывел, ему сверху, с облака, видней, куда путь держать. Пожалел по их неприкаенности и бедности, – мол, и фамилий у них даже нет, такой бедный народ, надо ему помочь (тем более, что у самого Иеговы фамилия была, – Саваоф, что значит «небесный», то есть как и положено богу, «находящийся на небе», где боги и обитают, чтобы не мешаться среди людей на земле).

Иегове очень нравилось на небе, среди звезд. Звезд этих, ярких звездочек, на небе не счесть, множество, и сияют они, и блестят как те граненые алмазы, то есть бриллианты балерины Киесинской, только у нее их украли, выманили мошенническим обманом, потому что не смогли найти обыском, воспользовались слабостью женского сердца, а звезды не украдешь, они высоко на небе, и даже знаменитый немецкий философ Кант не мог додуматься, почему они так высоко да и к тому же сияют.

Ну, высоко, это чтобы не украли какие-нибудь проходимцы, а вот почему сияют, объяснил ученый англичанин Ньютон, этот англичанин обошел в познаниях немца Канта, потому что любил смотреть как малолетний сын его прачки забавлялся пусканием мыльных пузырей с помощью обыкновенной соломинки. Оказалось, что и пузыри эти, и звезды сияют одинаково, а кто не верит, может убедиться сам после летнего дождя, когда на небе коромыслом висит радуга, из тех же лучей состоящая, что и сияние звезд, и мыльные пузыри. Одним словом, почему так высоко и почему сияют – вроде как известно и ясно-понятно любому знающему человеку.

А вот зачем сияют, тут заковыка, этого даже ученые люди пока еще не определили, хотя этих ученых людей немало и всем им деньги платят из государственной казны без счета и сожаления.

Иегова любил смотреть на звезды, и всегда дивился, что их много. Потому, когда он подписывал с евреями договор, то и пообещал, что их – евреев – будет на земле, как звезд на небе. Евреи, народ простой, доверчивый, обрадовались и ждут. А Иегова перепутал их с китайцами – сверху не разглядишь, где еврей, а где китаец, они почти одинаковые, только глаза разные и цветом лица тоже слегка отличаются, китайцы пожелтее, а евреи посмуглее.

И китайцев стало как звезд на небе. А евреев – мало. Ну да тут уж ничего не поделаешь, дело прошедшее. Правда, поговаривали, что, мол, Иегова не по ошибке соблаговолит китайцам, а обошел евреев, потому как они не соблюдали договора, хитрили, а Иегова с неба все заметил, а китайцы просто случайно нашлись рядом, вот им и повезло, а то что они не похожи на евреев – и глаза у них, как щелочки, и цвет лица лимонный – так это как раз им пришлось на пользу. Иегова потому их и осчастливил, что легко отличить от евреев, и с тех пор евреи к китайцам – ни ногой.

Иисус – то есть в честь Иеговы названный Иеишуа, Иесуа, Иехошуа или Христос, как уже добавили фамилию греки – рос при отчине. Отчим, старик, плотник Иосиф, догадывался, что сын не от него, говорить ничего не говорил, что ж тут скажешь, только руками разведешь, но пасынка особо не жаловал и ремеслу не обучал. Поэтому плотник из Иисуса получился так себе.

Вот Владимир Иванович Волков (Волк-Карачевский) был хороший плотник, что ни сделает, все ровно, без перекося, без щели, плотно, да еще и гладко. Покажи немцу и тот скажет: «О, я, я, гут!» Да и не каждый немец так сам сможет, а только тот, который положенный срок отходил в подмастерьях и всему обучился, и не раз бит мастером по шее за промашки, огрехи и разные упущения, у немцев с этим строго, чуть что не так – сразу бьют, лупят, не предупреждая – строгий народ, во всем дисциплину соблюдают, отдай им в обучение Иисуса Христа – не выжил бы, прибили бы до смерти.

Волкову обучаться было некогда – на хуторе, при земле: пахать, сеять надо вовремя, и косить и за скотиной смотреть – плотницкое ремесло дело десятое, да и не у кого обучаться, разве что только возле отца, но он от старого ранения на русско-турецкой войне рано умер, в

сорок лет. Плотник Волков был хороший. По многим причинам, а главных две. Первая – такие уж руки, криво не отпилит, наискосок не положит. Вторая – делал все не торопясь.

А другой торопится, так-сяк, наскоро, да и косорук. И таких плотников – пруд пруди, возьмет в руки топор, вот, мол, он и плотник. О горе-плотниках и поговорка: чтоб не клин да не мох, то и плотник бы сдох. Это значит, если у него криво получится – клинышек подложит, выправит. А когда щель – и того прощай, заткнет мхом, щели и не видно, и холодом зимой не тянет. И вроде дрянной плотник, а смотришь, с топором век так и перебился, тут клинышек выручит, там мох, да и от сельского жителя спрос невелик, кривовата избенка, а стоит, не разваливается, а если чуть покосилась, то и подпереть можно, чтобы не упала, это тебе не Германия, по линейке ходить не заведено, циркулем не отмеряно и крышу не черепицей крыть, а соломкой, она легонькая, не придавит, и тепло под ней, и даже шуришит, можно сказать, ласково, а когда ее ветром шевелит, так приятно, что хоть в стихи вставляй.

Не то в еврейских краях. Хорошее дерево там в редкость. Кедр, например, вроде сосны, да и получше будет, но в Ливанских горах, далеко. Так что, если уж взял топор, тесать нужно аккуратно, тут и глаз, и рука требуются ремеслу соответствующие, а испортишь материал, замены нет, беды не оберешься, за убыток взыщут втридорога, да и выгонят взащей. А что касается мха, так он и вовсе не в употреблении по той же причине: какой мох, песок да мелкий камень вокруг. У евреев даже слова такого нет – мох, у них священное писание – книга в четверть (как от большого пальца до указательного) толщиной, – а слова «мох» в ней нет, прочти от корки до корки, от доски до доски – не същишь.

Вот и не пришлось Иисусу плотничать. Ну а без ремесла безхлебно. Он и подался людей учить, как им жить на белом свете. Ведь жизнь штука такая. Живем, живем, да глядь, как раз помрем. Живем потому, что хлеб жуем. Но чтобы пожевать, приходится поработать. Потому человек, когда мамка с тятей кормить перестанут, тем и озабочен: чтобы пожевать – поработай. Пожевал, опять хочешь – опять поработай. Да и гол, надо бы чем прикрыться, а чтобы одежонку какую раздобыть, опять же – работай. А ведь толку – все равно помрем, кто чуть раньше, кто чуть позже, зачем же работать, потеть, трудиться, того смотри, надсадишься.

Взять к примеру птицу. Сидит себе на веточке, щебечет, чирикает, тивкает: тити-тиори-чтерличь – это трясогузка, или тиль-вили-тили-вили-трр – ласточка, а если славка, то: тирли-витюрли-че-чит-тигерли. И не гольшом – перышки у ней одно к одному, и расцветка и фасон, не всякий портной подберет. И одета, и сыта, безо всяких трудов и хлопот.

Про щебет и чириканье, и про перышки – все верно, так и есть. А вот про труд как раз нет, это в давние времена издали могло показаться, что она, птичка-пичурка, мол, без трудов и хлопот, а накормлена. Птичка да, не пашет, не сеет и не жнет острым серпом золотую рожь да пшеницу, а сыта. Но позже французские и английские и, следом за ними, кропотливые немецкие естествоиспытатели разузнали, выведали, что все эти тили-вили да тирли-витюрли или чтобы подозвать самочку, или пока самец не справит свое дело, а когда снесешь яичко, а то и четыре, а то и сразу шесть, сиди молчком, грей, а вылупятся птенцы – четверо-шестеро – так тут уж совсем не до песен, чтобы прокормить пищащих, неугомных с незакрывающимися клювиками, приходится так повертеться, что и пахарю позавидуешь, и жнее в поле, пока соберешь по букашечке, по червячку, по зернышку, пахарь и жнея, они-то хоть могут отдохнуть в тенечке, переждать самый солнцепек, а если помоложе, так и в куче снопов спрятаться от посторонних глаз и не скучать, вдвоем не заскучаешь, вдвоем сообразишь, чем заняться, а птичке отдыха никакого – букашка и червячок ведь не на блюдечке поданы под сладко-кислым соусом, улизнуть норовят, в щели запрягаться, под листком укрыться, их еще попробуй същи, ухвати, уклюнь, букашка и червячок тоже жить хотят.

И любой естествоиспытатель скажет, во сколько раз больше своего веса птичка за день этих букашек и червячков понавыковыривает – потому что не только птенцам, себе тоже какой-никакой прокорм нужен, так что доподлинно известно, трудолюбивей птички твари нет, хотя слово «трудолюбие» здесь неверно, не от любви и склонности и пристрастия к трудам суетится весь день птичка, с восхода до захода солнца, а от нужды – кушать-то хочется.

Но к словам естествоиспытателей тоже нужно относиться с осторожностью. Оно, вроде, все верно, а не так просто, как по первости покажется и в научных трудах изложено, да еще и зарисовано. И микроскопы, и телескопы – это хорошо, да не все в них увидишь.

Они ведь, эти естествоиспытатели до того дошли, что и в наличии Бога усомнились. Все осмотрели, и между атомами, которые философ Демокрит придумал чисто умозрительно, и под перышки птичкам заглянули, всем, включая голубей и межзвездное пространство осмотрели – нет нигде Бога. А он вдруг – тук-тук, совсем рядышком, есть, мол, я, только не там искали, а в другом месте. И в самом деле, вроде, как есть, а где – не понятно, а уразуметь хочется, но Бог не птичка, его не зарисуешь в книжечку.

Иисус Христос в такие глубины и подробности входит не имел намерения. Птицы небесные не работают и прокормлены, не будем и мы трудиться, мы, мол, тут временно, не дома, а в гостях, не сегодня-завтра помирать, стоит ли целый день топором махать, а уж тем более с сохой поркаться.

Оно и в самом деле нелегко, если плотник, а косорук, или пахарь, а задумчив, и потому трудно ему уследить за сохой, ведь никак нельзя замельчить – семена раньше времени из земли вылезут, посохнут, а глубже тоже нельзя – не взойдут в положенный срок, да и если глубоко возьмешь – лошаденке тяжело. Поэтому когда с сохой, за ней и смотреть надобно и за бороздой – и там в конце поля, лошадку за вожжю, чтобы поворачивала: «Но, милая, забыла, что ли?» – и сошку из земли на повороте, а не размышлять-гадать, что там в конце – не поля, не борозденки, а после этой земной жизни, и будет ли иная.

А дашь волю мечтам-думам, к осени и без хлебушка останешься, и тогда – себе сума, а деткам сумочки – и на дорогу, подайте, люди добрые, на прокорм, и подадут, но не всегда, народ сердобольный да иной раз и у самих в закромах не полно, и подать нечего, да и свои детки с ложкой за столом, а в мисках – «скряб-скряб» по доньшкы и хлеба просят.

Крестьяне, от христиан прозвавшиеся, к работе не склонны, потому как о будущей жизни задумчивы. И не очень пригодны. Топором тешут – нехотя, сохой землю – не пашут, ковыряют, и урожай от того невелик, зато мыслей – палата, как бы, мол, так прожить, чтоб сохой земельку не шевелить да пот не лить, а как-нибудь этак мечтательно, но не на пустой желудок, человеку ведь не так много и нужно, хлеба кусочек да чтоб тепло было, и баба сбоку, для известной надобности.

Бывают и другие земледельцы, их и называют не крестьянами, а селянами, от того, что живут в селе. У них и изба попросторней, и в землю не вросла, три окна на улицу, а в полисаднике и цветы, и кусты сирени, и топор в руке они держат ловчее, и пашут вернее, и лошаденка у них не доходяга-кляча, а хозяйская, досмотренная, с удобной упряжью, да и не одна, а две-три, а у кого и четыре, а когда на базар или ярмарку, то едут не на разбитой намазаной телеге, а на рессорке.

Но живут крестьяне и селяне вместе или рядом. И на первый взгляд их и не различить. Самое главное различие – отсутствие в слове «селянин» буквы «р», так как буква эта очень важна в словах «крестьянин» и «христианин». В слове «селянин» буквы «р» нет, и живет он в этой жизни, не полагаясь на последующую после смерти. А крестьянин именно на последующую и надеется, а до этой у него руки не доходят, та, последующая, для него важнее, она ведь вечная, а эта – временная, как ее ни «уладь», ни устрой, все равно не надолго, лет на семьдесят, а уж никак не намного больше ста, так что ж стараться.

А селянин тем и отличается, что живет «в охотку», старательнее. Иной раз, особенно если земля неурожайна, песочек, и не намного богаче крестьян, а как-то «пригляднее», толковее.

Крестьян же буква «р» связывает не только со словом «христианин», но и со словом «дерево», и живут они как дерево, как лес – дикий, неприглядный, что в овраге, что по болоту, что на косогоре, где с буреломами, где с полянами, хорошо, когда сосновый или березовой рощей, бывают и отдельно стоящие деревья, как сосны во ржи на картине художника Шишкина, а бывает и как на его же картине «Утро в сосновом лесу» с медведями. Крестьян в России много, потому и сказано: «Россия, Россейя – страна крестьянская, христианская».

Большая часть крестьян жила при барине. Таких крестьян называли крепостными, они, их деды и прадеды, заключали с бариним договор – крепость. Крепостью договор этот назывался потому, что и барин и крестьяне клятвенно обязались соблюдать его крепко. Это так было заведено в России. В других странах, в Европе крестьяне тоже были крепостные. Но никаких договоров там не писали, баре – в железных доспехах, на конях – наскочат на деревню, кому дубинкой по голове, кому, кто чересчур строптив, голову мечом с плеч. А всех, кто жив останется, загонят в крепость, то есть в замок с башнями – так все и становились крепостными и потом, при замке, на поля и луга – пахать, сеять и косить.

В России крестьяне сами шли к барину, писали крепость – договор, мол, прокормиться не можем, кто ленив, кто покушать горазд, а работать – нет, а то и татары налетят на конях (как те баре в Европе, только у татар глазенки узкие и кони малорослые, зато выносливые, степные) да и погонят в полон. Поэтому так, мол, и так, нам бы на время для прокорма в долг, а мы потом отработаем, вот такую «крепость» и заключали.

Царю это не нравилось, он барам людей «в крепость» брать запрещал, человек, мол, божья тварь, им владеть не положено, до добра это не доведет, ослушников грозил строго наказывать, но по недосмотру глядь – а уж половина крестьян в «крепости», крепостные, старые долги барам не выплачены, а баре их уже за скотину держат, на торгах продают, на борзых собак меняют мужиков, хотя в одной церкви с ними молятся. А договор-крепость все-таки подписан, его как теперь не хоти-крути, а соблюдать надобно.

Но не соблюдали и со временем часто нарушали, как евреи свой договор с Иеговой, а прошло лет двести-триста, договора эти потеряли, что в них когда-то записали, никто толком не помнит. Вышло много путаницы, пошли бунты, и крови много пролилось, что по недомыслию, а что и по неумной злобе. А когда царь в сердцах всякие крепости отменил, то баре и крестьяне остались очень недовольны, потому как работать ни те, ни другие не хотели, а кушать всем надобно.

Только барину на блюде подай и чтобы повар – не меньше как француз, из Парижа выпитый, а крестьянин и тюрей съят, да кто ж ее ему в деревянную миску накрошит-намешает, если с весны не пахано, а уж если с весны не пахать, то по осени не обмолочено, потому что молотить-то нечего. А коли молотить нечего, то и на мельницу ничего не свезешь. А с мельницы не привезешь, глядь в сусеках и пусто, да и хлебушка на столе нет, детки рты раскрыли, как галчата, а дать им нечего.

Баре свое блюдут, у них все в новых бумагах записано в «ревизских сказках», а крестьяне неграмотны, читать не умеют, тому, что в бумагах числится – не верят, но зато твердо помнят, хотя и без бумажек, что им полагается по справедливости, а не по законам, разными чернокнижниками придуманным, чтобы притеснить крестьянский народ или вовсе свести его как сорную траву, чтобы на земле попросторней стало, от такой напасти спасение только у царя-батюшки, без него, да от голода крестьяне и помереть могут в неисчислимом количестве, а без крестьянства России не устоять. Россия страна крестьянская, христианская, крестьянин он и землю вспашет и деток нарождает вместе со своей бабой, их и кормить приходится, хоть бы и в неурожайный год, одним словом – есть ли, нет ли – вынь да положь.

Царь же, он крестьянам – отец родной, он их сберечь от Бога поставлен, ему крестьянина «забить» не с руки. А бары – все вокруг царя, рядом, они его, если им не угодить, и придумают, запросто по своему коварному умыслу.

А те крестьяне, которые жили без бар, сами по себе, они тоже землю сохой борошили, да «по-христиански» надеялись, что, мол, уж, когда помрем, вот тогда и поживем.

Но грабить, раз уж Ленин наказ такой дал, все оказались охочи, грабить не пахать, косить, когда во вкус войдешь – дело веселое.

Имена помещицы, барские – что пожгли, когда керосин вовремя подвозили, что разбили-разломали. Такой устроили погром, что любо-дорого. Что от недовольства, помня старое зло, что от разгула, потому так все и завертелось, без удержу, а по большей части от недомыслия, то есть за компанию, за компанию как известно и «жид» повесился где-то в Запорожской сечи, от излишней выпивки.

А так же и от раздражительности. От этой самой раздражительности разломали и все пианино, рояли и клавишины. Они все с клавишами, клавиши белые и черные, в них пальцем ткни, они – бим-бим, ля-ля-ля. Музыка такая. Барские дочери, молоденькие барыньки, при них романсы распевают. Этим барынькам кисейные юбки их, которые они вместо сарафанов нацепили, задрать бы, да ноги врозь. А по пианинам – топором. Ежели тебе музыка нужна, печаль-тоска на душе, так возьми балалаечку, да и тренькай, жалостливо, со слезой:

*То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.*

А весел, выйди с кандочка, пятка в землю, носок вверх и не тренькай, а щипком с подковыркой:

*В том лесу соловей
Громко песни поет,
Молодая вдова
В хуторочке живет.*

Или

*Эх, полным-полна
Моя коробочка,
Есть и ситцы,
И парча!*

А пианино, рояль и клавишин придумал немец, а потом еще и смастерил на нашу голову, от немецкой прыти да придумки добра не жди. Мужу с сохой, да с косой, а барские дочери романсы распевать, бим-бим, ля-ля. А если топором, то дрынк, звяк и ни тебе больше бим-бим, ни ля-ля.

Очень уж раздражали все эти пианино крестьянствующий, хлебопашествующий народ. Поэтому и ломали их с остервенением, всласть, так, что во Франции было слышно самому Тургеневу³⁸.

³⁸ Тургенев. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

XLIII. Про Тургенева

Тургенев давно уже состарился, а в Россию возвращаться все никак выбраться не мог, по той простой причине, что в России не во всех местах есть водопровод, как в Париже. Хорошо в России: золотая рожь колосится, луга цветут, леса манят прохладой, а осенью от них глаз не оторвать, они, как терем расписной, и обнажаются с печальным шумом, какие только тогда мысли грустные, но сладостные не придут в голову, и даже нивы печальные, снегом покрытые – чудо как прелестны, а уж весной, когда все оживает – дыши, не надыхнешься упоительным живительным, почти зримым голубовато-изумрудным воздухом.

Ну а вот захочется испить водицы. И что же? Ведерко в руки (а если два, то коромысло на плечи) да и к колодезю, а то и вовсе ищи родничок, в нем вода вкусна, но далековато.

За водой к колодезю – это бабам хорошо бегать, там у колодца и посудачить время найдется, а молодым девкам фигуру показать, пройтись у парней на виду или новым сарафаном похвастаться перед соседками, что «тятенька» с ярмарки привез. А знаменитому писателю некогда, тем более, что и на охоту пройтись с ружьишкой тоже время упустить нельзя.

Не то в Париже. Открутил краник, вода течет струйкой, даже иной раз журчит, как весенний ручеек. Подставляй кружку, наполняй до краев и пей себе в удовольствие, а захочешь еще – опять набирай и пей, вода из краника потечет и днем и вечером, и не иссякнет. А если иссякнет, кап-кап и не течет – вызывай водопроводчика, он мигом поправит-наладит, подкрутит гаечку, и водичка опять потечет без перебоев.

Так что в Россию Тургенев не собирался, тем более что, несмотря на старость, все еще жил при певице Виардо³⁹. А у певицы Виардо был тонкий, редкий музыкальный слух. По вечерам она невольно прислушивалась и с тревогой в голосе говорила Тургеневу:

– Опять эти звуки... Бим-бим, ля-ля-ля... Ах, в России опять ломают, разбивают пианино, а может даже рояль. Ах, это ужасно!

Тургенев вспоминал о России и задумчиво бормотал:

– Россия, Россия... Это все Некрасов, пьянчуга и картежник с его парадным подъездом. Однажды он увидел, как туда подошли мужики, деревенские русские люди, вырви ему глаза! Все хотелось знать, кому на Руси жить хорошо! Вот и узнали! Мать твою!

– Ах, Жан, – на французский манер обращалась к Тургеневу Виардо, – при чем здесь его бедная мать?

– Это я так, к слову, – безнадежно махнув рукой, отвечал Тургенев и снова начинал вспоминать Россию, болотистый лесок полный вальдишнев и кроншнев, вечернюю тягу, тетеревиный ток, деревенских ребятишек у костра в ночном.

– И вот опять... – до Виардо доносились из далекой России жалобно обрывающиеся дзинь – бом – бим, звуки рвущихся струн и треск разламываемого лакированного дерева, – если это не прекратится, в России не останется ни одного рояля... На чем же тогда аккомпанировать при исполнении отрывков арий из опер и прекрасных русских мелодичных романсов?

– Романсы... – задумчиво повторял Тургенев, – Они колдовски-очаровательны, но, боже мой, если бы ты могла понять, постичь всю глубину их слов! Ты бы в одночасье бросила этот занюханый Париж с его водопроводами и борделями и уехала бы в бескрайние снежные просторы России, сверкающие морозной пылью в завораживающе лунном свете! А какие в России бабы и молодые деревенские девки!

Виардо, по ее бесчувственности, и не думала ехать в Россию. И тогда Тургенев понял, что загубил свою забубенную жизнь из-за коварной женищины и от глубокой тоски по родине

³⁹ Виардо. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

умер в далеком Париже, где кого ни возьми – а он безразличен к чужому горю, далек от высоких материй и холоден к страданиям иноземца, как бронзовая статуя обнаженной красавицы, настывшая зимой в Летнем саду в Петербурге. Там же, в Париже его и похоронили. А ученые определили, что умер он от диковинной болезни, очень редкой, называется ностальгия, многие русские ею болеют, а как ее по-русски назвать, не знают.

XLIV. И опять о крестьянах, Ленине и Троцком

Крестьяне же, разломав все пианино, повыдергивав все клавиши и порвав все струны, не успели оглянуться как подошли войска Белой гвардии. Тех, кто громил усадьбы, для порядка расстреляли, а где и повесили. Тогда мужички поняли, что дело плохо, и пошли в Красную армию, куда их и загонял Сталин, всем им выдали винтовки, а на фуражки прицепили красные маленькие звездочки, такие же, как те, которые Троцкий навесил на башни Кремля в Москве.

Народу в Красной армии собралось миллион. Белая гвардия – тысяч сто. Но Белая гвардия маневренна, тактике, стратегии обучена: форсированный переход, фланговый удар, отвлекающий маневр, наступательная операция. И так одна победа за другой, и Белая гвардия уже под Москвой. А в Москве Ленин с Троцким чемоданы второпях собрали, сидят и гадают: куда бежать, как награбленное вывезти, да где скрыться от людских глаз подальше. Троцкий и говорит Ленину:

– Вы, Владимир Ильич, все, что награбить успели, уже спустили, а у меня целый бронепоезд добра. Поэтому садимся, открываем семафоры и на всех парах мчим к моим родичам в Америку, я им золотишко и барахлишко сплавию, открою пивную, будете пиво по столикам разносить, так что пока беру вас к себе помощником кочегара, вы ведь, когда из Финляндии в Петербург ездили, уже пробовали уголек в топку подбрасывать, это дело вам хорошо известно, и рука привычная.

– Дурак ты был, дураком и остался, – грубо ответил Ленин Троцкому, он всегда грубил даже ближайшим соратникам по партии, – куда на бронепоезде проехать можно?

– А куда рельсы проложены, – отвечает Троцкий.

– Америка за океаном, – объяснил Троцкому Ленин, – туда пароходом, а не паровозом надо. И на пароходом и на паровозе – паровая машина, но пароход по воде плывет, а паровоз по земле едет, если рельсы есть. Да и фронт кругом, как проскочишь? Немцы второй раз пломбированный вагон в другую сторону не предоставят.

– Тут нам нужно возложить надежды на мировую революцию, – стоит на своем Троцкий, – в Венгрии уже началось, в Баварии тоже – туда и рванем. А там Франция по соседству, как запыляется рядом, авось и французы вспомнят веселенькие деньки, когда дружно штурмовали Бастилию, оплот тирании.

– Эк хватился, – махнул рукой Ленин, – авось да небось – плохие товарищи, в Венгрии и в Баварии революции уже сдулись. Я им и денег посылал – царскими золотыми рублями, и товарищей наших, подельников с толковыми советами, мол, расстреливайте побольше, желательно всех подряд. Без хорошо организованных расстрелов никакая революция долго не протянет. Так нет, заболтали, превратили революцию в резолюцию, бесплодную пустую говорильню, грабить – не грабят, расстреливать – не расстреливают. Вот и накрылась их европейская революция медным тазом.

– Ну тогда мы поднимем азиатскую революцию, – встрепенулся, загорелся, воспримчивый ко всяким новым идеям Троцкий, – помнится сидел со мной в камере один наш товарищ, он три класса гимназии окончил и доверительно рассказывал, что Азия самый большой в мире материк, обширнейшая часть света. Вот и устроим, если не мировую, так по крайней мере азиатскую революцию. Засядем где-нибудь в центре этой Азии, и войска во все стороны! Первым делом в Индию Буденного отправим, шашки наголо, прищучим там англичан, не обрадуются!

– Нет, – сказал Ленин, – это, батенька ты мой, авантюра чистой воды. Мы лучше уйдем достойно, хлопнем дверью так, что мир содрогнется, заложим под Кремль динамит да и взорвем. Ведь его Наполеон взорвать хотел, да дождик помешал, а мы выберем погожий

денек, да как ухнем! Такой фейерверк выйдет, что нас уж точно во все учебники истории впишут!

Но Троцкий стоит на своем – двинем в Индию. А у Ленина тоже твердая позиция – динамит под Кремлевские башни – и шабаш. Так они и пререкались. А Сталин тем временем, как человек далекий от теории, но зато убежденный практик, трудился не покладая рук, расстреливал на каждом шагу всех, кто уваливал от Красной армии. Потом стали заложников брать, дома дезертиров сжигать, когда дошло до казачьих станиц, расстреливали и женщин, и детей, и стариков.

Троцкий, отвлекаясь от пререканий с Лениным, очень большие надежды возлагал на расстрелы и требовал поголовного истребления всех, кто не укрылся в лесах. Потом он совсем прекратил перечить Ленину и заспорил со Сталиным, кто больше людей расстрелял, или уничтожил каким-нибудь другим способом – такой уж этот Троцкий имел сварливый характер, чуть что, по малейшему поводу спорит с пеной у рта до потери сознания, до глубокого обморока от истощения нервных сил, а придет в себя, выпьет полведра воды – и опять спорит, хоть ты ему на голове кол теши острым топором, или холодную воду прямо за шиворот лей.

Белая гвардия в ходе победного наступления тоже начала грабить. А награбленное не бросишь, армия обросла обозами. А с обозами какая маневренность. Сталин в Красную армию согнал уже не один миллион, а несколько миллионов. Да и крестьяне, взятые в красноармейцы, хотя в тактике и стратегии не смыслят не бельмеса, но все ж смекнули, что им деваться некуда, их или комиссары расстреляют или белые офицеры повесят, пришлось воевать. Белую гвардию разбили и загнали в Крым.

XLV. О том, как Сталин не поладил с Лениным

Сталин пошел к Ленину и говорит, так, мол, и так, белых разбили, в Крыму заперли, сидят за Перекопом. А Ленин и Троцкий ему в ответ: Крым, мол, нужно обязательно взять. Мы в Крыму решили евреев поселить, потому как они народ южный, к российскому холодному климату не приучены. Черту оседлости отменили, живи от Смоленска до Урала, и в Сибирь, пожалуйста, но там холодно, особенно зимой.

Сталин хотел сказать, что так как он евреев с детских лет недолюбливает, а еврей-купец, который его матери денег дал, чтобы Сталина в семинарию определили, даже самолично зарезал, то Крым итурмовать не собирается. Но потом вспомнил, что Ленин и Троцкий тоже ведь евреи и промолчал, чтобы не вступать в бесконечные пустые споры-пререка-ния, ему вся эта болтовня давно уже была как серпом по одному чувствительному месту, то есть надоела до чертиков, опостылела как горькая редька, как мужику беспросветная доля.

Крым итурмом взяли, народу положили видимо-невидимо, Белая гвардия успела отплыть на пароходах, а кто поверил обещанию сохранить жизнь и остался, тех, чтобы больше неповадно было, расстреляли до единого по настоятельной просьбе Ленина и Троцкого и их сотоварища по фамилии Цик, кто он такой, никто не знал, потому что этот Цик был еврей и засекречен, как один из самых тайных масонов высшего разбора.

После всех этих событий Сталин умылся, причесался, надел новую сорочку, пришел к Ленину и говорит, мол, Белую гвардию победили, Крым заняли, война окончена, теперь нужно крестьянам землю раздать. А Ленин в ответ:

– А вот это дудки!

– Но, Владимир Ильич, – удивился Сталин, – вы же сами сказали, чтобы я пообещал крестьянам землю отдать?!

– Сказать сказал, а отдавать и не собирался. Да и совсем не то я имел в виду. Земля находится в собственности всех трудящихся на ней – вот как было сказано. Поэтому пусть пока пахут, сеют, а земля принадлежит не им.

– А кому же?

– А мне. Что в мою облысевшую голову взбредет, то я с этой землей и сделаю.

– Но это несправедливо, – заупрямился Сталин, ему давно надоели все эти ленинские выверты, – грабили вместе – награбленное делить надо как договорились.

– Да они бы, эти крестьяне-христиане, и не грабили бы, если бы их шилом в задницу не подталкивали, иных на веревке тащить приходилось.

– Ну не скажите, усадьбы барские раздербанили-то они, – стоял на своем Сталин, не желая покривить душой и приписывать себе чужие заслуги.

– Это верно, крушили-ломали они, а керосин-то подвозили мы. А без керосина, особенно в сырую осеннюю погоду и барский дом не поджечь. Дождик покапает и никакого тебе революционного пожара. Да тут не в том дело, кто больше постарался. Смотреть нужно политически, то есть как нам выгоднее. Кто такие эти крестьяне? Во-первых, все русские. А во-вторых, темный народ, с виду бедны, а потряси, и меди и серебра, в лаптях, в вонючих онучах припрятанного. А если давить их, как подсолнечные семечки в хорошей давилке, то еще много чего можно выжать. Дай им землю, год-два-три и смотришь, у них уже баре заведутся, и на тройках начнут разъезжать, шампанское это свое из Парижа пить, лишь бы оно шипело и пенилось. Русский крестьянин есть самое злобное, неистребимое, поразительно живучее животное. Земли им мы не дадим ни под каким соусом, вот и весь мой сказ. Работать – работай, а земли тебе – накомь выкуси. Хлеб собрал, обмолотил, все до зернышка заберем. И каждому талон – на хлебную пайку. Ну и еще штаны.

– Хватит с них и миски супа, – вмешался в разговор Троцкий.

– Нет, – строго одернул его Ленин, – итаны нужны. В России холодно, без итанов они взбунтуются и с нами сделают то же самое, что и со своими барами, их-то, крестьян этих, вон сколько много, и все евреев живьем сожрать готовы, без горчицы, спят и во сне видят, как бы где еврея, будто ненароком, придушить. Так что итаны – дадим, и миску супа. И талон на хлебную пайку. А большие – ни-ни.

– Но так можно и весь народ перевести, – удивился Сталин.

– Нам-то что за печаль об этом народе? Вы грузин, я еврей, пропади он пропадом, этот русский народ, его и монголы чуть было не передушили, да живуч, сволочь, опять расплодился. А уж если о крестьянах речь, так их даже писатель из нижегородских мещан Горький за скот почитает и на дух не переносит. Да что там, немый босьяк Горький, сам смердящий, как онуча, писатель Тургенев, из баринных барин, но и он писал в своем Париже сидя, что если русский народ извести под корень, то никому от этого никаких неудобств, а паче печали не будет. Русского крестьянина нужно грабить, грабить и еще раз грабить. С него все, что с гуся вода, а нам доход, денежки. Даже Пушкин, уж на что был обезьяна, и тот писал, стричь, мол, надо, стричь, а мы и обстрижем и шкуру спустим, новая нарастет. Крестьян в России мы изничтожим, как колорадских жуков, как гусениц на капустных грядках. А землю будут пахать трактора.

Сталин недоверчиво посмотрел на Ленина.

– Наш Сталин ничего не знает про трактор, – весело подмигнул Ленин Троцкому и добродушно объяснил Сталину, – трактор – это такая машина, станок, но не на заводе стоит, а в поле. С виду похож на мужика с квадратной головой, вместо ног два колеса и с сохой – соха вся металлическая, и никакой лошади не нужно. В квадратной этой голове сверху маленькая крышечка, – открыл, залил ведро керосина и всех хлопот, трактор поле вспашет, побороноует и рожь и пшеничку посеет. А если тебе, дорогой наш товарищ Сталин, станет скучно на все это смотреть и захочется старого пейзажа, так мы снарядим художника Малевича, он этот трактор быстренько красками распишет-разукрасит – не отличишь от живого мужика. Трактор придумал в Америке один еврей по фамилии Форд, потому что индейцев так и не удалось заставить землю пахать. А зимой, когда пахать уже не нужно, этот трактор сапоги шьет. У него сбоку дверка, засыпаешь туда мелких гвоздиков побольше, заклады-ваешь кожу, подметки. И он стучит как швейная машинка «Зингер» – смотришь, и сапоги готовы, и нужный размер. Пьяный сапожник иной раз перепутает и вместо пары зафигачит два левых или два правых сапога. А трактор ошибиться не может, потому что это наукой не предусмотрено. С ним никаких хлопот, одни удобства. А с русским крестьянином, с этим косопузым мужичишкой в лаптях по имени и по фамилии Платон Каратаев, – никакого сравнения. Увидел бы граф Толстой этот трактор, пришел бы в полное восхищение и восторг. Да и скажу тебе по секрету, все это хлебопашество не первой головы дело. Ведь когда мы всех русских перебьем, подойдет очередь всяких разных венгерцев, а потом немцев да французов с испанцами – мы этим испанцам такое устроим, забудут про свою корриду. А потом и Англия, и Североамериканские Штаты – на наш век хватит, а после нас хоть коммунизм, нам еще и памятники поставят. Но пока тракторов нехватка, крестьян убивать нужно понемногу, вот, как товарищ Троцкий военспецов – использовал – убил, использовал – убил, по мере надобности и по очереди, без сутолоки и суматохи. Прежде чем их всех перебить, нужно заводы построить, фабрики, чтобы пушки изготавливать и винтовки, да и те же трактора – их ведь на заводах делают.

– Зачем нам, да еще в России, строить заводы? – возразил Троцкий, у него на все находилась своя точка зрения, – В Европе этих заводов пруд-пруди. Стоит только бросить клич, и пролетарии на них вмиг соединятся в едином порыве и очертя голову ломанутся в мировую революцию.

– Русские крестьяне – бездонная бочка, их можно грабить, пока они не выведутся. Ограбим дочиста, хлеб весь выгребем, купим у капиталистов веревки и на этих веревках их всех – капиталистов – повесим вдоль дорог. Шучу, шучу, – рассмеялся Ленин, – конечно же, не веревки купим, а пушки и прочее оружие – вот тогда и устроим бойню, весь мир ограбим без сожаления, а затем попируем на просторе. Это и есть мировая революция, батенька, – похлопал Ленин Сталина по плечу.

Но Сталин оказался упрям и не согласился ни с Лениным, ни с Троцким.

– Что касается мировой революции, то тут я полностью согласен. Ради нее я готов ночами не спать, мечтать и песни петь. Но землю крестьянам отдать нужно. Ведь обещано. Я слово горца дал.

– Да плевать мне на твое слово, данное второпях, необдуманно и не посоветовавшись с товарищами, – беспечно ответил Ленин.

– Я мамой поклялся, – мрачно сказал Сталин.

И тут Троцкий дождался своего часа. Влез между Лениным и Сталиным и, отвратительно хихикая, проблеял козлиным голосом, по сути дела перетолковывая ленинские слова:

– И на маму твою плевать.

Сталин изловчился, выхватил кинжал – он в молодости его всегда при себе имел – кинжал вещь надежная, никогда не подведет – и хотел ударить Троцкого. А тот, не будь дурак, отпрыгнул в сторону. Ну, Сталин и всадил кинжал Ленину в живот по самую рукоятку. Видит – не туда, то есть не тому попал, выдернул назад, а уже поздно, у Ленина и кишки вон.

Ленин, пока еще жив, и говорит Троцкому:

– Так и знал, что от тебя, Иудушка, какая-нибудь неприятная гадость навернется. Ведь вот не Сталин же виноват, он просто вспльчив, как все кавказцы, они очень не любят, когда их маму нехорошо поминают. Это все ты, нетерпеливый дуралей, зачем влез?!

Но потом видит, дело уже не поправить, да и Троцкого на ум не наставишь, горбатого, мол, могила исправит. Закатил Ленин глаза и произнес замогильным голосом:

– Уж не думал, не мечтал я, что придется сдырдиться в самое веселое время, когда мировая революция на носу, только чихни. Ну да теперь за локоть не укусишь. Вы же о том, что тут произошло, помалкивайте, чтобы никому в голову не пришло, что между нами могли возникнуть разногласия. И, кстати, не забудьте взорвать храм Христа Спасителя в Москве.

– Никому не скажем, – искренне опечалившись, пообещал Сталин, – и в мавзолей вас положим и будете лежать словно живой.

– И Храм Христа Спасителя взорвем, камня на камне не оставим, – торопливо поддакнул Троцкий, он больше всего на свете мечтал устроить какую-нибудь гадость в православном храме.

Но Ленин уже не слышал и как положено мертвецу, словно деревянный истукан, грохнулся на пол.

– А что значит сдырдиться? – спросил Троцкий, он не имел обычая сдерживать своего глупого, праздного и часто надоедливого любопытства.

– Сдырдиться, значит умереть внезапно, без покаяния, – объяснил Сталин.

– А разве он собирался каяться? Ленин вождь мирового пролетариата, а значит, и каяться ему не с руки, ему покаяние, что глухому гармонь-тальянка. Многие ошибочно полагают, что тальянка называется тальянкой потому, что их, эти тальянки, мастера в Туле. На самом деле слово «тальянка» – это искаженное «итальянка». Потому что – опять ошибочно – считали, что ее изобрели в Италии. На самом же деле гармонь придумали немцы, мастеровые, работавшие в Туле на оружейных заводах. А собственно русские в гармонии только деревянные планки, для них под Тулой специально заготавливают «гармонные дрова» – липовые плашки самого лучшего качества, – пожал плечами Троцкий.

Сталин промолчал и, чтобы не слушать словесный понос Троцкого, ушел хлопотать насчет похорон, потому что всегда предпочитал заниматься делом, а не болтать языком, как это любил делать Троцкий, который без пустой болтовни уже жить не мог.

XLVI. Как Сталин вдруг оказался всех речистей

Как дошла до простого народа весть, что умер Ленин, людей охватили уныние и сопутствующая унынию беспредельная тоска. Рабочие на заводах и фабриках остановили работу и впали в оцепенение, только и хватило у них сил чтобы включить гудки и сирены. Гудки загудели, сирены завывали; жалобный, но очень громкий вой повис над страной. Крестьяне бросили кто соху, кто косу, а бабы грабли (дело было в самую сенокосную пору), сели кто где стоял, прямо на землю, развели руки в стороны и говорят друг другу: «Вот те и на, Ленин помер, какая оплошность вышла, кто ж нам теперь лучшую жизнь обещать-то будет?»

Собрались люди на похороны Ленина, все грустные, даже старые большевики опечалились, тайком слезу смахивают. Бывало и на каторге и по тюрьмам держались как бесчувственный, твердый камень-кремень, народу передушили в гражданскую войну – миллионами – и хоть бы хны, а тут прослезились, как тургеневские барышни. Так они Ленина любили, он для них был и свет в окошке, затянутом паутиной, и единственная надежда, все радости сразу и вместе.

Троцкий, Каменев⁴⁰, Зиновьев⁴¹ и еще один – Бухарин⁴² стали речи говорить. Они давно в ораторы метили, их поэтому и называли «трибунами революции», что такое «трибун», простые люди не понимали, что-то вроде как «табун», но к новому слову относились с уважением. Ведь иной по часу – по два мелет, ну запинается, ну картавит, зато ни остановить, а ежели ненароком выскочит из правильной колеи, так тут же в нее, в эту колею опять вобьется.

А тут – пык-мык, и умолкает, все ораторское искусство пропало, такое от переизбытка горестных чувств обычно случается.

А вот Сталин сказал так, что всех до кишок проняло. Тожже, вроде, недолго говорил, если долго языком ментить даже по делу, с цифрами и фактами, с разными примерами, люди утомляются, скучают и перестают слушать. Нужно так подцелить, чтобы и не коротко, и не длинно, а в самый раз и по-простому, чтобы за душу брало, как бабу за «передок». Вот у Сталина так и получилось.

– Не печалуйтесь, товарищи дорогие, что Ленин так рано умер. Оглянитесь, как много он успел сделать за краткие, но галопом прожитые свои последние годы. Всю Россию разорил от края до края, как какой-нибудь могучий богатырь, в иных местах одни руины остались, и лес лежит, повален словно бурей, а села да деревни вытоптаны, будто Мамай прошел со своей несметной ратью оголтелой, тьмой неисчислимой. А уж сколько крови Ленин пролил – тут ему равных ни днем с огнем не сыскать, ни в потемках со стеариновой свечкой. Разин и Пугачев, если бы увидеть им довелось, подивились бы. А если взять, к примеру, декабристов или Герцена в его Лондоне, то им и равняться с Ильичем нечего. Ежели бы собрать всю пролитую Лениным кровь, целая Волга получилась бы, и в России было бы две Волги, и как следствие – два Каспийских моря. Обратитесь к истории: Чингисхан, Тамерлан и Наполеон в треуголке – все по колено Ленину, хотя он ростом и не удался, и лыс, как свежеспиленный пенек. Но главное даже не то, что Ленин сумел в краткий срок разорить Россию и залить ее кровью. Главное, что он вывел нас на путь-дорогу. И нам с вами по этой дороге топтать и топтать, пока не дойдем до Всемирного погрома и грабежа всего земного шара, а как только наступит

⁴⁰ Каменев. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

⁴¹ Зиновьев. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

⁴² Бухарин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

это счастливое время, мы сразу же поставим Ленину памятник выше египетских пирамид из какого-нибудь твердого, блестящего на солнце металла, а не из пошлой бронзы и меди, покрытой патиной. А пока что соорудим мавзолей и положим в него нашего дорогого Ильича в самом лучшем пиджаке и ботинках и будем ходить и молиться уже на него, а не на босоногого Иисуса Христа, от которого ни мумии, ни могилки не осталось, так как он вознесся на небеса и даже на иконах изображен без портретного сходства, у якутов – с раскосыми глазами, у кавказцев – брюнетом, а у хохлов – с чубом. А уж Ленина мы отрисуем по фотокарточкам точь-в-точь, какой был, и портреты его развесим по всей нашей необъятной стране.

Услышав про мавзолей и про портреты с достоверным сходством, все, забыв про скорбь и печаль, обрадовались, но в глубине души, не подавая вида, чтобы ненароком не нарушить траурной церемонии.

А Троцкий, Каменев и Зиновьев (и Бухарин тоже), несмотря на свою обычную неприязнь к Сталину, подумали: «Вот тебе и Сталин. А ведь раньше и двух слов не свяжет, и оратор никудышный, не то что мы. А как сказал. Весомо. С чувством, с толком, с расстановкой. Хотя и есть подозрение, что когда-то яшикался с царской охранкой. И уж что совсем точно – никакой он не еврей. Хорошо еще, что хоть кавказец. Но явно метит в русские, даже ничуть того не стесняясь».

Похоронили Ленина, то есть не похоронили, а положили в мавзолей, Троцкий запил горькую, а Сталин ничего, держится. Вот Сталин и сказал Троцкому:

– Хватит пить, страна вся в разрухе, паровозы стоят, фабрики не дымят, народ дичает, пора перед людьми речи говорить. Людям это нравится.

– А зачем, с какого рожна? – заупрямился Троцкий, – все равно скоро всеобщий грабеж начнется.

– Ну, до всеобщего грабежа еще дожить надо, – ответил Сталин, – ты бы не пьянствовал, а брался за какую-нибудь работу, чтобы от тебя хоть какая польза в народном хозяйстве происходила.

– Работать настоящему революционеру – запахло. Мы и при царском режиме не работали, нас даже на каторге на казенных харчах содержали и кормежку давали – не пожалуешься. К мировой революции призывать – это я пожалуйста, потому как я оратор, трибун, а работать – вот уж тебе хрен с маслом. И кто ты такой, чтобы тут командовать? Где ты был, когда мы с Лениным Зимний дворец брали? Газеты читал? Я-то ведь помню. Мне Ленин о тебе еще тогда в письмеце писал, что ты за гусь, – и подал Сталину какое-то письмо, скорее всего фальшивое, с какой-то стати Ленин стал бы ему письма писать, как какая-нибудь провинциальная чувствительная барышня, жили-то они вместе, в особняке балерины Киесинской.

Это даже представить трудно, да и смешно. Сидит Ленин вместе с Троцким, письмо ему строчит, побежал на почту, письмо отправил, почтальон принесет Троцкому письмо, тот рядом с Лениным в кресле развалится, нога за ногу, читает, переспрашивает, потому как почерк у Ленина неразборчивый, иные слова совсем не понять.

Взял Сталин письмо, прочел, а там про него всякие гадости написаны, мол, когда он еще абреком был, то часть того, что на дорогах наградил, с местным приставом делил. Сталин тут же, не сходя с места, порвал это письмо на мелкие кусочки – надумаешь склеить, не склеишь – бросил на пол и сказал:

– Хочешь остаться жив – собирай свои манатки и езжай отсюда, куда подальше, потому что вижу я, умного слова от тебя не дождеешься – ум-то у тебя тараканий. Но разговаривать учтиво я тебя научу – прирежу, как паршивую овцу, и дело с концом. И заметь, сам Ленин сказал, что не я виноват в его смерти, а ты. И Иудю тебя назвал, а не меня.

XLVII. О писателе Салтыкове-Щедрине

Тут нужно, справедливости ради, пояснить, что Ленин, называя Троцкого Иудушкой, имел в виду не ласкательное обращение к евангельскому Иуде, продавшему своего учителя Иисуса Христа всего за тридцать серебряников, а Иудушку из романа писателя Салтыкова-Щедрина⁴³, вице-губернатора Рязанского, а потом Тверского, дослужившегося до чина статского советника, что по Табели о рангах фактически равнялось генеральскому чину, если бы этот Салтыков-Щедрин не протирал штаны в разных канцеляриях, а как и положено тянул ляжку в армии, где в кого пальцем ни ткни – каждый храбрый солдат и готов без всяких размышлений голову сложить, ежели получит на то приказ командира, который не только о своих солдатах радеет, но и понимает, что и как доложить начальству.

Салтыков-Щедрин личность примечательная, и у Ленина была причина относиться к нему с должным почтением, при том, что никого кроме себя Ленин обычно и знать не хотел, да и не знал в силу своей ужасающей даже среди простых людей необразованности. Салтыков-Щедрин родился в селе Спас-Угол Калязинского уезда, знаменитого впоследствии на всю Россию уездным своим центром – городом Калязином при впадении в Волгу реки Жабни, в котором издавна торг по четвергам, а калязинские кружева, хотя и невысокого достоинства, зато дешевы, но более всего прославленном частушкой:

*В городе Калязине
Нас девчата сглазили,
Если бы не сглазили,
Мы бы с них не слазили.*

Дальний предок Салтыкова-Щедрина некто Сатыков составил подложную грамоту и добавил к своей фамилии букву «л» (вставил ее в середину), чтобы приписаться к боярскому роду Салтыковых, за что его жестоко били батогами, но он перетерпел и букву «л» все же сохранил, а его потомки позже даже вошли в родство с царской семьей. Отец будущего писателя, помещик и «головотяп», известен как ужасный и беззащитный масон.

Он тщетно переводил на русский язык «Энциклопедию» Дидро и писал сатирические стихи – тоже без всякого заметного успеха, обеднел и женился на купеческой дочери. Она, строго исполняя супружескую обязанность, родила ему семерых детей, но денег ни мужу, ни детям не давала ни копейки и умерла, оставив огромное состояние, дети хотели прожить-прогулять денежки суровой матушки, но не тут-то было, они перессорились из-за наследства и опомнились только когда сообразили, что молодость и желания веселых удовольствий уже прошли, а на старость средств много не нужно, делили наследство по суду и вели тяжбы они почти полвека.

Сам Салтыков-Щедрин всякое учение метко называл «абракадаброй» и восторгался французской революцией, утопическим писателем Сен-Симоном и особенно писательницей Жорж Санд, потому что в России поговаривали будто она носит мужские штаны и готова без любых экивоков с места в карьер переспать с любым встречным приличным мужчиной сносной внешности. Император Николай I, узнав о таком образе мыслей Салтыкова-Щедрина, немедленно сослал его, но не в Сибирь, а всего лишь в город Вятку.

Конечно, Вятка это не Петроград с его Невской перспективой, где имея часы с «репетицией», изготовления всем известного Абраама Луи Бреге, можно гулять, ничуть не боясь про-

⁴³ Салтыков-Щедрин. – Полностью вымышленный персонаж романа. Любые совпадения с разными однофамильцами, включая известных исторических деятелей, случайны и не имеют никакого отношения к художественным замыслам автора.

пустить обед, но и не какой-нибудь Баргузин, окружной городишко Забайкальской области, где кроме местного начальства проживают только бродячие инородцы, по большей части тунгусы – именно здесь испытал горечь судьбы поэтов всех времен, например, Кюхельбекер, мысли в голове у которого путались ничуть не меньше, чем у Салтыкова-Щедрина. Тем не менее по службе Салтыков-Щедрин продвигался практически без промедления и всю жизнь мечтал стать губернатором. Мечта эта не осуществилась, и даже жениться ему пришлось на вице-губернаторской дочери.

Она ездила в Париж за дамскими туалетами и не собиралась ни под каким видом носить штаны. А мужа (Михаила по имени) называла Мишелем, его литературные писания – «мишелевыми глупостями» и тратила без остатка все его немалое жалованье. Царь-император в те времена платил вице-губернаторам довольно большие деньги, на Париж хватало. Салтыков-Щедрин же не мог прожить без супруги и трех дней и плакал, когда она равнодушно проходила мимо его, шуриша новомодными платьями по возвращении из Франции, куда «укатывала» в два-три месяца раз, как только случались малейшие изменения фасонов юбок, блузок или мантилий, обычно называемых шпензером – блондовых, тюлевых или буфмуслиновых.

Сочинения Салтыкова-Щедрина всегда вызывали яростные споры просвещенной публики. Одни считали их «переплетением бреда, снов и реальности», прочили автору славу русского Гофмана, другие не признавали его за художественного писателя, называли очеркистом, который без всякого смысла, живости и вдохновения документирует российский идиотизм и кретинизм, ужасный и фантасмагорический, без каких бы то ни было немецких выдумок Гофмана, и вся заслуга Салтыкова-Щедрина заключается всего лишь в переводе чернил и расходе писчей бумаги – три копейки десть, то есть двадцать четыре листа – и пишет исключительно о том, о чем лучше бы помалкивать.

По службе Салтыков-Щедрин рос, потому что был груб с подчиненными, ругал их матом, и они дрожали перед ним, а те, кто знал за собой тайные прогрезения, падали в обморок, их приводили в чувство, давая понюхать нашатырного спирта, отвратительный запах которого поднимет на ноги даже мертвого и потому к употреблению вовнутрь спирт этот совсем непригоден.

Невинные детские годы Салтыков-Щедрин провел в дремучей российской глубинке и ненароком узнал от простого русского народа такие матерные слова и выражения, что ему завидовал даже Некрасов, а не то что Ленин.

Мат Салтыкова-Щедрина был не скабрзный (или как сейчас принято говорить, «сексуальный»), не сальный, не грязный, не пошленький, а грубый, простонародно-наглый, ядреный, беспардонный и оглушительно-бульдोजье-громыхающий, сравнимый даже с весенним громом, дерзко-язвительный, продирающий как водка перцовка, при изготовлении каковой взяли лишнюю порцию перца.

Именно первосортный мат Салтыкова-Щедрина Ленин и ценил больше всего на свете, именно за этот мат он его, Салтыкова-Щедрина и уважал и как писателя, и как вице-губернатора, хотя всех остальных вице-губернаторов он боялся как черт ладана или как пьяный мужик городского с пудовыми кулачищами, потому как ежели такими кулаками он тебя вразумит, то забудешь не скоро.

Ленин так полюбил мат Салтыкова-Щедрина, что уже не мог без него, без этого мата, обходиться ни дня, ни минуты. Взобравшись на какую-либо трибуну, или просто в частной беседе, а тем паче, если возникал какой-нибудь спор (неважно о чем), Ленин старался на два-три обыкновенных слова навесить десяток матерных, забористых, трех- и более этажных.

Он довольно сносно овладел словосочетаниями, ниспосланными в свое время свыше Салтыкову-Щедрину в нередкие минуты творческого экстаза, и матерился самозабвенно, с полной отдачей всех своих буйных сил, обычно увлекаясь так искренне и непосредственно, что уже не помнил, о чем хотел сказать, и не понимал, что говорил, и даже забывал поесть, через

что и заработал легкий, но неприятный гастрит, о чем, впрочем, не сожалел, так как часто прилюдно величал себя публичным человеком, имея в виду не свои нелепые выступления перед публикой, которые у всех вызывали недоумение, а публичных женщин, то есть проституток, самого низшего разбора – до них он был превеликий охотник, если им не удавалось вовремя улизнуть от него с матросами Балтийского флота, благо флот этот базировался со всеми своими крейсерами, линкорами и эсминцами рядом с Петроградом, где Ленин и имел удовольствие упражняться в ораторском искусстве и бесцеремонно демонстрировать словесную прыть и неисправимые дефекты речи, а те, кому волей-неволей приходилось все это слышать, сравнивали Ленина с фонтаном Петродворца «Самсон, раздирающий пасть льва», недоброжелатели же называли приступы ленинского красноречия «фонтанирующим поносом» и «словоиспращением» и даже грубо, но по-научному «словесным экскрементоизвержением».

Недоброжелателей у Ленина завелось очень много, потому что в те годы он приставал ко всем прохожим, останавливал их прямо на улицах и дико жестикулируя тут же произносил свои невразумительные речи. Мемуарные источники того времени свидетельствуют, что из-за этих ленинских эскапад по Невскому проспекту в светлое время суток было просто невозможно пройти, несмотря на его ширину, предусмотренную первостроителем города царем Петром I, с пьяных глаз заложившим в этих гнилых болотах знаменитое впоследствии поселение, а его главную улицу, за просторность, называвшим Невской перспективой, по ней некогда гулял молодой А. С. Пушкин, невзирая на нездоровый местный климат – особенно усугублялись все эти ленинские выходы в период белых ночей, когда он получал возможность не давать людям прохода в течение круглых суток, невзирая на развод мостов на реке Неве, он даже приставал к влюбленным парочкам, и те отбивались от него, кто чем мог, пуская в ход все, что попадалось под руку.

В устах Ленина Салтыково-Щедринский мат приобретал необычное, почти фантастическое свойство. Человек, которого Ленин материл, – просто в запале, энергично и напористо или в припадке бешенства, уже сумбурно и взрывоподобно, на глазах становился меньше ростом, то есть укорачивался, уменьшался (позже этот феномен грубо натолкнул одного из сподвижников Ленина на обоснование ставшей знаменитой теории относительности здравого ума к его полному отсутствию). И многие сотоварищи-подельники Ленина, по неосторожности вступавшие с ним в споры, стали, после того как Ленин их отmaterил, меньше ростом, кто на вершок, а кто и на два, а самые занозистые – на три вершка. Поэтому их и называли «меньшевиками».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.